ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 29 ИЮЛЬ 1982

Династия Нестеровых.

ДИНАС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2870)

17 ИЮЛЯ 1982

Новый жилой район Орехово-Зуева.

Ткачиха А. Д. Нестерова и ее сын, помощник мастера Михаил.

Ткань Нестеровых пришла на отбельно-красильную фабрику. Главный инженер Т. Я. Нестерова, директор фабрики М. А. Востриков и художник Л. А. Пластун работают над новыми расцветками тканей.

Т И Я

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Михаила САВИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Окончание на стр. 7.

13 июля 1982 года в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась пятая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. На снимке: в зале заседания Верховного Совета РСФСР.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Важным шагом в дальнейшем плодотворном сотрудничестве Советского Союза и Франции в мирном освоении космоса стало успешное выполнение программы совместных исследований и экспериментов на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз Т-5» — «Союз Т-6» международным экипажем.

9 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов вручил в Кремле исследователям космоса высокие награды Советского Союза.

Он, в частности, сказал:

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев просил меня от души поздравить вас — участников этой выдающейся экспедиции: советских космонавтов Джанибекова Владимира Александровича, Иванченкова Александра Сергеевича и гражданина Франции Жан-Лу Кретьена с успешным осуществлением космического полета и пожелать вам дальнейших успехов в мирном освоении космического пространства, счастья и благополучия в личной жизни.

Полностью, я бы сказал, блестяще выполнена программа научных экспериментов и наблюдений на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз».

Вместе с основным экипажем орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз» Березовым Анатолием Николаевичем и Лебедевым Валентином Витальевичем в течение семи дней вы трудились умело и самоотверженно.

Отрадно отметить, что в космосе эффективно действовала сложнейшая аппаратура, созданная в Советском Союзе и Франции. Это плод труда ученых, инженеров и рабочих обеих стран. Все они по праву разделяют вместе с космонавтами радость достигнутого успеха.

Ваш космический полет, как и предыдущие, был полностью подчинен интересам освоения космоса в мирных целях. Заполнена еще одна страница в истории покорения Вселенной.

Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при выполнении космического полета в составе международного экипажа, летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза Джанибеков Владимир Александрович награжден орденом Ленина, летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза Иванченков Александр Сергеевич награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда», французскому космонавту Жан-Лу Кретьену присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

При вручении наград.

Фото А. Гостева.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

8 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле видного государственного и общественного деятеля Филиппин, министра, губернатора Большой Манилы Имельду Р. Маркос, находившуюся в Советском Союзе в качестве гостя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. А. Тихонов передал привет и добрые пожелания от Л. И. Брежнева президенту Республики Филиппины Ф. Маркосу и лично И. Р. Маркос.

В ходе беседы было с удовлетворением отмечено, что советско-филиппинские отношения в течение шести лет, прошедших после официального визита в СССР президента Республики Филиппины Ф. Маркоса, развивались по восходящей линии, наполнялись конкретным содержанием.

Н. А. Тихонов и И. Р. Маркос дали высокую оценку соглашению о научно-техническом сотрудничестве, подписанному в Москве 8 июля, и высказали намерение вести дело к дальнейшему расширению взаимовыгодных связей между двумя сторонами в различных областях.

При обмене мнениями по международным вопросам И. Р. Маркос дала высокую оценку мирным инициативам Советского Союза, отметив выдающийся личный вклад Л. И. Брежнева в борьбу за мирное будущее человечества.

И. Р. Маркос просила передать Л. И. Брежневу дружественные приветствия от президента Республики Филиппины Ф. Маркоса и от нее лично.

Перед началом беседы.

Фото А. Гостева

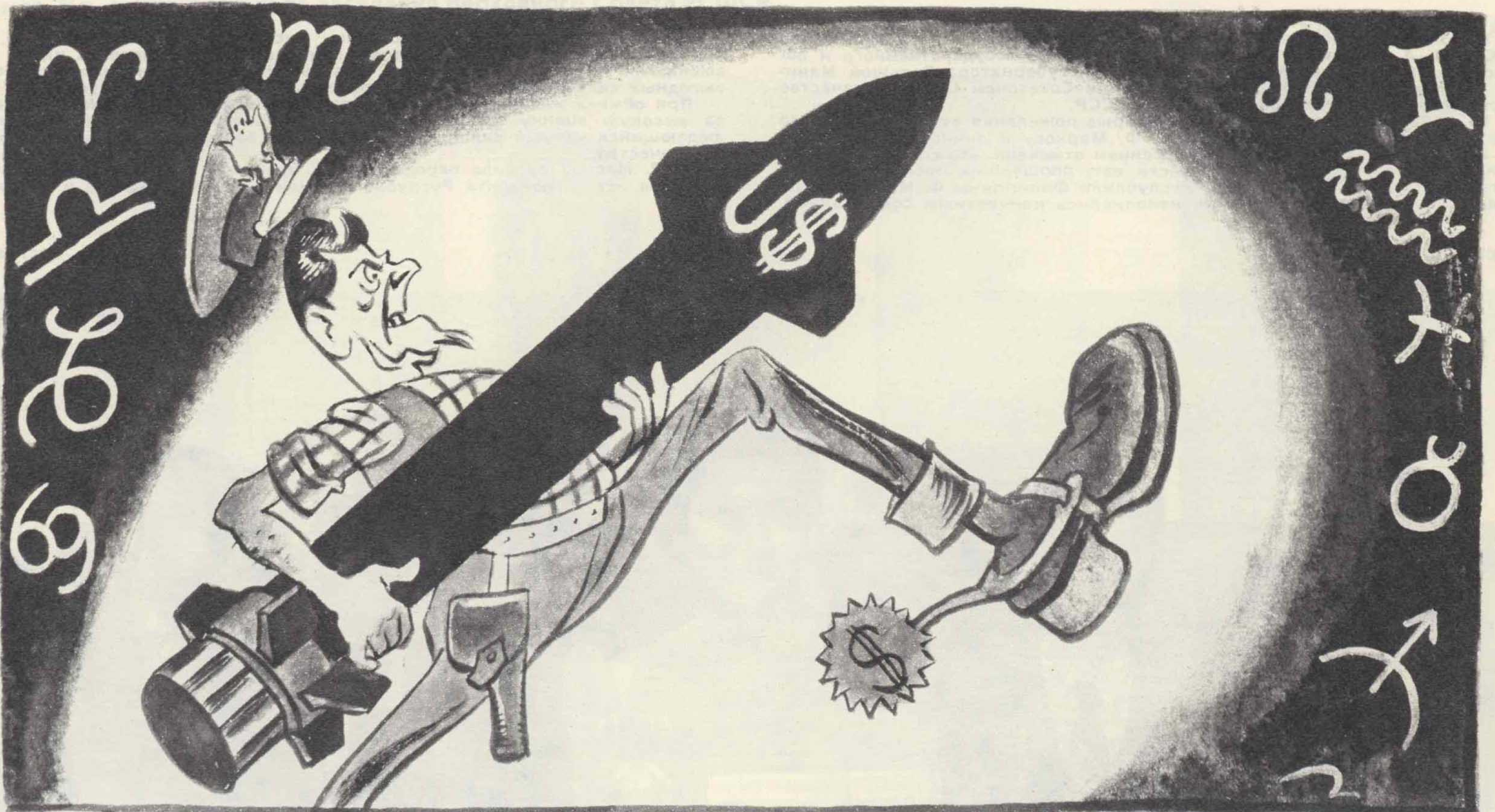
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СИОНИЗМ-ВАНДАЛИЗМ

В Бейруте льется кровь.
Тревожный час настал,
Разбойничает вновь
Израильский вандал.

Америка господ!
Не ты ль вооружала,
Не ты ль звала в поход
Свирепого вандала!!

Рисунки Бор. ЕФИМОВА



ПЕНТАКОСМОС

Воители берут
Космический разгон:
Заоблачный маршрут
Наметил Пентагон.

Ему милей всего
Не знаки зодиака,
А натиск своего
Воинственного знака.

Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ДЕЙСТВИЯ ИЗРАИЛЯ — ЭТО ГЕНОЦИД

— Тому, что сейчас происходит в Ливане, есть лишь одно название — геноцид,— заявил в интервью собственному корреспонденту АПН в Вене В. Боеву один из старейших членов Социалистической партии Австрии, видный общественный деятель Йозеф ХИНДЕЛЬС.

— Напомню,— сказал он,— что Социалистическая партия и Социнтерн осудили агрессию и потребовали, чтобы израильские войска были выведены из Ливана. Федеральный канцлер Австрии Б. Крайский охарактеризовал действия Тель-Авива как полуфашистские. Действительно, то, что творит израильская военщина в Ливане, воскрешает в памяти злодеяния нацистов в прошлом.

По-моему, существуют два обстоятельства, которые препятствуют и, вероятно, еще долго будут мешать мирному урегулированию на Ближнем Востоке. Во-первых, Израиль пользуется всесторонней поддержкой Соединенных Штатов, без которой он никогда не смог бы проводить свою нынешнюю политику. И хотя Америка иногда критикует Израиль, это никак не отражается на предоставляемой ему экономической и военной помощи, а в ООН представители США неизменно принимают сторону Израиля. Во-вторых, в Израиле господствует сионистская идеология. И пока Израиль не откажется от этой идеологии, предпосылок для мирного урегулирования в районе Ближнего Востока, я думаю, существовать не будет. Действительно, ведь центральной проблемой мирного урегулирования является признание права на самоопределение арабского народа Палестины. А Израиль в условиях господства идеологии сионизма не желает с этим согласиться.

Я приветствую сделанное Советским Союзом предостережение, так как вероятность высадки американских войск действительно существует, и тогда хоть и весьма опасный, но все же локальный конфликт приобрел бы куда более широкие масштабы и еще ближе подвел бы мир к порогу атомной войны. Я приветствую и тот факт, что Организация освобождения Палестины решительно отвергла планы американского вмешательства. Ведь на самом деле американцев интересует вовсе не эвакуация палестинцев из осажденного Бейрута, а возможность обосноваться в Ливане и превратить его в плацдарм своей политики. Короче говоря, американские планы я считаю чрезвычайно опасными и могу лишь надеяться, что им не суждено сбыться.

НАШ ДОЛГ — ОБУЗДАТЬ АГРЕССОРА

— Заявление США о готовности вмешаться в развитие событий в Ливане было встречено с возмущением во всем мире. Мы с большим энтузиазмом восприняли обращение президента Брежнева к президенту Рейгану, в котором содержится предупреждение, что Советский Союз не останется равнодушным в случае американского вмешательства,— сказал в интервью корреспонденту АПН Андрею Праву вице-президент Организации солидарности народов Азии и Африки Вассос ЛИССАРИДИС.

— Все мы убеждены,— подчеркнул он,— что сионисты никогда бы не решились пойти на столь наглую и варварскую агрессию, если бы не были уверены в полной поддержке Вашингтона. Поэтому вина за преступления, которые творят сегодня в Ливане израильские солдаты, лежит и на Соединенных Штатах.

Действия Израиля — угроза миру не только на Ближнем Востоке, а на всей планете. Это сегодня понимают как на Кипре, так и в подавляющем большинстве стран. Показатель тому — осуждение Израиля в ООН. Общественность Кипра, естественно, возмущена агрессией сионистов. Мы понимаем, что Ливан стал жертвой заговора империалистических сил, таких, как США и НАТО, рассчитывающих после израильской агрессии насадить там послушное правительство. В свое время эти же силы плели нити заговора и против Кипра, который они хотели превратить в непотопляемый авианосец НАТО. США считают Ближний Восток районом, «жизненно важным» для интересов «свободного мира». Здесь создается мощная сеть военных баз, призванных контролировать развитие ситуации. Так что агрессия Израиля — всего лишь одно из звеньев в цепи политики империализма.

УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Не оставайтесь безразличными к судьбе Ливана, к судьбе палестинцев! — этот призыв не сходит сейчас со страниц итальянских газет. Итальянцы разных политических убеждений с глубокой озабоченностью следят за развитием событий на Ближнем Востоке.

— Италия — средиземноморская страна и не может безучастно наблюдать за обострением обстановки в регионе,— сказал в беседе с корреспондентом АПН в Риме А. Хазовым член парламентской комиссии по обороне, депутат-социалист Фалько АККАМЕ.— Мы, как никто другой, кровно заинтересованы в сохранении мира и стабильности в Средиземноморье. А действия Израиля в Ливане представляют угрозу этой стабильности.

Нельзя допустить, чтобы насущные международные вопросы решались военной силой,— продолжал Ф. Аккаме.— В своей позиции относительно палестинской проблемы Италия всегда исходила из необходимости гарантировать арабскому народу Палестины те же права на государственность, какими обладает Израиль. Время не ждет. Государства — члены ООН должны мобилизовать все усилия для мирного решения кризиса на Ближнем Востоке. Свой существенный вклад в этот вопрос должна внести и Италия.

АПН, специально для «Огонька»

ЗАПАДНЫЙ БЕЙРУТ: МУЖЕСТВО ПАТРИОТОВ

С большими потерями преодолев мужественное сопротивление немногочисленных групп палестинских бойцов и ливанских патриотов, почти стотысячная израильская армия в середине июня подошла к Бейруту. Она заняла восточную часть столицы, где ее радушно встретили правохристианские силы. Западные районы ливанской столицы оказались полностью блокированными. Натолкнувшись на стойкую оборону патриотов, захватчики терзают мирный город, с особой злобой обрушиваясь на палестинские лагеря и примыкающие к ним кварталы трудового люда.

Лагерь Шатила, где разбит или сожжен фосфорными бомбами и снарядами почти каждый второй дом, вовсе не опустел, как я предполагал. Вместе с бойцами здесь осталось немало подростков и женщин, отказавшихся перейти в относительно более безопасные кварталы Хамра или Рас-Бейрут. 12 — 17-летние ребята помогают взрослым нести караульную службу. Жены и матери бойцов готовят пищу и ухаживают за ранеными, многие из которых размещены теперь в подвалах и бомбоубежищах — оба госпиталя палестинского Красного Полумесяца подверглись бомбардировкам и артобстрелам. Среди раненых я увидел двух мальчиков. Они изувечены мелкими шариками и осколками от кассетных бомб американского производства.

Блокада дает себя знать и в центральных кварталах Западного Бейрута. Возле советского культурного центра, где есть электрогенератор и водяная скважина, стоит длинная очередь жителей из близлежащих домов с ведрами и бидонами. Израильская армия более недели держит осажденный Бейрут без воды. И это при 35-градусной жаре в городе, где нет даже маленькой речки! Большинство блокированных районов лишены и электроэнергии.

В таком же положении находятся и многие центры «народной помощи». В них оказывается содействие раненым, осиротевшим детям, старикам и беженцам. Здесь без устали работают добровольцы, в основном женщины. В одном из центров на улице Мсеитба вместе с двумя девушками из Союза демократической молодежи, одетыми в полувоенную форму, хлопочет у плиты жена бизнесмена в богатых украшениях.

— Я осталась здесь под бомбами,— говорит она,— так как муж оказался за границей по своим торговым делам. Две ночи подряд я слышала плач больных и раненых детей беженцев, а на третье утро пришла сюда помогать. В чем повинны эти женщины и дети? Они бежали от кошмара бомбардировок из Сайды и Тира и снова попали в ад войны! Есть ли сердце у генерала Шарона и его приспешников? Я сама видела, как на пропускном пункте у Галери Самаан израильские солдаты выбрасывали на асфальт отобранные у едущих в Западный Бейрут бисквиты, детское молоко и лекарства. Это настоящие варвары, и прощения им не будет никогда.

Некоторые из беженцев, заполнивших школы, церкви и даже немногочисленные куцые бейрутские скверы, уже не в первый раз сорваны со своих мест сионистскими агрессорами. Сначала они бежали из Палестины, потом из приграничных ливанских деревень, затем из лагерей под Тиром и Набатией. Несмотря на угрожающие требования оккупантов уйти из Западного Бейрута, надвигающийся голод и нехватку воды, большинство бейрутцев твердо решили остаться в столице.

...Мой ливанский знакомый Мухаммед только что вернулся в Бейрут с оккупированного ливанского юга. Он навещал семью и родственников под Сайдой и в районе Тира. Прежде чем поздороваться, Мухаммед зашел в ванную и долго отмывал там израильскую печать, поставленную ему прямо на запястье правой руки при выезде из Сайды в Бейрут.

— Хотя моя семья осталась на юге, я больше туда не поеду, пока оккупанты не уйдут из Сайды и Тира и не уберут патрули с дорог,— рассказывает он.— Я не хочу еще раз подвергаться таким унижениям и видеть, что творят оккупанты в наших городах. Сайда уже разрушена захватчиками больше чем на 60 процентов. Израильтяне не предпринимают никаких мер, чтобы наладить мало-мальски сносную жизнь в городе. Наоборот, они мешают попыткам ливанских и международных организаций облегчить участь оставшихся в Сайде ливанцев и в особенности палестинцев.

В городе,— продолжал Мухаммед,— появилось отделение сионистского «Леуми банк», которое буквально охотится за долларами и другой твердой валютой, скупает у населения золото и драгоценности.

Парализовав внутриливанскую торговлю, оккупанты наводняют юг страны залежалыми израильскими товарами и продают их по спекулятивным ценам. Захватчики бросают в застенки и концлагеря тысячи ливанцев и палестинцев, допрашивают их под пытками, некоторых вообще увозят неизвестно куда. Люди живут в постоянном страхе.

О том, что творится на юге, рассказывал мне и Низар, палестинский врач, на днях совершивший туда опасную поездку, пользуясь тем, что он имеет ливанское подданство.

Уже перед Дамуром, на полпути от Бейрута,— говорит он,— меня дважды останавливали и обыскивали на израильских за-

ставах. Однажды ко мне подошел ливанец. Он стал задавать различные вопросы, внимательно вслушиваясь в мое произношение. Это был один из местных предателей — приспешников израильской марионетки майора Хаддада, пытавшийся обнаружить палестинцев по их диалекту, немного отличающемуся от южноливанского. К счастью, я хорошо знаю местный говор и миновал эту ловушку.

Низару было поручено узнать что-нибудь о судьбе некоторых из пятисот своих коллег, пропавших без вести с приходом оккупантов. Как заявил руководитель палестинского Красного Полумесяца Фатхи Арафат, многие из них были схвачены агрессорами, подвергнуты пыткам и увезены в Израиль. Этой участи не избежали многие врачи и медицинские сестры из стран Европы.

Он с гневом говорил о том, как оккупанты обращались с женщинами, детьми и стариками, которые жили в лагере беженцев Рашидия. Палестинцев выгнали на берег моря и десять дней продержали на раскаленном песке под палящим солнцем. Вернуться в лагерь им не дали, хотя некоторые дома сохранились.

И доктор Низар и Мухаммед рассказали далеко не о всех бедах, обрушившихся на жителей ливанского юга в результате израильской агрессии. Те, кто уцелел, попали в положение парий оккупационного режима. Ненависть сионистов к палестинскому народу безгранична. Жители Сайды стойко оборонялись в окружении почти две недели. Теперь же израильская армия сносит уцелевшие там строения бульдозерами. Разрушены и разграблены все палестинские школы, больницы, клубы. Школа католических монахинь в Сайде превращена в застенок, где томятся палестинцы, а на обширной территории цитрусовой компании «Сафа-заатари», окруженной прочным забором, устроен концлагерь.

По свидетельству греко-католического митрополита Тира, более шести тысяч жителей этого города с населением 60 тысяч человек было арестовано израильтянами и только небольшая их часть выпущена из застенков после допросов и пыток. Он возмущенно говорил, что каратели неоднократно врывались в церкви и арестовывали даже женщин, просивших убежища. И все же захватчиков не покидает страх. Даже в разрушенной Сайде они выставляют повсюду усиленную охрану, не рискуют ночевать в домах ливанцев, стороной обходят кустарники и руины палестинских лагерей.

Захватчики смертельно боятся партизан, которые до сих пор скрываются на заброшенных апельсиновых плантациях и в зарослях и нередко совершают смелые нападения...

Патриоты намерены сражаться до конца и уверены, что захватчики не уйдут от возмездия, что израильская военщина будет вынуждена убраться с ливанской земли. Преступникам не избежать ответственности за убийства мирных людей, за злодеяния и надругательства над ливанскими и палестинскими патриотами.

Александр СМИРНОВ,
собкор АПН —
специально для «Огонька»

Бейрут.

СЕРДЦЕ ПОМНИТ

22 июля — национальный праздник братской ПНР, 38-я годовщина возрождения Польши. Эту дату она отмечает в сложной обстановке. Не прекращается враждебная кампания, развернутая против Польши в США и других странах Запада. Руководство ПНР принимает необходимые меры для нормализации обстановки в стране, чтобы обеспечить ее дальнейшее продвижение по пути социализма. В трудный час рядом с Польшей ее испытанные друзья — Советский Союз, другие государства социалистического содружества. СССР дает решительный отпор продолжающимся попыткам вмешательства сил империализма во внутренние дела ПНР. Социалистическая Польша может быть уверена в поддержке Советского Союза. Наша дружба прочна и нерушима. Она скреплена кровью, пролитой в борьбе против фашизма. 600 тысяч советских воинов отдали свою жизнь за освобождение страны от фашизма. Память о совместных боях свято хранят советские люди. Об этом говорят письма, которые пришли в «Огонек».

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Трудными военными дорогами прошел командир пулеметного взвода Киянец Иван Ефремович. Бывший учитель, он не думал стать военным. Но судьба сложилась так, что в июне 1941 года он надел солдатскую шинель. Бывал он и в окружении, и в госпитале, и в обороне, и в наступлении. А в октябре 1943 года в нашу семью пришла похоронка. В ней сообщалось, что отец мой, Киянец Иван Ефремович, верный воинской присяге, был убит 13 октября 1943 года в бою за населенный пункт Тригубово и похоронен в деревне Ленино, Горецкого района, Могилевской области. Позже я узнал, что в этом бою в октябре 1943 года у села Ленино вместе с советскими воинами сражалась польская дивизия имени Тадеуша Костюшко, а часть, в которой воевал мой отец, поддерживала наступление польских воинов.

Шли годы, и росло мое желание найти могилу отца. И вот летом 1976 года я приехал в Ленино. Это было 22 июля, в день возрождения Польши. По установившейся традиции в этот день в Ленино встречаются ветераны Советской Армии и Войска Польского.

Я не только нашел братскую могилу, в которой похоронен мой отец, но и встретился с теми, кто воевал в этих местах. Ветераны подробно рассказали о бое за Ленино и особенно за высоту 215.5. Освобождая Ленино, погибли 1711 советских и 502 польских воина. На этой высоте сейчас музей советско-польского боевого содружества. Он построен в виде солдатской каски. В музее собраны боевые знамена советских и польских воинских частей, много реликвий и документов, рассказывающих о бое 12—13 октября 1943 года, о дружбе польских и советских воинов, скрепленной кровью. В музее есть и стенд с именами погибших советских и польских воинов. На этом стенде в девятом столбце на девятой строчке написана фамилия моего отца. Чтобы увидеть своими глазами эту строчку, я и приехал из Казахстана на белорусскую землю.

Под Ленино геройской смертью погибла отважная польская девушка медсестра Анеля Кшивонь. Она сопровождала идущую в тыл машину с ранеными. В машину угодила бомба, и она загорелась. Анеля стала снимать с машины раненых и относить их на безопасное расстояние. Когда почти все раненые были спасены, огонь дошел до бензобака, пылающий грузовик перевернулся и накрыл собою Анелю. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наши ветераны много рассказывали о мужестве польских воинов. Ярости, с которой они пошли в атаку за высоту 215.5, казалось, не было предела. Одну траншею за другой они освобождали от врага. Дело доходило до рукопашных схваток. После боя поляки слышали из наших окопов слова восхищения их мужеством: «Орлы поляки! Герои!» Эта борьба воинов двух армий завершилась взятием Берлина, в боях за который вместе с нашими войсками участвовали и польские воины.

А. КИЯНЕЦ,
директор школы

Уральская область,
совхоз имени Жданова.

ДВА ГИМНА

Я воевал в бригаде особого назначения 1-го Белорусского фронта в 33-й армии. Ее боевой путь — освобождение Смоленска, потом Витебска, Минска и других городов Белоруссии и затем Польши.

После освобождения Лодзи я был направлен на выполнение одного задания. Поздним вечером оказался в небольшом городе. Надо было определиться на ночлег. Вышли на небольшую площадь, в центре которой стоял костел. Напротив мы заметили свет в окнах небольшого дома с мансардой. Постучали. Нас впустили. Хозяин, хозяйка и три взрослые дочери ужинали. Нам дали умыться, усадили за стол, накормили и затем отвели отдельную комнату, в которой стояло пианино. Мы спросили, не может ли кто-нибудь поиграть на нем.

Тут младшая дочь, девочка лет четырнадцати, довольно реши-

Варшава сегодня.

Фото А. Юрьева

тельно подошла к инструменту и заиграла... Гимн Советского Союза. Мы оторопели. Здесь, в глуши, хорошо знали мелодию Гимна Советского Союза, несмотря на то, что создан он был всего год назад, когда это местечко находилось в оккупации. Мы, солдаты, в своих частях, в лесах, окопах разучивали слова и мелодию гимна, но слышать его приходилось очень редко. Мы стояли и слушали, а по спине пробегали мурашки.

Не передать, как мы были в тот момент благодарны этой польской девочке! Значит, нас, освободителей, здесь ждали, и прозвучавший гимн был символической благодарностью и подарком всем советским солдатам, хотя нас было всего трое.

А. ТАРАНИН

Ростов-на-Дону.

* * *

В январе 1945 года войска 1-го Белорусского фронта, сломив сопротивление фашистов, стремительно наступали по дорогам Польши. Курс — на Берлин.

Ансамбль, которым я руководил, вместе со штабом и политотделом фронтовой автобригады двигался вслед за наступавшими частями. Быстро проехали через Варшаву — вернее, через развалины этого чудесного города — и безостановочно двигались по дороге на Познань. К вечеру остановились в одном небольшом городке, километров шестьдесят не доезжая Познани.

Здесь никаких боев не было. Городок полностью сохранился. На улицах пусто, все жители отсиживаются дома: после фашистской агитации русских боялись.

Начальник политотдела предложил мне организовать концерт ансамбля для жителей города и офицеров нашей части.

Зал был набит битком. Публика — в основном женщины. В стороне сидели наши офицеры, на которых испуганно и с любопытством поглядывали поляки.

Еще до нашего наступления на Варшаву я готовил с ансамблем новую программу. Решил разучить с хором и оркестром гимн Польши — «Еще Польска не сгинела...».

Один из местных жителей напел мне мелодию, которую я оркестровал на наш состав оркестра. Он же дал мне текст. Хор успел разучить только первый куплет на польском языке. И все же мы решили начать наш концерт с исполнения гимна. При фашистах исполнение гимна считалось преступлением и строго каралось (мы этого не знали).

Открылся занавес. Я взмахнул палочкой, и полились звуки чудесной мелодии. Я стоял спиной к залу и не видел того, что произошло. Только услышал, как все зрители поднялись. Когда закончилось исполнение первого куплета — единственного куплета, текст которого выучил хор, я повернулся лицом к залу, ожидая аплодисментов. Но вместо аплодисментов я услышал мощное звучание гимна. Весь зал исполнял (без дирижера и без аккомпанемента) второй куплет гимна! Впереди, простирая руки, стоял старый человек и... плакал.

Наш оркестр подхватил мелодию.

Бывший старший лейтенант М. СМУЗИКОВ

Москва.

См. стр. 1.

ДИНАСТИЯ

В рабочем обиходе текстильщиков есть немало рожденных производством слов. Но, пожалуй, главное среди них — «основа». Каждый ткач знает, что от того, насколько хороша основа, зависят не только прочность и красота ткани, но и ее качество. Однако у этого слова есть и иной, метафорический, смысл. Основой трудовой славы многотысячного коллектива ореховских текстильщиков по праву является в числе прочих и династия Нестеровых. А ее нынешними запевалами — помощники мастера Виталий и Михаил Нестеровы.

Дед Виталия и Михаила Семен Карпович Нестеров работал еще у Викулы Морозова. Считался одним из лучших мастеров на красильной фабрике и так умел подобрать и нанести цветовую гамму, что сама радуга на ее фоне казалась бледной. Чопорный и немногословный В. Морозов хоть и был скуп на похвалу, но о таланте Нестерова говорил в степенях превосходных. Семен Карпович тоже не отличался словоохотливостью, однако любил вспоминать, как в дни знаменитой Морозовской стачки, когда рабочий класс России организованно выступил за свои права, вместе с женой ходил в «непокорных», добиваясь справедливости и равноправия. Любовь к своему ремеслу, революционный дух переустройства и обновления целиком перенял от отца Михаил Семенович Нестеров и без малейшей утраты «нестеровской концентрации» передал его двум своим сыновьям — Виталию и Михаилу. Умер Семен Нестеров в канун третьей годовщины Октябрьской революции, завещая потомкам быть всегда слугами своей совести. И не только дети, но и внуки его лицом и характером напоминают «непокорного красителя».

Памятник Морозовской стачке 1885 года.

— У них обоих аллергия на несправедливость развилась еще со школьной скамьи,— говорит о сыновьях Михаил Семенович Нестеров.— Когда однажды учительница математики под горячую руку, что называется, влепила соседу Виталия по парте «двойку» за контрольную только потому, что он поминутно доставал носовой платок — она думала, в нем спрятана шпаргалка,— Виталий отказался сдавать свою работу. Потом в кабинете завуча доказал невиновность товарища и успокоился лишь тогда, когда правда восторжествовала. Да и младший сын, Михаил, за правду постоять готов.

Сам Михаил Семенович — один из первых в стране стахановцев в своей отрасли. Он особо гордится, что привил детям любовь к профессии ткача. А те, в свою очередь, вывели «на волну» семейной традиции своих избранниц. Только у Виталия Михайловича с женой Верой Ивановной, одной из лучших ткачих предприятия, общий стаж работы на комбинате подбирается к шестому десятку.

— Скоро они нас с мужем перегонят,— замечает мать Виталия Михайловича Анна Дмитриевна, которая, выйдя на пенсию, не захотела сидеть сложа руки и, как в молодости, продолжает обслуживать двенадцать ткацких станков, выдавая продукцию высшего качества.

Со многими людьми говорил я на фабрике о знаменитой династии. Председатель фабкома Л. Курганова не без гордости поставила в заслугу Нестеровым их постоянное стремление к совершенствованию организации труда, повышению производственной дисциплины. И еще они всегда готовы помочь отстающим. Виталий Михайлович вместе с отцом трижды добровольно переходил на отстающие комплекты оборудования, терпеливо отлаживал их, доводил «до ума» и вновь становился передовым помощником мастера.

— Когда рядом кто-то из Нестеровых, работается вдвое легче,— убежденно говорила Мария Шарова.— За много лет я не помню ни одного случая, чтобы по вине кого-то из Нестеровых простояла хоть бы одна ткацкая машина...

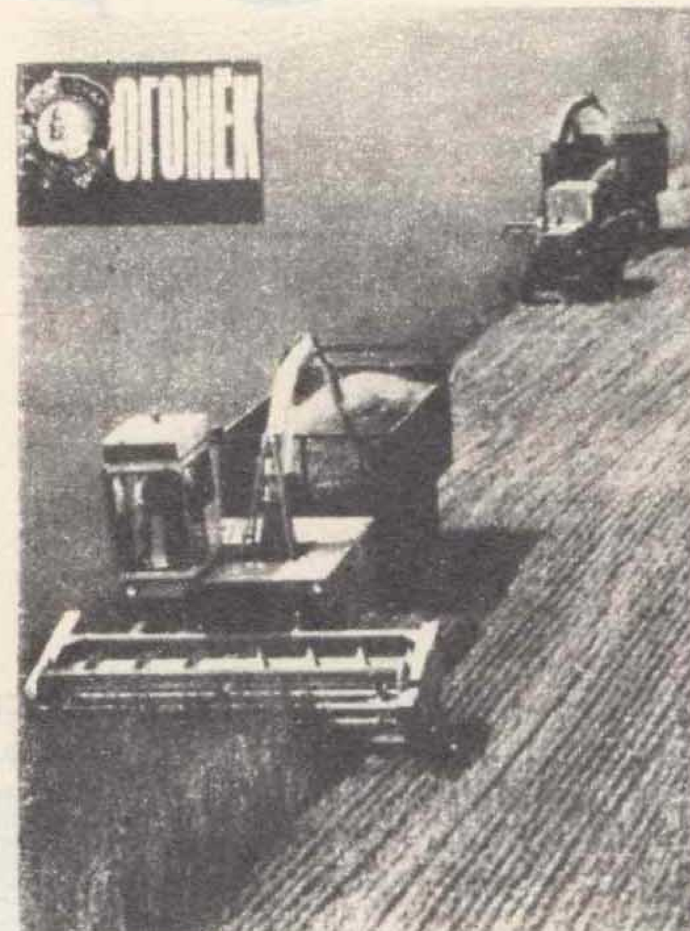
На фабрике мне рассказывали, что не кто иной, как Виталий Нестеров, помог раскрыться самобытному таланту Марии Шаровой, ведущей ткачихи комбината, ныне Героя Социалистического Труда. Родина отметила и труд самих Нестеровых. Михаил Семенович удостоен ордена Октябрьской Революции, Виталий Михайлович — двух орденов «Трудовой славы». Неоднократно отмечалась работа и остальных членов дружной семьи.

В кабинете генерального директора Ореховского хлопчатобумажного комбината, депутата Верховного Совета СССР Б. Молодцова мы с карандашом в руке подсчитали, что трудовой стаж Нестеровых давно перевалил за двести лет.

— Чтобы зримым стал их вклад в производство,— продолжая расчеты, говорит Борис Андреевич,— достаточно одного примера. Из ткани, выпущенной Нестеровыми, можно сшить изделия для жителей такого многомиллионного города, как Москва. И тем не менее не в этом их главная заслуга. Такие, как Нестеровы и миллионы им подобных, составляют гордость нашего рабочего класса, ибо в основе их действий на производстве, в сельском хозяйстве, на строительных площадках лежит государственный подход к своему делу.

Орехово-Зуево
Московской области.

КОСИ, КОСА!



Замкнутый круг полевых работ — самая что ни на есть земная орбита, по которой вращаются миллионы тракторов, косилок, жаток, разных комбайновых агрегатов, самоходных и на прицепе. А вместе с ними не сходят с этой орбиты славные экипажи, механизаторы колхозов и совхозов, наши кормильцы. Вот и в эти дни, справедливо названные страдными, идет-гудет зеленый шум на лугах и плантациях многолетних и однолетних трав и травосмесей. Время позаботиться о кормах для общественного поголовья, о сытной зимовке на комплексах — современных фабриках мяса и молока. Траву косят и машинами и вручную. Траву сушат, стогуют, закладывают в сенажные ямы и башни, перемалывают в витаминную муку, гранулируют. Смекалистые люди в Одесской области открыли новый способ хранения сена в траншеях: «Чай получается, ни листочка не теряем!»

Коси, коса!.. И она косит, и обливаются горячим потом селяне и те горожане, которые долгом перед селом мобилизованы в эту пору на зеленую страду. И тут одного порыва мало. Голыми руками трав не свалить, не поднять на стога. Проблемой стала нынче коса, та самая, воспетая Кольцовым и Твардовским. Оказывается, кос мало, а той, что литовкой прозвали, практически теперь уже и нет. Нынешние косы делаются из бросового металла, их не отобьешь и не оттянешь, они уступают по стойкости травяной массе — не косят, а ломают стебли, сами тупятся. Вот ведь все в городе понимают, что мясо и молоко, их качество и количество зависят от кормов, от того, вдосталь ли будет их осенью, и зимой, и ранней весной в кормушках у коров и бычков, и все же, и все же... Большие у селян претензии к городу, к сельскохозяйственным машиностроителям: и жаток высокопроизводительных мало, и стогометов нехватка, и слаба конструкция тракторных граблей, да и машины для тюкования сена на лугу или в поле уже много лет не выдерживают критики механизаторов. А было бы побольше надежных машин — веселее пошли бы дела у заготовителей кормов.

Кормопроизводство — в наше время эта отрасль народного хозяйства наиглавнейшая. Ответственное это дело — накормить скот, а значит, гарантировать наконец-то перелом в развитии животноводства.

...Роса долой — и мы домой? Да нет, нынче косят и по росе и без нее, нынче каждый световой час дорог. От вод Балтики до пастбищ Аксая стар и млад поспешают свалить травостой, управиться с зеленой жатвой до жатвы хлебной. Хороши травы под небом июля! Но еще веселее будет на душе, когда их высушат и переработают на кормозаводах. Радостны летние заботы! Но и ответственные сверх меры.

Н. БЫКОВ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Евгения БЫЧКОВА

За широкими окнами московского Дома художника по брусчатке Кузнецкого моста мела последняя мартовская метель, снег под колесами машин и ногами тысяч прохожих на глазах превращался в грязное месиво. Низкое небо. Серенький будний день. Но стоило перешагнуть порог выставочного зала, и перед вами разворачивалась многокрасочная панорама жизни: шумели на ветру березы, затопляло пойменные луга половодье, в морозной тишине деревенской улицы говорливо прощались покидавшие красивый, «пряничный» дом гости, танцевала под звуки столь характерного для наших дней инструментального ансамбля молодежь, почтенные старики «философствовали». Портреты людей, чья именитость и знаменитость заключались в том, что они честно, истово потрудились на земле своих предков. Подчеркнуто земные деревенские натюрморты. Пылающие чистыми красками интерьеры соборов. Задумчивая тишина периферийного городка. Деревни на угорах. Россия. Узнаваемая, родная, близкая. Стоит перестать замечать многолюдье вернисажа, погрузиться в себя, и память выносит из глубины времени музыкальные ассоциации. Вспоминаются прекрасные мелодии Чайковского и Рахманинова, проникновенный распев Первой симфонии Калинникова.

Выставка «Родная земля», творчество десяти ее экспонентов были в добром смысле слова традиционными, в русле, проложенном русским искусством. Это радовало, согревало сердце. Выставка не отпускала. Неторопливо передвигались по ней зрители. Как хорошо, когда живопись открывает возможность духовного соприкосновения с тем, что одинаково близко художникам и зрителям: природой и культурным достоянием народа, глубокой историей и животрепещущей современностью!

У каждого из десяти участников выставки — свои пристрастия в жизни и в искусстве. Склонности и интересы, характеры и темпераменты проявились в жанровых и тематических устремлениях, многоплановости жизненных впечатлений и ассоциаций, послуживших толчком к созданию отдельных полотен или циклов картин...

Владимир Щербаков выступил с триптихом «Поле Куликово», посвященным 600-летию битвы, так много значившей для судьбы нашего Отечества. Видение и понимание В. Щербаковым великого исторического события личностно, индивидуально и вместе с тем народно по сути. Это еще одна строка, вписанная нашим современником в создаваемое на протяжении вот уже шести веков сказание о битве на поле Куликовом.

Владимир Щербаков, обратившись к далекой и славной странице истории, говорит эпическим слогом. Есть тому веские причины и основания. Такова традиция. Так сердце слышит. Преодолено большое пространство времени — отошло, отсеялось все малозначащее, бытовое, преходящее. Шаги молодого воина и его коня — движение к нам, шаги истории.

Величаво течет река времени в картинах цикла «Поле Куликово». С наибольшей полнотой выражено ощущение и осознание исторического события в картине «Победитель». Отшумела битва. Павшие в бою с честью преданы земле. Растеклась по своим землям рать, собранная под знамена московского князя Дмитрия, ставшего после победы на Куликовом поле Донским. Вчерашний ратник обратился к назначенному ему от века делу — землепашеству. Вместе с солнцем поднялся он и вывел в поле коня, чтобы землю обратать, чтобы полнилась счастьем и довольством русская земля, ибо труд рождает хлеб. Обобщенно, лаконично написана картина «Победитель». Масштабность мысли требует именно такого художественного решения.

Озаренные сквозной зеленью молодой листвы, налившиеся первым соком ликующие весенние деревья, лучи солнца, заливающие землю сверкающим потоком,— радостно, торжественно, прекрасно видение родной земли! Художник Н. Федосов, постигнув чудо постоянного обновления, преображения всего сущего под волшебными лучами солнца, стремится поэтически выразить это в своих этюдах-картинах. Он знает, что не бывает двух одинаковых рассветов, что бесконечно многообразны и всякий раз прекрасны земля и небо в лучах дарящего жизнь светила. Сложнейшие, вполне достоверные светоцветовые состояния природы доступны ему. Большое мастерство и совершенное видение позволяют этому художнику запечатлеть первозданность красоты мира. Задача, которую решает Н. Федосов, сродни той, что ставили себе пейзажисты прошлого столетия: как можно полнее выразить на холстах реальную, земную красоту. Сегодня, когда ценнейшим благом признается сама природа, когда большие усилия общества обращены на охрану окружающей среды, творчество Н. Федосова представляется актуальным обращением искусства к современной проблематике.

В основе характера каждого из сюжетов, избираемых этим талантливым живописцем, лежит постоянная верность натуре. Его пейзажи словно стремятся вместить всю ширь родных полей, чутко улавливать бег времени, его тончайшие внутренние движения. Художник Н. Федосов услышал в себе поэта, ощутил, что земля — это нечто большее, чем вспаханная нива, ключ ледяной воды, вечный гул лесов. Каждая травинка, каждая речка или озерцо, каждый дом или выгон стали восприниматься им как национальное богатство.

«После войны»... В глазах солдата, расположившегося у обочины лесной дороги, чтобы покормить мальчишку-попутчика,— отцовская нежность, сострадание к осиротевшему, бездомному мальцу, неотступная мысль: «Как поступить? Доставить в детдом? Усыновить?» Он так поглощен поиском ответа, что отдых ему не в отдых. Как красноречивы детали! Отставлена банка с консервами, и самокрутка забыта меж пальцев опущенной правой руки, и другая рука, также в печали, упала на колени. У картины емкое название. Тяжело дались нашему народу первые послевоенные годы. Однако доброты, человечности советские люди не теряли, как бы лихо не было. «Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы — ради жизни на земле». Как это верно, глубоко сказано о советском солдате на войне! И здесь, на картине М. Кугача, продолжается бой. Бой ради справедливой, счастливой жизни на родной земле. Заглянуть в глубь души и увидеть истоки, родники человечности — подобная задача под стать зрелому художнику, мастеру-реалисту.

В картине М. Кугача немаловажную роль играет пейзаж, среда. Сосредоточенная тишина неяркого летнего дня, безмолвная, безлюдная проселочная дорога, сторожкие ели, подступающие к ней,— все это, родное и близкое, помогает солдату думать, решать. И нас, зрителей, этот пейзаж приближает к персонажу, в котором обнаруживается родство с героем рассказа Михаила Шолохова «Судьба человека». И понимаешь, что картина «После войны», как и другие ранее написанные М. Кугачем жанры, наследует, продолжает замечательные гуманистические традиции отечественной литературы и искусства.

Андрей Соловьев пишет преимущественно весну и осень. Пишет задушевно, насыщает полотна чувствами и переживаниями, связанными с близкой, родной ему деревней Никулихой под Мстерой. Художник предпочитает контрастным тонам сближенные, стремится к тому, чтобы все в его картинах казалось простым, правдивым, искренним. Волнующая пора разгара весны остро переживается на его холстах. В разливе талой воды млеет старый вяз, земля оттаивает, ликует апрель, широко, вольно разлилось по лесистой равнине половодье. Художник пришвинского склада дарования, А. Соловьев поразительно близок к природе — ему она открывается в сокровенные дни и часы. Пейзажист — поэт и фенолог — фигура, характерная для русского искусства. В русле этой традиции работает А. Соловьев. Естественно, речь идет не о равновеликости талантов, а об общности пути.

Если А. Соловьев стремится озарить своим чувством все сущее в природе, то А. Лёвин внимательно вглядывается в нашего современника. Он тоже традиционалист. Его «Солдат и девушка» перекликаются с классическим жанром В. Е. Маковского «На бульваре». Да и другие полотна этого художника характерны жанровой наблюдательностью, вниманием к простому человеку.

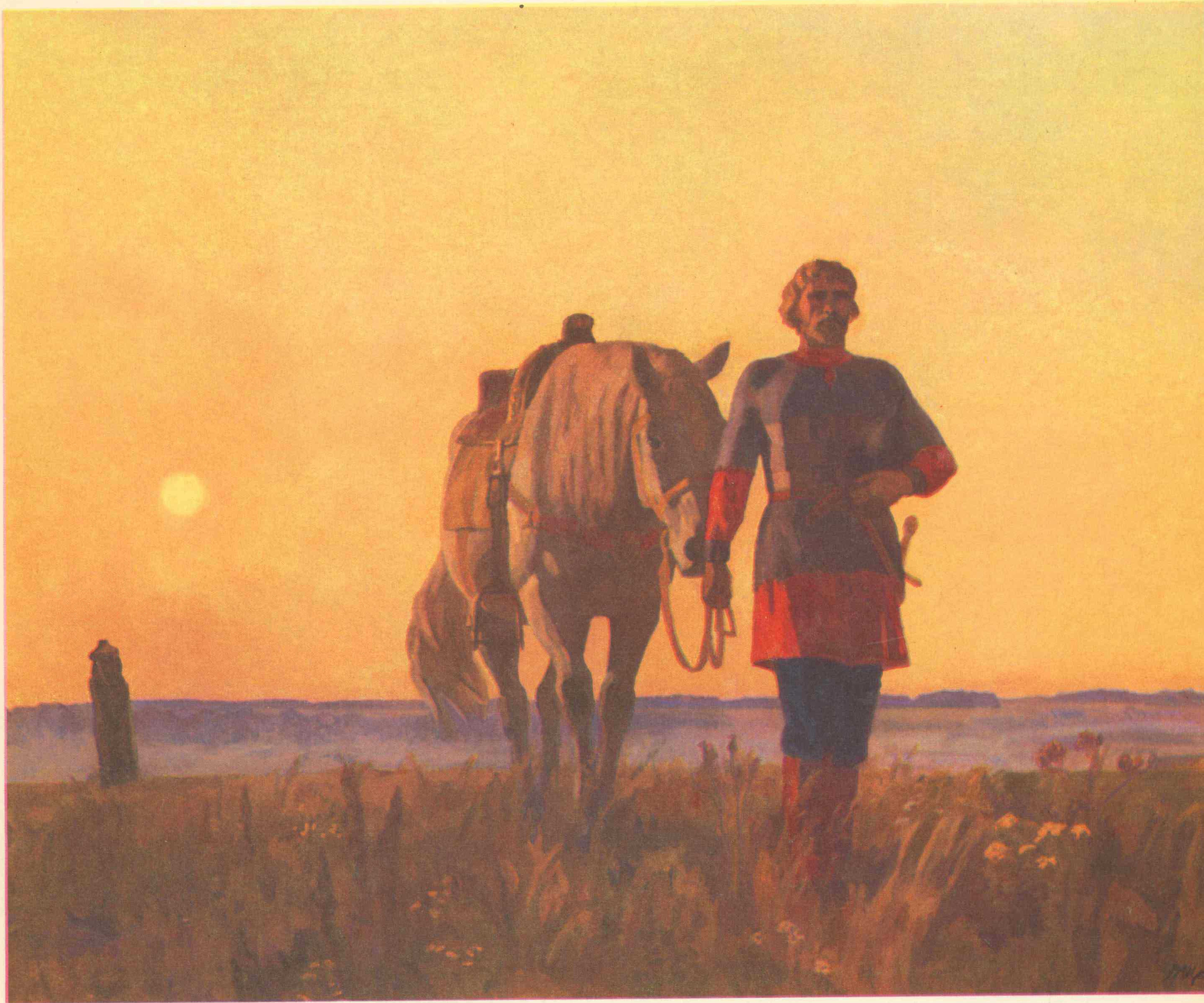
Приметлив взгляд у А. Лёвина: множество подробностей в его картинах. И каждая освещена доброй улыбкой. Художник воспевает радость бытия и делает это метко, с юмором. Ягодная поляна... Забыв обо всем, в травяной густоте высматривают девушки, собирают — кто в горсть, кто в лукошко — пахучую землянику. Веселье, юмор царят в этой картине.

Первое свидание. Первая любовь. Незабвенная радость этого мгновения жизни. Картина А. Жабского «Вечером» несет в себе предчувствие счастья. Молодые лица, стройные фигуры, призрачный полусвет летнего вечера, свежесть, восторженность юности. Ввысь устремлется свет. В полном соответствии с этой композиционно-пластической структурой — фигуры девушек и молодых людей. Они легки, изящны. Молодость тоже набирает высоту.

Заслуживает одобрения, похвалы работа А. Жабского именно потому, что художник видит мир глазами юных героев картины — все вокруг ликует, как ликует душа человеческая в шестнадцать — двадцать лет. Бывает, что молодежи приписывают скепсис и уныние, бывает, окарикатуривают юность. Добрый взгляд художника Алексея Жабского, во-первых, устанавливает справедливость, во-вторых, эстетически равнозначен явлению, к которому обращен.

Московские художники — участники выставки «Родная земля» крепко привязаны к городам и селам Нечерноземья. Близкому сердцу каждого из них краю посвящают они труд и вдохновение. Эта выставка третья по счету. Первая состоялась в 1974 году, вторая, «Краски Нечерноземья»,— в 1976-м. У каждого из десяти — свой тематический подход в жизни, свои, индивидуальные средства решения темы.

В их пейзажах и жанрах драгоценны так всем нам необходимые человеческая теплота, любовь к родной земле — источнику душевной силы, без которой не выстоять и в которой дышит, бьется и светит своя



В. Щербаков. Род. 1935. ПОБЕДИТЕЛЬ. 1978—1980.

Н. Федосов. Род. 1939. ЗОЛОТОЙ СЕНТЯБРЬ. 1981.

красота. Каждого художника ведут к успеху любовь и талант, у каждого — свой предмет любви.

Земля обетованная для Б. Пархунова — Верея и села на Протве, где художником написаны лучшие его живописные работы: цикл портретов «Верейские мужики», "Утро в деревне", «Родина»; для М. Кугача — это деревня Малый Городок на реке Мста под Вышним Волочком, а для Соловьева — Никулиха на Клязьме под Мстерой. В Ивановском крае постоянно можно видеть В. Телина. Эта верность сторицей вознаграждает художников.

Получили признание, высокую оценку портреты колхозников села Мицеево из-под Калязина на Волге, написанные в разные годы В. Щербаковым. В этом селе художник знает всех и его все знают. «Дом Николая Старалова», «После работы. Михаил Шиков», «Теплый вечер», «Колхозный плотник Сергей Гогелидзе» — в названиях холстов ощутимо родство Владимира Щербакова к сельчанам. Таким же близким, своим стал Алексей Жабский в колхозе «Родина» на Ярославщине. На колхозную жизнь он смотрит глазом не сторонним. Впрочем, живописцы видят не так, как агрономы или экономисты. Прежде всего им открывается красота. Художник в восприятии мира настроен на определенную волну. Если В. Щербаков видит, чувствует напряжение трудовой страды, веселящую дух горячую работу и приятную усталость, запечатленную на лицах, в позах отдыхающих людей, следы активной человеческой деятельности в летних пейзажах, то А. Жабский более непосредствен в постижении жизни — он пишет скотниц и доярок за работой, с неподдельным восхищением создает живописные оды сельской предметной среде, всякой живности деревенского обихода. У его натюрмортов все дни работы выставки толпился народ.

Художник В. Телин не таит своей любви к деревне: нарядна праздничная зимняя улица («Проводы гостей»), словно перо жар-птицы горит, переливается в руках девчушки бабушкин платок, сердечной неторопливой беседе добрых людей ничто не помешает («Поленница»). Красота пейзажей и жанров В. Телина созвучна народному вкусу. Одежда, наряды, позы, жесты составляют предмет поэтического осмысления. Цветопись В. Телина являет собой творческое углубление принципов мстерской и федоскинской живописных школ. У этого живописца крепкие корни. Однако декоративные достоинства работ Владимира Телина, так сказать, одна сторона медали. Тематически его творчество обращено к постижению и утверждению высоких нравственных начал. Очевиден глубокий интерес художника к духовной жизни людей села, российской глубинки. Достаточно вспомнить его «Звездочетов», где запечатлена философская беседа на вечерней улице о тайнах мироздания, о космических полетах.

Как несхожи их почерки и как дополняют они друг друга! Разные темпераменты, разные пристрастия и интересы, но, думается, одна общая цель — конкретизировать, раскрыть живописно-пластическими средствами, как прекрасна земля и на ней человек!

Манера письма (колористическое изящество, летучесть звонких мазков) В. Забелина, воспроизводящего в пейзажах Ростова и Борисоглебска шедевры древнерусских зодчих, в чем-то полемична. Естественней, казалось бы, писать каменные, вросшие в землю храмы плотно, материально, весомо, корпусно. А он, кажется, и не замечает тяжести циклопических стен, ему важнее разглядеть виденье, некогда возникшее перед духовными очами вдохновенного зодчего, создавшего это бессмертное творение. Храмы, крепостные стены Ростова и Борисоглебска и по Забелину — прежде всего духовная ценность, красота, воплощенная в камне. Когда В. Забелин пишет интерьеры ростовских храмов, то его восхищение живописцами семнадцатого столетия, выразившими свою любовь к родной природе (синь небес, золото спелых нив, лазоревое разнотравье) в неповторимых фресковых коврах, покрывших своды и стены ростовских церквей, невольно передается нам. Художник видит фрески целостно, ковром. Видит так, как видели их мастера, расписавшие эти стены, ярославцы, вологжане, костромичи.

Поистине неисчерпаема красота родной земли! Ею вдохновлялись Рублев и Дионисий, мастера фресковых росписей XVII—XVIII веков, Венецианов и Саврасов, Левитан и Туржанский, Бялыницкий-Бируля и Сергей Герасимов.

Драматически напряженной, исполненной внутренней силы, романтизированной предстает ярославская земля в пейзажах Г. Сысолятина. Тысяча лет истории и предчувствие, начало решительных перемен отозвались в сердце художника. Отсюда бурная порывистость, эмоциональный накал его работ («Вид на Осеево», «Полдень», «Последняя осень деревни Бурчаково», «Осень в деревне»).

Трудная земля. Испокон веков здешний крестьянин сноровкой, упорством, заботой заставляет ее родить. Крепкий народ здесь живет — мастера на все руки, земледельцы, животноводы. Художник Георгий Сысолятин им под стать — живопись его говорит сама за себя. У нее крутой нрав: взволнованный, беспокойный мазок, тональная напряженность, острые цветовые сопоставления, да и сам цвет напряженный, локальный. Немалые достоинства живописи Г. Сысолятина — это ее большая внутренняя сила, наполненность чувствами, мужественная красота. В его понимании гармония — противостояние на равных человека и строгой северной природы.

Этюды-картины Г. Сысолятина исполнены настоящего драматизма и этим интересны. Воображение подсказывает: каким серьезным и значительным мог бы быть диалог художника со зрителем, возьмись он за создание на этом материале сюжетно-тематической картины.

На выставке десяти московских живописцев побывало множество зрителей. И каждый уносил в памяти сердца что-то ему особенно близкое. Живописные произведения, показанные на этой выставке, понятны и близки многим и многим людям, потому что они доходчиво, неповторимо, как это подобает настоящему искусству, говорят об истории и современности, традициях и новых приметах быта, красоте родной земли и духовном богатстве людей, на ней живущих.

Леонид ТЕРЁХИН

Прикосновение

Душу свою я хочу исповедать,
Каменный берег, Яр Чалы.
Кто-то приехав сюда из поэтов,
крикнул: «А где же челны?»
Нету челнов.
Есть железо и камень.
Легкости нету. Есть груз.
К жизни своей прикоснуться
руками
или пером не боюсь.
Жил я...
Не ждал ни похвал, ни оваций.
Годы я эти храню.
Крылья отечественной авиации
юность подняли мою.
Я не пилот.
Я — чертежник. Я — сборщик.
Я — моторист заводской.
К жизни ладони тянул я —
но больше
к ней прикасался строкой.
Храмина-Русь.
Подмосковье милое.
Дома родного крыльцо.
В сердце моем умещается мирно
трав шелестенье и пенье резцов.
Шел я по просекам и по
проселкам,
шел по пролетам цехов.
Все я читал с интересом
особым —
от чертежей до стихов.
Я проходил поредевшие села,
где колокольни, как сторожа,
я находил полновесное слово
в сутолоке горожан.
К ним я не мучился
завистью, ревностью.
Не сторонился людей.
Город мне снился
с простором деревенским
улиц и площадей.
Город, где нет тупиков,
коридоров,
воздух, как первый снег,
город свободный, раздольный,
в котором
дышит, как бог, человек!
...Я не ошибся: в зеленой короне
леса открылся мне вдруг
город мечтаемой мною
гармонии —
разума, чувства и рук.
Здесь ни природе,
ни людям не тесно.
Степи. Леса. Зеленя.
Здесь все красиво,
здесь все интересно.
Как обновилась земля!
Не разделяют хребты и отроги
с завтрашним нынешний день.
В солнечный город
ведут все дороги —
по суше и по воде.
Каменный берег
не каменный вовсе —
берег желаний людских.
Встретят здесь много
праздников, весен
на площадях городских!
Встретят здесь век XXI и встретят
люди другие века!..
Завтрашний день —
прикасается с трепетом
к будущему строка.

СКАЗАНИЕ ОБ ИРТЫШЕ

Шуга шуршит по Иртышу.
Я шепотом Иртыш спрошу:
Ты помнишь, древняя река,
напев дружины Ермака?
Как разжигали у реки
костры в потемках мужики?
Как выкорчевывали пни,
как избы ладили они?..
Ты мне могла бы рассказать,
как Достоевского глаза
глухой России мертвый дом
весь осветили, как потом
от гнета каторжных работ
он из Тобольских шел ворот.
Поведать ты бы мне могла,
как Врубелю ночная мгла
под вечной и немой луной
открыла вечный здесь покой.
Как в глыбах голубого льда
здесь Карбышев вдруг увидал
свою судьбу — навстречу ей
прошел он до последних дней!
Ты расскажи мне, расскажи,
как Леонид Мартынов жил,
как слез он погасить не мог
в глуши над лукоморьем строк.
Еще о том поведай мне,
как вся Сибирь была в огне,
о том, как белый адмирал
Россию всю обворовал.
И расскажи о том, река,
как шли потомки Ермака
в бой по свинцовой полосе
Волоколамского шоссе!
Как я мальчишкой их встречал
и что-то вслед я им кричал.
Я слушаю тебя, Иртыш.
Я слушаю себя, Иртыш.
На дне, на самой глубине,
мысль о других живет во мне,
не только памятью одной,
упавшей в панике на дно,—
связующим живет звеном,
всход не утратившим зерном.
Шуга шуршит по Иртышу.
И я карандашом шуршу.
Ты все поведал мне, Иртыш,
все, что в душе своей хранишь.
И вместе мы, слова связав,
открыли души, как глаза.
И вдаль текут, шугой шурша,
как годы, воды Иртыша.

Первопроходцы

На карте нашего Отечества есть много прекрасных городов, рожденных в трудную пору первых пятилеток. Среди них, пожалуй, особое место занимает город юности, «город на заре», город, ставший символом героизма, мужества, самоотверженности, энтузиазма советской молодежи. «Для каждого советского человека, — говорил Леонид Ильич Брежнев,— Комсомольск-на-Амуре не просто крупный промышленный, научный и культурный центр... Это город необычайной биографии». О тех, кто стоял у его колыбели,— документальная повесть Юрия Жукова и Розы Измайловой. В прошлом корреспонденты «Комсомольской правды», они с полным правом пометили последнюю страницу своей книги такой справкой: «Комсомольск-на-Амуре — Москва, 1937—1965—1981 годы». Они писали о том, что сами видели и слышали на берегу Амура.

Документальная повесть начинается с убедительных документов — фотографий разных времен, выстроенных в контрастный ряд: «Так было», «Так есть».

Вот она, дикая тайга, угрюмый берег Амура с уходящими далеко к горизонту сопками, с мирно дремавшими в тумане стойбищами нанайцев. Вот оно, историческое место, куда весной 1932 года с пароходов «Колумб» и «Коминтерн» сошел первый комсомольский отряд строителей. Вот она, величественная панорама Комсомольска сегодняшних дней. И тут же портретная галерея первостроителей, которую хочется долго-долго рассматривать. Открывает ее Серго Орджоникидзе, так много сделавший для того, чтобы на очень далеком тогда Дальнем Востоке появился легендарный город со столь нужной стране индустрией. Рядом с наркомом начальник строительства И. Каттель, человек сильной воли и большой энергии. И тут же Павел Сафонов, начинавший с раскорчевки леса в тайге, а много лет спустя судьбе угодно было привести его в семью советских дипломатов; и электрик из Ростова Павел Швец, член парткома; и плотник из города Горького Алексей Смородов, тихий, рассудительный, поражавший комсомольцев олимпийским спокойствием в пору самых героических, смертельно опасных свершений; и бесстрашная Елена Нищенко из Кривого Рога, уехавшая на Дальний Восток прямо с работы, не заходя домой; и любимец здешней комсомолии Иван Сидоренко, приехавший сюда из Харькова, где прославился как «командир Первого сквозного батальона красногвардейцев пятилетки» — дыхание романтики тех лет! — где на строительстве ХТЗ, освоивая чужеземную бетономешалку, вдвое перекрыл норму, запроектированную австрийским конструктором. Он добровольцем ушел из Комсомольска на фронт, погиб под Сталинградом.

Мы ближе познакомимся и полюбим их, первостроителей, что смотрят на нас с фотографий, когда, не переводя дыхания, прочтем эту книгу. Да, именно так читается эта повесть, хотя, как замечают авторы, они «не претендовали на занимательность, не позволяли себе ни грана вымысла или домысла. Все приведенные имена, фамилии и факты подлинные, хотя подчас иные труднейшие ситуации, в которых действовали герои книги, могут показаться невероятными и даже фантастическими».

Повесть писалась с помощью и в тесном сотрудничестве с ее героями — широко использованы, глубоко осмыслены, вдумчиво проанализированы их письма, дневники, присланные авторам. И это позволило им рассказать о некоторых малоизвестных страницах биографии города.

...1931 год. Тревожное время. Гитлер уже кричал, что великой Германии нужна Украина. К. Е. Ворошилов по поручению Политбюро ЦК партии и правительства выезжает на Дальний Восток, где вместе с руководителями края готовит предложение о создании там новой индустриальной базы. Возвращаясь в Москву, К. Е. Ворошилов останавливается на Южном Урале, едет на стройку металлургического завода у горы Магнитной и предлагает главному инженеру И. Каттелю отправиться на Дальний Восток, руководить там сооружением судостроительного завода. «Если нужно, поеду»,— коротко ответил инженер. И вот он в Москве, у наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, и уже готовится соответствующий приказ. А между тем еще неясно: где строить завод? Вопрос, ответ на который мучительно долго искала Комиссия по вопросам экономики и обороноспособности Дальневосточного края во главе с членом Оргбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Реввоенсовета Я. Б. Гамарником. От первоначального решения строить судостроительный завод где-то близ железной дороги Москва решительно отказалась: дорога проходила вдоль китайской границы, а к ней уже вышли японские интервенты, и начались пограничные конфликты. Были и другие варианты. Но и от них отказались. Остановились на глухом, расположенном за сотни километров от железной дороги селе Пермском.

Авторы повествуют историю города со всеми ее драматическими коллизиями. Все тут было — и трусость, и дезертирство, и непримиримая, острая, принципиальная борьба комсомольцев с начальником стройки, когда тот забывал, что нельзя рассчитывать только на энтузиазм молодежи, и гром среди ясного неба — неожиданное предложение московской комиссии: стройку законсервировать, а все привезенное оборудование передать местным организациям. И тогда Каттель мчится в Москву к Орджоникидзе. В ЦК партии идет письмо за двумя подписями — Орджоникидзе и Каттеля. Неопровержимы их доводы — нельзя консервировать строительство! Политбюро ЦК партии согласилось с этими доводами.

В книге нет главного героя. Их тут много. Это все люди ярких биографий, точно, емко, мастерски выписанных. Судьба некоторых из них прослежена до наших дней. Они поседели, но не постарели, они навечно зачислили себя в комсомольцы. Комсомольск был для них не только стройкой, но и житейским университетом, где формировались личности, складывались характеры, проходившие архисуровую проверку на прочность. «Аудиториями» этого университета был и дикий берег Амура, когда на него перетаскивали с пароходов оборудование, мешки и ящики; первая просека в тайге — ее прорубали парни в легких туфельках; засосавшие коня болота и торфяники, через которые пробивалась лесная экспедиция; цинга, косившая даже богатырей; ледовый поход по Амуру; сплав леса по каналу, пробитому во льду; шумный «Копай-город» из шалашей и землянок... Трудно переоценить воспитательную силу этой книги. Не только дань восхищения мужеством комсомольцев тридцатых годов вызовет она, но и заставит о многом задуматься читателей, и в первую очередь современную молодежь.

Л. ЛЕРОВ

Юрий Жуков, Роза Измайлова. Первостроители. М., «Молодая гвардия». 1982. 303 с.

ДЕНЬ

**Эдуард РЯБЦЕВ,
политический обозреватель АПН,
фото автора**

Когда самолет пробивает вату серых облаков, взору открываются рисовые поля, залитые водой, и небольшие, желтоватого цвета, деревенские домики, мимо которых бегут ленты красных дорог в обрамлении бамбука. Взгляд натыкается на многочисленные круглые воронки. Они наполнены водой и находятся почти рядом друг с другом, а иногда сливаются в одно сплошное бесформенное пятно. Это оспы войны, шрамы на живой земле Вьетнама, оставшиеся со времен американской агрессии. Она изуродовала своими рубцами не только землю. Следы войны и сегодня глядят на вас пустыми рукавами военных кителей, стучат по мостовой костылями инвалидов, скрипят протезами детей, ставших жертвами химических атак американских агрессоров.

Главный редактор газеты «Нян зан» товарищ Хонг Ха начал разговор с борьбы вьетнамского народа за освобождение.

— Победоносная весна 1975 года,— говорил Хонг Ха,— связанная с освобождением юга и воссоединением его с севером страны, ознаменовала завершение первого этапа вьетнамской революции.

Агрессия и разрушения, причиненные стране американскими империалистами и китайскими гегемонистами, отрицательно сказались на темпах развития экономики.

И тем не менее вьетнамский народ сделал многое,— продолжал главный редактор «Нян зан».— Мы навсегда изгнали со своей земли иностранных оккупантов. Вы сами увидите, как преображаются республика и ее люди.

«ТУ-134» за два часа перебросил нас с прохладного севера на жаркий юг Вьетнама. На огромном бетонированном поле аэропорта, бывшего главной военно-воздушной базой американского империализма в Индокитае, до сих пор видны специальные стоянки для реактивных истребителей, скопища пятнистых зеленовато-серых военных самолетов с разобранными моторами, с плоскостями, пробитыми пулями и осколками.

600-тысячная армия США пыталась утвердить господство Вашингтона в Юго-Восточной Азии. Ее пребывание деформировало и исказило чудовищным образом не только бывший Сайгон, но и весь юг страны, изуродовало и исковеркало судьбы сотен тысяч людей.

В годы марионеточного режима и американской оккупации здесь процветали наркомания, проституция, организованная преступность. До освобождения юг был одной большой тюрьмой для вьетнамцев. Здесь действовали пять тюрем центрального подчинения, 44 провинциальных и 176 районных тюрем. В самом Сайгоне было 8 центральных тюрем, 11

БУДЕТ ЯСНЫМ

районных, 144 квартальных и 140 пунктов задержания. Преступники разгуливали на свободе, а за решетками томились те, кто выступал за независимость своей страны.

Многое приходится преодолевать на пути возрождения югу страны. Сайгон был городом торговцев, он не столько производил, сколько паразитировал на труде народа: город работал на потребу марионеточного режима, оккупационной армии США. Чтобы покончить со всем этим, вьетнамские коммунисты особое внимание уделяют развитию производительных сил. Трудности в том, что не хватает кадров, сырья. Партия привлекла немало специалистов из старого общества для налаживания нормальной жизни.

— Партия направила сюда своих испытанных товарищей,— рассказывал заведующий отделом промышленности в горкоме партии товарищ Ле Ван Кинь.— Сейчас на государственных предприятиях занято 240 тысяч рабочих. 136 заводов и предприятий непосредственно подчиняются министерствам в Ханое, а 126 заводов и крупных мастерских находятся в ведении Народного комитета города Хошимина. Помимо них, здесь действуют 206 мелких частных мастерских и около 1100 семейных кустарных производств, не считая владельцев многочисленных торговых лавок и магазинов. В частном секторе продолжают работать свыше 160 тысяч человек. В этом и состоит специфика юга.

Для юга сегодня нет важнее объекта, чем строительство крупной гидроэлектростанции. Над ее проектом работают советские и вьетнамские специалисты. Для вьетнамских товарищей крайне важно, чтобы дополнительные энергетические мощности были получены как можно раньше. В 1981 году из-за нехватки сырья и топлива производственные мощности на юге были использованы только на 50 процентов. В 1982 году городские власти Хошимина стремятся освоить их уже на 70 процентов.

Другая крайне важная задача — обеспечить постоянной работой оставшиеся 200 тысяч безработных. Уже многое сделано. Но проблема еще не решена окончательно. Развитие сельского хозяйства, введение новых технических культур, расширение производства на экспорт должны, как считают местные власти, навсегда покончить с безработицей, унаследованной от старого общества.

— Мы многое заимствовали из опыта строительства социализма в Советском Союзе,— говорит заместитель первого секретаря горкома КПВ, председатель Народного комитета города Хошимина товарищ Май Ти Тхо.— Труды Ленина, связанные с первыми годами Советской власти, написаны как бы прямо для нас. И наша главная задача состоит в том, чтобы творчески применить ленинские идеи в социалистическом строительстве на юге страны. Наши усилия сводятся в настоящее время к развитию сельского хозяйства, росту производства потребительских товаров и развитию экспорта. Имеются отрасли промышленности, которые можно объединить, и такие, которые еще к этому не готовы. В этой связи политическая линия партии носит гибкий характер.

— За годы возрождения юга,— подчеркивает Май Ти Тхо,— были решены многие важные социальные проблемы. Резко сокращена безработица, остановлено распространение наркомании, ликвидирована проституция. Партия развернула активную работу по привлечению трудящихся к участию в работе различных общественных организаций. Одну из главных задач укрепления позиций социализма на юге вьетнамские коммунисты видят в расширении базы партии на различных промышленных предприятиях. Им помогают решать эту задачу профсоюзные и комсомольские организации.

Демократические выборы, расширение участия людей труда в вопросах хозяйственного и социального развития, тесная связь органов народной власти со своими избирателями — все это помогает, по словам мэра Хошимина, повышать социальную и политическую активность трудящихся города.

— Для нас,—подчеркивает Май Ти Тхо,— сотрудничество с Советским Союзом имеет огромное значение. Город Хошимин — побратим Ленинграда. Сами имена этих двух городов говорят нам о великих делах двух выдающихся революционеров нашей эпохи. За этими именами — их гигантский труд во имя победы социализма, и уже это делает духовно и идейно близкими друг другу трудящихся наших городов-побратимов.

Большие изменения происходят в сельских районах на юге страны. Например, в провинции Шонгбе, которая сильно пострадала от американских агрессоров, кооперировано 20 процентов крестьянских хозяйств. Если в 1976 году здесь было освоено 95 тысяч гектаров земли, то в 1980-м—уже 124 тысячи гектаров. Это позволило расширить производство различных сельскохозяйственных культур и дать городским центрам больше продовольствия и сырья.

В свиноводческом хозяйстве имени 2 сентября, специализирующемся на производстве поросят, Нгуен Ван Дык, член руководства совхоза, рассказал, что когда-то это была ферма, принадлежавшая местному помещику. Стадо свиноматок тогда составляло всего 2500 голов, а теперь их десять тысяч.

Снижение себестоимости продукции, создание собственной кормовой базы, сдельная оплата по конечному результату труда — в этом рабочие хозяйства видят залог повышения своего жизненного уровня. И они упорно ради этого трудятся. В совхозе 105 человек — передовики труда.

Специфика малого производства на основе ручного труда особенно характерна для юга страны. Создание знаменитых лаковых изделий с перламутровой инкрустацией как в городе, так и в деревне является доходным делом. В небольших производственных кооперативах ведут обжиг различной хозяйственной утвари, горшков, ваз, подставок для цветов. Многие изделия идут на экспорт и приносят определенную выручку в инвалюте. На базе таких производств создаются небольшие профессиональные училища, где старые рабочие выступают в роли учителей и мастеров-наставников.

В управлении культуры мы встретились с творческой интеллигенцией города Хошимина.

Мощные революционные преобразования, вызванные освобождением юга, объединение всей страны вдохнули новые, свежие силы во вьетнамскую литературу, культуру и искусство. Сегодня в Союзе писателей города свыше 170 человек. Союз художников объединяет более 300 членов. Главная задача, которая стоит перед литераторами,— своими работами содействовать формированию нового человека, говорил генеральный секретарь Союза писателей Хошимина Нгуен Куонг Шанг.

Широкий резонанс на юге вызвал роман Нгуен Туана «Оставшееся расстояние», действие которого происходит после освобождения Сайгона. В нем показываются корни пережитков в сознании людей и тот груз старых предрассудков, который все еще давит на сознание человека.

Известная артистка Ким Кыонг, член общества вьетнамо-советской дружбы, режиссер и сценарист, говорила о том, что творческая интеллигенция юга после его освобождения сразу же обратилась к советской теме. Сама Ким Кыонг поставила пьесу «Таня» и сыграла в ней заглавную роль.

— Я обратилась к этому образу потому, что в этой пьесе очень многое созвучно настроениям вьетнамцев.

Сейчас прославленная актриса и режиссер работает над двумя пьесами. Одна называется «Заминированная зона» — о борьбе с пережитками. Другая посвящена изгнанию французских колонизаторов.

Судьба художника и писателя Нгуен Минь Тяу была типичной для многих талантливых людей в тяжелые времена французского колониализма, когда человек вынужден был служить не своему народу, а прихоти поработителей.

— Участие в революционной

На улице в Хошимине.

и национально-освободительной борьбе изменило многие мои прежние представления о жизни и своем месте в ней,— говорил Нгуен Минь Тяу.— Сегодня я и мои коллеги работаем над произведениями, прославляющими человека труда.

Этот разговор с творческой интеллигенцией юга был затем продолжен на севере страны в помещении Союза писателей Вьетнама. Генеральный секретарь Союза Нгуен Динь Тхи, лауреат премии имени Мирзо Турсун-заде, рассказывал о том, что после объединения родины появились новые темы, связанные с ее возрождением, становлением основ социализма на юге.

— Наш народ,— продолжал он,—столкнулся со многими трудностями и проблемами, и писатели не могли оставаться от них в стороне. Сегодня наша страна вступает в новое утро. И хотя жизнь вьетнамца не так легка и проста, мы помогаем ему увидеть зримые черты будущей жизни, которая создается его упорным и настойчивым трудом. У нас вышло много прекрасных работ.

Нгуен Минь Тяу, воин-писатель, написал роман «Разрушенный район», в котором затронуты проблемы, связанные с воссоединением семьи. Писатель Нгуен Киен в своем произведении «Взгляд под солнцем», посвященном жизни в деревне, рассказывает о борьбе с пережитками, разоблачает взяточников и бюрократов, вскрывает причины, вызывающие колебания в сознании крестьян, связанные с отношением к личной и социалистической собственности.

В 1981 году Нгуен Бинь в романе «Прошедшие дни» показал, как из бывших крестьян и ремесленников вырастают сознательные рабочие, командиры производства.

Генеральный секретарь Союза писателей Вьетнама Нгуен Динь Тхи тепло говорил о связях между вьетнамскими и советскими литераторами. Долгосрочное соглашение между двумя творческими союзами еще больше упрочит профессиональные связи, поможет дальнейшему становлению молодых начинающих литераторов.

Покорители Эвереста в «Огоньке»: Э. Мысловский, Н. Черный, В. Хомутов.

С ВЫСОТЫ ЭВЕРЕСТА

Победный штурм Эвереста, который блестяще осуществили советские альпинисты, все чаще называют гималайской экспедицией, и это правильно. Штурм высочайшей вершины земного шара продолжался шесть дней, подготовка к штурму на земле Непала заняла более двух месяцев, но для того, чтобы осуществить восхождение на Сахарматху, как называют Эверест в Непале, потребовалось три года непрерывных усилий множества специалистов. Да, это была широко задуманная и осуществленная операция, которой умело руководил известный альпинист, доктор физико-математических наук Евгений Игоревич Тамм.

Подготовка, к которой был привлечен ряд научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий, позволила советским альпинистам успешно выполнить стоящую перед ними исключительно трудную задачу, несмотря на многие трудности, неожиданно возникавшие на их пути. Для подъема на высоту 8848 метров был выбран никем не пройденный ранее маршрут по контрфорсу юго-западной стены; к тому же Эверест значительно усложнил этот маршрут, встретив альпинистов ураганными ветрами и морозами. Для переноса грузов экспедиции в промежуточные лагеря были наняты десять высотных носильщиков, но кто мог предполагать, что выбранный экспедицией маршрут ко всему привычные шерпы преодолеть не смогут и перенос груза в три последних промежуточных лагеря ляжет на плечи самих альпинистов. Все это не могло не нарушить заранее разработанный график штурма.

Для того чтобы мы могли представить себе весь неоглядный размах работ по подготовке гималайской экспедиции, нужно написать книгу, но уже сегодня мы имеем возможность пройти вслед за победителями Эвереста по их следам.

Для этого мы и решили пригласить в редакцию трех восходителей, которые могут нам рассказать о штурме Эвереста как бы в трех измерениях.

Итак, у нас в гостях трое из семнадцати.

Эдуард Мысловский, ветеран альпинизма, обладатель знака «Золотой ледоруб», который 4 мая поднялся на Эверест вместе с Владимиром Балыбердиным.

Валерий Хомутов, один из опытнейших мастеров альпинизма, который поднялся на вершину вместе с двумя своими товарищами последним — 9 мая.

Николай Черный, которому не удалось подняться на вершину.

Предоставляем слово Эдуарду Мысловскому:

— Альпинистов-высотников у нас в стране много. И из большого числа отобрать команду в семнадцать человек не так-то просто. Проводилась целая серия медико-биологических и психологических исследований, проверок на устойчивость претендентов к высоте и холоду. Мы тренировались на Тянь-Шане и на Памире, а в это время изготовлялось и тщательно испытывалось снаряжение для нас: кислородная аппаратура, высотные костюмы, особо прочная и теплая обувь, палатки, питание. Руководители экспедиции отрабатывали в мельчайших деталях тактику восхождения. Еще и еще раз проверялся график установки промежуточных лагерей. Вот этот график, который впоследствии был в общем полностью осуществлен:

21 марта — открытие базового лагеря (5340 м) и установка промежуточного лагеря (6100 м); 22 марта — установка лагеря I (6500 м); 31 марта — установка лагеря II (7300 м); 12 апреля — установка лагеря III (7850 м); 18 апреля — установка лагеря IV (8250 м); 3 мая — установка лагеря V, штурмового (8500 м); 4 мая — 10 мая — штурм вершины.

Так выглядел график нашего движения к победе. И вот все сборы закончены, и первая группа вылетела в Непал 26 февраля. За ней вторая группа — 2 марта и, наконец, последняя, основная — 9 марта. Задачи передовой группы, в которую входили тренер Овчинников и альпинисты Балыбердин, Черный, Шопин и я, заключалась в том, чтобы выбрать место для базового лагеря и обработать ледяной водопад Кхумбу, наиболее опасный участок начала маршрута. Эта задача была выполнена 22 марта, а 27 марта поднят флаг Страны Советов. Базовый лагерь начал действовать.

Что же представлял собою этот базовый лагерь, исходная точка штурма? Он состоял из больших палаток, в которых должно было разместиться руководство лагеря и альпинисты. Отсюда и начиналась работа по устройству промежуточных лагерей — обычная гималайская тактика, которая должна обеспечить подъем к вершине. Это и было предусмотрено первоначальным планом экспедиции, но все осложнилось, исключительно неудачной метеорологической обстановкой. Морозы доходили до 40 градусов, ветер порой дул со скоростью 50 метров в секунду. Как мы потом узнали, английская и американская экспедиции, которые предполагали штурмовать вершину Эвереста со стороны Тибета, из-за непогоды должны были отказаться от восхождения, но мы терпели. Это не значит, что нам удавалось без потерь выходить из борьбы с Эверестом. Не повезло альпинисту из моей группы Николаю Черному. Он работал с полной отдачей сил, но в конце концов холод победил, и тяжелое переохлаждение верхних дыхательных путей заставило его спуститься вниз на отдых и лечение. Кашляли мы все, но Коля кашлял особенно сильно, а вообще-то в те первые дни наш лагерь больше походил на туберкулезный диспансер. Так мы себя и прозвали «туберкулезниками».

И вот эти «туберкулезники» вынуждены были взять на себя добавочную и чрезвычайно трудную для них задачу: вместо носильщиков-шерпов забрасывать оборудование в промежуточные лагеря.

Дело в том, что шерпы обязались занести кислородные баллоны, палатки, веревки в промежуточные лагеря, но сложность маршрута заставила их отказаться от трудного подъема, и дальше второго лагеря они не пошли. Вот почему к тому моменту, когда первая двойка должна была выйти на штурм вершины, V лагерь еще не был оборудован. Мне с Балыбердиным, прежде чем выйти на штурм Эвереста, пришлось этот лагерь оборудовать.

Трое суток мы работали на высотах 8200—8500 метров, навешивали веревки, устанавливали палатки и не знали, останутся ли у нас силы для самого штурма, а тут еще со мной произошла опасная авария. Двигаясь к IV лагерю с тяжелым грузом — среди прочего были и баллоны с кислородом, столь необходимые для жизни на такой высоте,— я внезапно повис в горизонтальном положении. Держась за веревку, пытался снова подняться, но это мне не удалось и пришлось освободиться от рюкзака, который рухнул в пропасть. Таким образом, в V лагере мы оказались без достаточного запаса кислорода, а я к тому же и с примороженными руками.

Трудную ночь мы провели в штурмовом лагере на высоте 8500 метров. Стараясь экономить кислород, мы почти не спали. У меня болели отмороженные руки. Но в шесть часов утра 4 мая мы все же начали свое восхождение к вершине и достигли ее в 14 часов 35 ми-

нут. Сперва на вершину поднялся Балыбердин, который совершал восхождение без кислорода, а затем и я.

Что же представляла собою вершина Эвереста? Это небольшой снежный купол, на котором могут уместиться одновременно не более пяти человек. На вершине ничего нет, она не любит следов человека. Все, что люди приносят с собой, либо сдувается вниз, либо засыпается снегом. На куполе мы обнаружили только признак дюралевой вышки, глубоко похороненной в снегу. С собой мы принесли кинокамеру и, поздравив друг друга с победой, снялись, оставив кинокамеру для следующих связок.

Сразу же в начале спуска началась непогода. Задул ветер, а кислород у нас был на исходе, и мне пришлось расходовать всего один литр в минуту, хотя на этом участке не помешали бы два литра с половиной. А тут на пути наше были наклонные плиты, засыпанные снегом, очень скользкие, руки болели все сильнее, а я должен был держаться за веревку. С каждым шагом мы все больше опасались того, что, ослабленные трехсуточной работой на высоте, не сможем засветло вернуться в V лагерь, и, посоветовавшись, решили попросить помощь.

Наш призыв, переданный по рации, был услышан. В это время в V лагере уже находилась группа Валентина Иванова, и два альпиниста, входящие в эту группу — Сережа Бершов и Миша Туркевич,— в шесть часов вечера вышли к нам навстречу. Они встретили нас совсем недалеко от вершины, дали баллоны с кислородом, теплое питье и предложили помочь на спуске. Но в этом случае они могли не попасть на вершину. Им самим не хватило бы ни сил, ни кислорода, чтобы потом снова подниматься наверх. И мы попросили по радио разрешения продолжать спуск вдвоем, а Бершову и Туркевичу разрешить ночное восхождение.

Разрешение было получено, и таким образом экспромтом было выполнено первое ночное восхождение на Эверест.

Бершов и Туркевич недолго задержались на вершине, вскоре догнали нас на спуске, и мы все вместе достигли V лагеря уже под утро. Потом, как вы знаете, осуществила свое восхождение третья двойка — Валентин Иванов и Сергей Ефимов, затем вершины достигли Казбек Валиев и Валерий Хрищатый и притом снова в ночных условиях.

На спуске Валиев и Хрищатый оказались в столь же трудном положении, как и мы с Балыбердиным, и к ним на помощь пришли товарищи: Ерванд Ильинский и Сергей Чепчев, отказавшись от подъема на вершину, помогли Валиеву и Хрищатому спуститься вниз. Ну а о том, как поднялась на вершину Эвереста последняя группа, которую возглавил Валерий Хомутов, я думаю, он расскажет сам.

Валерий Хомутов:

— Такая уж у меня судьба: все время быть последним. И в списке кандидатов гималайской экспедиции я оказался за чертой, и в Непал, когда неожиданно для себя был включен в экспедицию вместе еще с тремя альпинистами, вылетел последним, когда Мысловский и Балыбердин уже были на пути в базовый лагерь.

Наша последняя четверка считалась вспомогательной. Мы должны были работать на маршруте, обеспечивая самые благоприятные условия для штурма вершины основной группы, но в конце концов было решено, что и мы имеем право на штурм.

Итак, мы работали на маршруте. Что же это такое? Это чередование спусков и подъемов с тяжелым грузом, требующим всех наших сил без остатка. Закончив оборудование очередного лагеря, навесив веревки, доставив кислород и установив палатку, мы спускались вниз для того, чтобы отдохнуть и сменить товарищей на установке следующего лагеря.

В такой работе прошло полтора месяца. И это притом, что трудность обработки маршрута оказалась значительно большей, чем предполагалось ранее. Именно потому установка V лагеря задержалась и легла на плечи первой двойки, которая из этого лагеря должна была 4 мая выйти на вершину.

Эдик Мысловский и Володя Балыбердин, конечно, понимали, что работа по установке штурмового лагеря может отнять у них все силы и они должны будут отказаться от штурма. Вы уже знаете, с какими опасностями столкнулись они по пути к IV и V лагерям, какую трудную ночевку провели перед выходом на вершину. Но силы они сохранили и добились победы.

Я хотел бы остановиться на том моменте, когда Эдик и Володя решили, спускаясь вниз, вызвать помощь. Альпинисты — народ гордый, и им не так-то легко просить помощи. Но тут вопрос был не только в том, что они боялись за свою жизнь, а прежде всего в том, что, случись с ними беда, это отразилось бы на успешной работе всей экспедиции. Они поступили совершенно правильно, и по проложенному ими пути на Эверест, как известно, поднялись все остальные связки.

Экспедиция на Эверест считается успешной, если на вершину удается подняться хотя бы одному альпинисту из всей команды. И когда на вершину поднялись восемь человек, мы, «неудачники» из вспомогательной группы, поняли, что на вершину мы можем не попасть. И тут я не могу не вспомнить добрым словом руководителей нашей экспедиции Евгения Игоревича Тамма и старшего тренера Анатолия Георгиевича Овчинникова, которые предоставили нам возможность завершить штурм Эвереста.

На этот раз вершину штурмовала не двойка, а тройка: со мной вышли к вершине Володя Пучков и Юрий Голодов. Увы, четвертый наш товарищ, Алексей Москальцов, с тяжелой травмой — сотрясением мозга — был нами с маршрута спущен вниз.

Перед нами стояла задача подняться на вершину Эвереста 10 мая, но уже на маршруте мы решили ускорить подъем на сутки и подняться 9 мая — в День Победы, с тем чтобы с высоты 8848 метров поздравить советский народ с великим праздником. Для этого нам надо было выгадать целые сутки, и мы этого добились. Но когда связались по рации с руководством экспедиции, то Евгений Игоревич Тамм сообщил, что получено указание из Москвы: работу экспедиции считать законченной, а нам спускаться вниз.

Однако мы, посовещавшись и подумав о том, что победителей не судят, решили на свой страх и риск не прерывать штурма. Как известно, нам удалось последними подняться на вершину Эвереста 9 мая, и в 11 часов 30 минут с вершины мы передали поздравление с Днем Победы.

После этой торжественной радиосвязи началась связь деловая. Непальский офицер связи потребовал, чтобы мы ему точно описали, что́ нашли на вершине, а когда мы сообщили, что здесь находится кинокамера, которую нам не под силу будет нести вниз, предложил эту камеру сбросить, но только не на китайскую, а на непальскую сторону. Очень жаль нам было губить эту прекрасную вещь, которой мы пользовались на вершине Эвереста, но делать было нечего, приказ есть приказ. Теперь мы могли позволить себе роскошь быть послушными.

Николай Черный:

— Эдуард Мысловский уже рассказал о том, как неудачно сложились для меня обстоятельства. Да, несмотря на всю мою альпинистскую закалку, я сильно простудился, должен был спуститься вниз для лечения, а затем мне было поручено руководить работой носильщиков, и, хоть от этой работы во многом зависел успех нашей экспедиции, для меня это было слабым утешением. Вы уже знаете, каким сложным оказался выбранный нами маршрут для ко всему привычных шерпов. Мне с Володей Шопиным немало пришлось потрудиться для того, чтобы шерпы могли доставить груз хотя бы ко II лагерю. Но теперь я рад тому, что могу сказать хоть несколько добрых слов о наших верных помощниках, которые за дни экспедиции стали нашими друзьями.

Многотонный груз экспедиции 500 шерпов в течение многих дней несли к базовому лагерю, а потом высотные носильщики поднимали его все выше и выше, к первому лагерю и ко второму, который, как вы помните, размещался на высоте 7300 метров.

По контракту, заключенному с руководителем ассоциации носильщиков-шерпов, каждый носильщик получал в день сорок пять рупий, плюс экипировку. Все десять наших шерпов были исключительно выносливы и достаточно технически подготовлены. (Даже на таком трудном маршруте, как наш, один носильщик — правда, за двойную плату — донес груз до третьего лагеря.) Каждый год они обслуживают две экспедиции — предмуссонную и послемуссонную. Но их страх перед Эверестом не проходит. В базовом лагере они оборудовали молельню и оградили лагерь веревками с молитвенными флажками от злых духов. До тех пор, пока это им по силам, они работают очень четко и быстро, перенося на спине по двадцать килограммов, но, почувствовав опасность, пасуют. И в этот раз достаточно было нескольким шерпам упасть на подъеме, как все остальные тут же отказались от дальнейшей работы. Ну что ж, мы были на них не в обиде, ведь они специальных, альпинистских курсов не проходили. Однако интересно отметить, что честолюбие им не чуждо, и в контракте, который они заключают с очередной экспедицией, есть пункт, по которому, если шерп достигает с альпинистами штурмового лагеря, то те обязаны ему помочь подняться на вершину. И наши шерпы, наверное, мечтали о славе их легендарного соотечественника Норгэя Тенцинга, совершившего вместе с новозеландцем Эдмундом Хиллари первое восхождение на Эверест в 1953 году. Но с нами повторить достижение Тенцинга наши шерпы не смогли, что не помешало им ликовать вместе со всеми членами советской экспедиции и горячо поздравлять их с победой.

Записал В. **ВИКТОРОВ**

ГОРИЗОНТЫ ПРОГРЕССА

«Африка: прогресс, трудности, перспективы» — так назвал свою книгу известный ученый Анатолий Громыко. И в этом названии коротко и сжато читателю сразу открывается суть происходящего на континенте, подчеркивается проблемный характер авторского рассказа о становлении молодых независимых африканских государств. Да, эра колониализма ушла безвозвратно. Но бывшие хозяева вернулись в Африку в новом обличье — неоколониальном. Их тактики разные: английское «джентльменское» порабощение экономики; «тихое» присутствие Франции — правда, тишину эту в 60—70-х годах не раз нарушали автоматные очереди в Заире, Сенегале, Габоне и других странах континента; алчно ищет новых сфер влияния немецкий капитал. Всякого рода организации и фонды, с виду призванные служить благородным целям помощи,— все это крупные и мелкие штрихи портрета неоколониализма. Но портрет этот оказался бы основательно неполным без США — вдохновителей и творцов новой формы угнетения «черного континента». Привлекая богатый исследовательский материал, автор раскрывает грабительскую сущность проникновения американского и западноевропейского капитала в Африку.

Естественно, что в книге много места уделено проблемам экономического развития африканских стран — ведь именно экономика и есть сегодня самый главный фронт борьбы за реальную независимость Африки. А. Громыко глубоко и точно проанализировал позиции и действенное участие различных общественных слоев африканских стран в решении проблем экономики, указал на причины тех или иных негативных явлений в этом процессе. Интересно проходящее через всю книгу сопоставление позиций в самых разных областях африканских стран прозападной ориентации и государств, идущих по социалистическому пути развития.

Африка, подчеркивает автор, все более и более прислушивается к голосам истинных, бескорыстных друзей. И потому большая часть книги посвящена истории и сегодняшнему состоянию отношений независимых африканских государств со странами социализма, в первую очередь с Советским Союзом. Все страны, с которыми наша Родина поддерживает дипломатические и экономические отношения, могут быть уверены, подчеркивает автор, что суть их — равноправное партнерство — неизменна.

«Африка — континент динамичных и глубоких изменений»,— пишет А. Громыко. И горизонты эти не затуманить всякого рода дельцам в масках миротворцев и филантропов. Основания для такого оптимизма есть, и об этом свидетельствует умная, интересная не только специалистам, но и широкому кругу читателей книга Анатолия Громыко.

Андрей **КОМАРОВ**

Анатолий Громыко. Африка: прогресс, трудности, перспективы. М., Издательство «Международные отношения», 1981, 272 стр.

Я ПОСВЯЩАЮ ЭТИ СТРОКИ...

Фаиз Ахмад Фаиз — выдающийся пакистанский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», главный редактор журнала «Лотос», органа Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

ФАИЗ АХМАД ФАИЗ

●

Ревущим морем нынче небо стало.
Флотилия тяжелых облаков,
поднявши паруса,
на солнце заблистала,
несется вдоль скалистых берегов.
Всё плещется в свету:
вот ласточка шныряет,
а рядом с ней воздушный змей ныряет.
Нет в мире сил осилить силу эту.
У всех держав такого флота нету,
подводных лодок нет,
ракет, мортир...
Игра стихий не угрожает свету —
какой глубокий в этой буре мир!

●

В памяти открылась дверца на исходе ночи:
прошуршало платье в сердце на исходе ночи.

Память сердца убывает на исходе ночи,
не утро убивает на исходе ночи.

Нежные прикосновенья, близость опьяненья —
все исчезнет во мгновенье на исходе ночи.

Мой пустынный дом родимый, дом мой
нелюдимый
кто заполнит без любимой на исходе ночи?

Как меня однажды встретил кто-то — юн
и светел —
прилетай, рассветный ветер, на исходе ночи!

●

Зачем, мое сердце, о ней вспоминаешь всю
ночь?
От лунного света зачем ты пылаешь всю ночь?

Светильник тоски то вовсю разгорался, то гас.
Скажи мне: зачем предо мною мерцаешь всю
ночь?

О ветер счастливый, под сенью цветущих
ветвей,
зачем свои сказки ты мне навеваешь всю
ночь?

Зачем до рассвета, дверная цепочка, звенишь?
Ту, что не пришла, для чего призываешь всю
ночь?

Тот сладостный сон, что всю ночь тебе снится,
Фаиз,
зачем ты его отгоняешь всю ночь?

ДВА ГОЛОСА

Первый голос:
Стремиться больше некуда. В дальнейшем
полете смысла нет.
Со звезд на землю веревочная лестница
свисает.
Луна покорена ночным налетом.
Какие брезжут в будущем надежды?
Какие лживые мечты способны
отныне в сердце сокрушить покой?
Брось рассуждать о жизни — это только
сбивает с толку. Наше дело — смерть.
Пора нам просто подвести итоги:
вот саван мой, вот твой,
моя могила — вот тут,
твоя могила — там.

Второй голос:
Не нам принадлежат богатства жизни.
Пылает или меркнет факел сердца — что из
того?
Пускай оделась мраком
одна из арок в этом храме света — что из того?
Пусть дни твои печальны —
от этого не перестанут зори
сменять друг друга, розы не задержат
расцвета ни на миг, пребудут вечно
на вечном небе солнце и луна,
цветник любви пребудет вечно юным,
кудрей и губ долина — населенной,
и наслажденье тоски сердечной,
и счастье заплаканных очей...
Будь благодарен слезам на ресницах,
будь благодарен просто дару видеть,
будь благодарен за рассвет и вечер,
за солнце и луну на небесах!

Первый голос:
Но если все сменяется на свете —
что станется тогда с луной и солнцем,
что станет с нежной прелестью рассветов,
с очарованьем тихих вечеров?
Когда навеки в сердце кровь остынет,
когда глаза закроются навечно —
что станется с великим счастьем видеть,
что станет со слезами на глазах?
Когда стиха палатка пеплом станет,
когда веревки звонких песен
лопнут,
где голову мой саз любимый сложит,
тростник бесценный денется куда?

Второй голос:
Пока сильна рука,
покуда в жилах струится кровь,
пока чисты мы сердцем,
покуда в нашем слове сила есть —
мы даже звон цепей в звучанье лютни
с тобою превратим. Оно заглушит
великих якобы империй грохот.
Свободны наши мысли и дела,
сокровищницы душ полны отваги.
Пока мы живы — нам принадлежат
час прошлый, настоящий и грядущий,
рассвет и вечер,
солнце и луна,
туманности и дальние созвездья:
перо с бумагой,
барабан и знамя,
и мощь, и ярость —
нам принадлежат!

●

У нас для жалоб оснований нет:
нас мучили для пользы — не во вред,
терзали по закону, ибо сами
нарушили мы верности завет.
Явились мы сюда без приглашенья —
незваными гостями на обед.
Просили мы себе в награду горя —
как будто мир и так не полон бед!
Восторг пред красотой мы не убили,
что ж, виноваты, нам держать ответ.
Целитель сам бежал от исцеленья,
хоть сам себе мог дать благой совет.
От жизни на губах осталась горечь,
но горечи ты не искал, поэт...

Перевел Г. Плисецкий.

●

Искусанных дней и ночей череда,
ты мне отвратительна, ты дорога.
На мне повисла, как будто тряпье.
Пора бы сорвать —
как требует ярость,
но шепчет любовь —
это все,
что осталось и теперь навсегда твое.

ТАК НЕ БЫВАЕТ

Так не бывает, чтоб верил потому, что связали,
чтобы идолы к богу путь указали...
Сосчитай все желанья, что остались на поле
битвы плоти моей —
кровью оплатят убийцы счета и слезами,
Сердце вселенной — вне хитрости и вне
упреков.
Есть в нем согласье и нет в нем пророков.
Ночь можно ждать, день можно ждать,
ежесекундно ждать конца света,
но чтобы утро только несло воздаянья — нету
таких поворотов!
Бьется пульс мира. И небосвод над тобой
проплывает.
Ты говоришь, что все уж свершилось, а так
не бывает.

ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За горизонтом свет, волнуясь, напоминает
о неволе.
И бодрствует во сне мой сон, мой город боли.
Глаза красны. Я закрываю их.
Безлюдно утро. И коридор безропотно притих...
Вином прозрачным наполню чашу сердца
не спеша,
яд настоящего и горечь прошлого смешав.
За горизонтом свет, волнуясь, напоминает
о неволе.

То, что обещано, ушло, оставив переулки боли;
и музыка, и цвет, и облик милый,
что путешествовал со мной по всему миру.
Он не явился. Он возник. И я воспрянул, чуть
дыша,
яд настоящего и горечь прошлого смешав.
И я увидел встречи день сквозь
настороженные веки,
И горизонт, и прелесть губ в освобожденном
свете.

СЛОВО

Сегодня мысль ищет слово,
наполненное медом, наполненное ядом,
где ярость с мудростью нисколько не разъята.
Оно с любимым взглядом схоже,
с привязанностью к другу
и с поцелуем губ, светящихся, как золото...
Такого слова сегодня не хватает слуху.
Ищу я ненависти слово, как меч, разящий
круто,
чтобы разрушить темный город,
такой, как ночь, когда на площадях сжигают
трупы.
Пусть почернеет рот мой,
когда сверкнет из горла голос.
Сегодня нервы рвутся от тишины гнетущей,
звук бродит в глубине и выход ищет
в музыкальной фразе,
сегодня боль берет аккорд на сазе
и, как Меджнуна одеянье, в неистовстве
истерзан он.
Сегодня каждая волна доносит звуки похорон.
На весь твой век ни песни нет, ни восклицанья,
что ты рад —
есть только стоны боли и мучеников вопли,
и трубы Страшного суда, и дня последнего
набат.

ДАР БОЛИ

Страна любимая! Поклон — безумию и страсти.
Благословляю твои одежды, изорванные
в клочья,
в пыли — дорога, кровь — во страхе.
О Родина! Тюльпаны ран твоих
благословляю —
они взошли кромешной ночью!
Поклон разрушенному дому,
и очагам, чернеющим со всех сторон,
молчанью каждого — и старого и молодого,
и красоте всех глаз в слезах — поклон!
Пусть длится радость дару боли,
пока вселенную от боли мы не освободим,
пусть будет в каждом чувство его великой
роли
в спасенья Родины —
мильоны несвободны, покуда заключен хотя б
один!

Покой не снизойдет на тех, кто бьется
за святыню.
Дурному глазу не увидеть кровавой капли дна.
И никогда не хватит славы тем, кого отныне
правители боятся. Дурному глазу их отвага
не видна.

●

Как утром сегодня я не видел красок яснее,—
кто вошел ночью в сад? В тишине его плакал...
Посмотри — и взаправду
как небо краснеет!
Кто ходил?
И лицо чье пылало, как факел?
Вот вопрос. Что ушло вместе с ней в темноту?
Только черные кудри к утру различая,
кто искать не искал и случайно наткнулся
на ту,
что ходила по саду совсем не случайно?

●

Цветы поникли. Все.
И небеса льют слезы, не переставая.
Светильников прозрачность отцвела,
и вдребезги разбиты зеркала,
и сила тайная со струн певучих пальцы убрала.
Замолкли на ногах браслеты,
их колокольчики ушли в так и не зазвучавшие
слова.
Налобная подвеска этой ночи
скрывает звезды, блеск их многоточий,
но Боль — звезда
нисколько не нищает,
вовсю сияет
и повторить все снова обещает.

ВЫБОРЫ 1977 ГОДА

Снова тело затрепетало, как флажок на ветру.
Снова стены цветут от плакатов и смыкаются
в круг.
Снова нас попрекают и плеть обвинений
свистит поутру
и до самого вечера разум терзает и слух.
Снова сонм любопытных кривляется в наше
лицо
и любовь и страданье осуждает за все,
чтобы верность предать и с поличным поймать
на любви
Правду и Красоту. И сердца наши бросить
к надменным ногам.
Это наши сердца, что всегда открывались
для людей людьми.
Но мы знаем —
это скоро пройдет, и потянутся
руки к рукам,
и на улицах, на перекрестках, на раздавленных
стеклах кварталов
снова будут мечту собирать,
чтобы форму былую она обретала.

●

Что только не прошло перед глазами!
Сиянье улицы, когда при всех мне о любви
сказали.
И сколько душ людских, не помня о беде
своей,
чужого горя вкус при свете этом узнавали.
Так медлит осень, что времена былые я забыл,
хотя цветенье роз я разлюбил и снова
полюбил.
Теперь уже к гадалке не ходить. Что нового
она расскажет?
А раньше стоило глаза поднять —
весь мир вставал перед глазами вдруг,
и было множество друзей. Враги казались
не врагами даже,
и, если мы, к несчастью, ошибались, как все
легко сходило с рук.

●

Праздник безумия — памяти нет.
Крест и петля — украшение лет,
пир и разгул — сердце твое ни к чему,
раны его сегодня свет источают, свет.
Кравчий торопится. И ты не рассматривай цвет
вина,
праздника чашу, не глядя, опустоши до дна.
Не разбирай сегодня, кто указует, а кто
по указке идет,
всем протяни свою руку — сегодня гуляет она!
Ждут обвинений те, кто советовал много,
мимо них, умников, праздничная твоя дорога.
Друзья твои в горе тебе дорогй, безусловно,
но попроси их сегодня тебя не трогать...
Если же сердце в печали напевам твоим
непокорно,
ты успокой его формой газели,
праздничной формой.

Перевел А. Ткаченко.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я посвящаю эти строки
паскудству
скудной жизни клерков,
чьи языки и чьи сердца
источены червями.

Я посвящаю эти строки
рассыльным,
почтальонам,
рабочим
дорог железных,
погонщикам быков.
Я посвящаю эти строки
заводов ненасытным душам.
Крестьянину,
владыке мира,
наместнику аллаха на земле,
у которого телку бандиты угнали,
у которого дочку злодеи украли,
у которого староста в палец земли
оттягал —
от участка в ладонь
(остальное конфисковали власти
за неуплату налогов),
пахарю,
у которого хлеба нет,
я посвящаю стихи.
Измученной матери,
дети которой никак не заснут
на пустой желудок,
все хнычут тихонько,
но есть не просят —
знают, что нет.

Красавицам,
чьи очи потускнели,
так ничего и не увидев
из-за глухой чадры.
Замужним женщинам,
тела которых гложет стыд
постелей, где любовь
не ночевала,
я посвящаю эти строки.
И вдовам тоже.
Я эти строки посвящаю
вонючим пустырям и переулкам,
где в духоте,
над мусорными кучами
плывет луна
и омывает жемчужным светом
уродство ночи —
взвизги,
крики,
браслетов звон,
дешевые духи
и смрад
желания и пота.
Я посвящаю эти строки
искавшим знания,
кто преклонил колени
пред храмом дум и красоты,
вступил в него...
и не вернулся.
Им, искавшим света
во мраке лжеучености,
я посвящаю строки эти.
Я посвящаю эти строки
пылающим
на ледяном ветру
изорванных ночей тюремных —
узникам,
кто догорел дотла
во имя завтрашнего света.
Я посвящаю эти строки
посланцам будущего —
в них,
как в розе аромат,
живет грядущее.

●

Моя боль — мелодия без звука,
мое Я — частица без примет.
Когда боль моя отлилась в Слово,
получил черты я бытия земного,
и тогда открылось мне то,
что было раньше скрыто.
Я безмолвие услышал двух миров,
и они моими стали.
Вся вселенная теперь во мне.

Перевела М. Салганик.

●

1

Ночь эта плещет волной молодого вина.
Утро струит расцветающих роз аромат.
Чаша разбита. Пускай же сегодня весна
Жаром желанья наполнит сердце и взгляд.

2

Когда за окном раскрылся цветок красоты,
Утро всю землю кругом обратило в цветник.
Всюду, куда свой взгляд устремила ты,
Мир красоты совершенной возник.

3

Время покоя пришло для безумных и шалых.
Рты их закрыты. Закрылись ли жгучие раны?
Други! Накройте столы — весеннее время
настало.
Раны пылают... Раскрылись ли утром тюльпаны?

4

Ночью сердце безумца сквозь хаос мелодий
Ловит звук нежной речи твоей неустанно.
Утром взгляд в красоте твоей сходство
находит
С красотой расцветающих роз и тюльпанов.

ДЕНЬ, КОГДА СУДЬБА НАГРЯНЕТ

Как он придет, тот день, когда судьба
нагрянет?
Возможно, так, как иногда, в начале ночи
бесстрастный поцелуй, лишь снисходительный,
не боле,
заставит всюду открываться двери
заветные и с ними, неведомо откуда,
приходит к нам цветущая весна,
волнующая даже грудь луны.

А может быть, и так, как на исходе ночи,
рассвет, свежея от бутонов полусонных,
войдет неслышно в комнату влюбленных.
Пора расстаться — из безмолвных окон
доносит утро звук угасших звезд.

Как он придет, тот день, когда судьба
нагрянет?
Быть может, как укол внезапный, острый,
и взвизгнет нерв от нестерпимой боли,
густая тень разбойничьей руки
накроет мглой навеки все вокруг.

Как он придет, тот день, когда судьба
нагрянет?
Пусть он придет внезапно, как смертельный
удар любви.
Пусть сердце остановится с прощальным
словом:
благодарю, что ночь не мучит израненное
сердце,
благодарю, что было в жизни касанье нежных
губ.

Перевел Ал. Сурков.

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

ОКЕАНСКАЯ ВАХТА

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото В. КУЗНЕЦОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Более чем на пятнадцать тысяч километров протянулась морская граница нашей Родины на востоке и северо-востоке. Поэтому важной составной частью крупных мероприятий по укреплению обороны СССР стало создание в 1932 году Тихоокеанского флота.

Много славных страниц вписали моряки-тихоокеанцы в летопись Великой Отечественной войны, огромную роль сыграли они в разгроме милитаристской Японии. В послевоенные годы тихоокеанцы успешно осваивали новую технику. Сейчас сыновья и внуки героев-фронтовиков выходят в море на атомных подводных лодках, ракетных крейсерах, летают на самых совершенных самолетах.

ГЛОТОЧЕК ВОЗДУХА — И ПРИКАЗ!

Леонид Порохов стал взрывником только потому, что не мог им не стать. «Фамилия у меня такая,— шутил он.— Что уж тут метаться да искать себя! Видно, сам бог велел мне возиться с порохом, динамитом и пироксилином». Компанейский характер и любовь к перемене мест свели его с геологами. Так и бродил Леонид по тайге, рвал горы и скалы, пока однажды не заметил, что у него подрастает сын, первыми игрушками которого стали похожие на мыло толовые шашки. Тут Леонид понял, что фамилия фамилией, а Володьку от взрывчатки надо отучать. Собрал чемоданы и с Байкала махнул в Норильск.

И надо же так случиться, что по дороге завернул в Ленинград. Когда сынишка увидел «Аврору», когда ступил на палубу прославленного крейсера, когда потрогал историческое носовое орудие, Леонид Порохов понял, что отныне за своего Володьку может быть спокоен — сын «заболел» морем.

— Да,— вспоминает капитан-лейтенант Владимир Порохов,— «заболел» я тогда неизлечимо. Но не столько морем, сколько кораблями. Для начала прочитал о кораблях все, что смог раздобыть в норильских библиотеках. Потом решил изучить морские сражения. Чтобы было наглядно, из фанеры, картона, пластилина и жести соорудил макеты Чесмы, Цусимы, Корфу, Порт-Артура, причем с островами, бухтами, заливами и проливами. Само собой, сделал модели кораблей — и наших и неприятельских, и начали мы с одноклассниками разыгрывать самые настоящие сражения. По ходу дела, разумеется, исправляли ошибки Нельсона, Ушакова, Нахимова и Макарова. Мы писали друг другу ноты протеста, вели переговоры, заключали пакты и соглашения... Короче говоря, долгая полярная ночь пролетала незаметно. А как только на озерах таял лед, приступали к строительству кораблей, на которых можно было плавать. Я даже спустил со стапелей подводную лодку, правда, при первой же попытке погружения вместе с ней чуть не утонул.

После окончания школы я решил поступить в военно-морское училище. Знающие люди подсказали, что надо ехать в Севастополь. По дороге я заглянул к деду — он жил под Канском. И надо же так случиться: ехал я на мотоцикле и на полном ходу врезался в грузовик.

Через полгода кости срослись, но коленный сустав левой ноги был как деревянный. Выходит, прощай, мечта? Кто же примет в военное училище хромого? Вернулся я домой, поступил на рудник, работал слесарем по ремонту горного оборудования, все вроде бы вошло в нормальную колею. Мать не нарадуется: зарплату приношу всю, на улице не торчу, в забегаловках не пропадаю. Но скучный был до невозможности! Близкие помалкивали, понимали, что в моем инвалидном положении не до веселья. Так бы, наверное, и хромал я по жизни, если б не отец. По-мужски круто сказал он мне: «Если ты не размазня — борись за свою мечту. Хныкать легко и даже приятно: все-то тебя, хроменького, жалеют, кусок послаще подсовывают, спешат утешить и помочь. Но для настоящего мужчины это не жизнь. Прояви характер, гордость покажи, разорви этот круг — и строй свои лодки!»

Разбередил меня отец, век помнить буду, и начал я много ходить, бегать, с привязанной гирей до седьмого пота сгибал и разгибал ногу. И заработал суставчик! Как миленький заработал!

Через год поехал во Владивосток. Тут тоже ждали испытания. С первого раза в училище не поступил, но домой не вернулся — устроился слесарем в мастерской училища. Потом начал плотничать. Как ни странно, именно топор и рубанок заставили меня изменить мечте строителя подводных лодок. Плотничая, я часто бывал в самых разных кабинетах: то дверь чинил, то форточку, то стенд какой. Однажды ремонтировал окно в кабинете торпедного оружия. Как увидел торпеды да потрогал их — и все, с этого момента понял, что хочу не строить лодки, а командовать ими и давать торпедные залпы! Ведь в конце концов подводная лодка для того и существует, чтобы выйти в нужную точку и торпедой поразить вражеский корабль. Короче говоря, через год я поступил в училище и благополучно его окончил.

Служить предложили на атомной лодке, но я отказался: там ведь главное оружие — ракеты, а я хотел быть торпедистом. Желание уважили и направили на дизельную лодку. И тут мне крупно повезло с командиром. Это очень важно, когда твой первый командир — и человек с большой буквы, и специалист, и воспитатель. Я знаю однокашников, которые до сих пор маются и мечутся — и все потому, что нет контакта с командиром. Так вот из меня подводника сделал капитан второго ранга Балакирев. Никогда не забуду годы, которые служил под его началом. На его лодке я стал коммунистом, причем одну из рекомендаций давал командир, там же был назначен его помощником, а когда появилась современная лодка, по совету Балакирева меня направили на нее старпомом, причем доверили набирать экипаж. Тут уж я постарался! Ребята у нас один к одному. Мы уже были в дальних походах, автономных плаваниях — и все задачи выполняли только на «отлично».

Служба у подводников нелегкая, возникает множество психологических нюансов, неведомых на берегу или на надводных кораблях. И вот тут очень многое зависит от политработников. Наш замполит капитан-лейтенант Дуев в этом отношении просто находка. До училища он окончил музыкальную школу по классу баяна, отлично играет на гитаре, поет, знает множество стихов, к тому же владеет несколькими чисто подводными специальностями. Передаю вас с рук на руки замполиту, а сам убегаю,— извинился Владимир Порохов.— Скоро выход в море, так что дел невпроворот.

С Виктором Дуевым мы встретились в довольно просторном кубрике. Он сидел на койке и настраивал гитару. Вокруг расположились молоденькие матросы последнего призыва и недоверчиво улыбались. Чтобы замполит играл на гитаре, да еще и пел — этого они «не проходили», а старослужащие не успели рассказать о музыкальном капитан-лейтенанте.

А Виктор настраивал гитару и говорил:

— Хоть на лодке вы без году неделя и моря еще не нюхали, кое-что из ухваток «зубров»-подводников переняли: бескозырка на затылке, тельняшка линялая, бляха якобы от соленой воды зеленоватая. Да и песенный фольклор усвоили. Но не все, что можно петь,— песня. Мелодии, которые вы бубните, играются на три гитарных аккорда.

Виктор тут же умело спародировал пару таких мелодий. Матросы засмеялись.

— Есть и другие песни,— продолжал замполит.— Их можно считать своеобразным гимном подводников. Главное в них — слова. Послушайте.

Мы вышли в море служить народу.
Но только нету вокруг людей.
Подводная лодка уходит в воду,
Ищи ее неизвестно где.

— А ну-ка вместе!

И кубрик грянул:

Подводная лодка уходит в воду,
Ищи ее неизвестно где.

А потом мы с Виктором ушли в его уютную каюту, пили заваренный по-флотски чай, говорили. Находясь долгие месяцы в замкнутом пространстве лодки, не видя не то что берегов, но даже неба, люди ведут себя совсем иначе, нежели в нормальных условиях, их характеры, их психология проявляются не по береговым нормам. А от морально-психологического климата в лодке, от настроения каждого члена экипажа впрямую зависит выполнение боевой задачи.

Капитан-лейтенант Виктор Дуев совсем молод — ему всего двадцать шесть, но его знанию жизни и умению найти подход к человеку можно позавидовать — седобородый аксакал. Когда я сказал об этом Виктору, он только пожал плечами.

— Ничего особенного, для замполита это норма... Но есть и другой ответ. Правда, в моих устах он прозвучит несколько дерзко, но, учитывая годы, которые я уже провел в море, к тому же под водой, можно сказать и так: поживите с мое — научитесь!

Эти же слова через несколько дней напомнил мне участник VI Всеармейского совещания секретарей первичных партийных организаций капитан-лейтенант Вячеслав Липинский.

— Шутки шутками, но это действительно так. На лодке лишних людей нет, каждый занят, и занят таким важным делом, что от его действий зависит не только успешное выполнение боевой задачи, но и жизнь всего экипажа. Ведь мы плаваем не просто на подводной лодке, а на атомной ракетной подводной лодке стратегического назначения. Я на этой

Парадный смотр * Учебная стрельба морских ракетчиков.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На учении * Атака морской пехоты.

лодке команду ракетной боевой частью. Это значит, что весь экипаж работает на нас: штурманы выводят корабль в нужную точку, механики так рассчитывают режим работы машин, чтобы выйти туда в точно указанное время, другие службы обеспечивают скрытность выхода, а ракетный залп — за нами. Ответственность огромная, и все это прекрасно понимают.

И вдруг Вячеслав спросил:

— Вы видели, как лодка возвращается из автономного плавания или дальнего похода?

— К сожалению, нет.

— Обязательно подловите этот момент. Не буду рассказывать, как выглядит сам корабль, а вот люди... В их лица стоит вглядеться, особенно когда они сходят на берег. Много месяцев не видеть земли, мечтать о ней, видеть во сне, чуть ли не наяву всей кожей ощущать и дождь, и снег, и ветерок... Но стоит ступить на эту желанную землю, стоит сделать десяток шагов к дому, как моряк начинает оглядываться на лодку. Идет он не спеша по пирсу, глаза влажные, лицо шальное от счастья, одной рукой обнимает жену, другой — сынишку; через полчаса — дом, празднично накрытый стол. Можно съездить на охоту, сходить за грибами, побывать в театре... Но у пирса стоит лодка, его родная лодка. И вот идет моряк по пирсу. Все ближе дом, все дальше корабль, минута — и он обычный, сухопутный человек. Но чаще и чаще оглядывается моряк на лодку. Простите его, дети! Простите, невесты, матери и жены! Всеми мыслями, всей душой он с вами. А сердце — сердце моряка навсегда отдано морю.

АТАКА С ВОЗДУХА

В журналистской жизни часто бывает так: повезет — так повезет, нет — так нет. На этот раз мне действительно повезло: без особых усилий я получил разрешение в составе экипажа самолета-ракетоносца слетать на учебно-боевое задание. Само собой, после врачебного осмотра и тщательного инструктажа: как катапультироваться, что делать после приводнения, как отпугивать акул и т. п.

Дело прошлое, но когда взревели турбины и командир корабля майор В. Попов еще и еще раз проверил мою кислородную маску, шлемофон, парашют и заставил повторить все, чему учил инструктор, на какое-то мгновение мелькнула мысль: «И зачем я в это ввязался?» А справиться с собой мне помогло еще одно взволнованное лицо: место второго пилота занимал курсант Евгений Харичев, у него был тоже первый полет на боевом самолете. Мы понимающе улыбнулись друг другу и сделали вид, что успокоились, тем более что остальные члены экипажа старательно не замечали нашего состояния.

Огромный ракетоносец разбежался и оторвался от земли. В воздухе он шел куда устойчивее, чем пассажирский самолет, хотя перегрузка была пустяковая. Когда вышли на заданный курс, командир передал управление Харичеву. У Жени даже кончик носа побледнел, но держался он спокойно и самолет вел четко.

Штурман доложил, что выходим на боевой курс. Командир взял управление на себя. Потом штурман сообщил, что цель — в перекрестье прицела. Бомба ушла! Мы с креном развернулись и хорошо видели взрыв. Цель поражена! Новый заход на боевой курс — и вторая бомба не прошла мимо. А третья вообще попала «в яблочко»!

Командир снова передал управление Харичеву и коротко бросил:

— Домой!

Женя благодарно улыбнулся, уточнил курс и деловито взялся за штурвал.

— Многим курсантам вы дали путевку в небо? — спросил я у Владимира Попова.

— Честно говоря, не считал. Я ведь командир отряда. Став лейтенантами, многие из этих ребят приходят служить именно в наш отряд, так что я кровно заинтересован в том, чтобы как следует обкатать новичков. В небе человека видно лучше, чем на земле: во всяком случае, я безошибочно могу сказать, из кого получится классный летчик, а из кого — средний. Харичев, по-моему, парень стоящий. Главное, он умеет побороть волнение, не ерзает, потеряв из виду берег и не имея никаких ориентиров. Важно и то, что он собран, не болтлив. Вы заметили, что за два часа полета он не произнес ни слова? А есть ребята, которые без конца что-то спрашивают, уточняют или выражают восторги. Возьму его в свой отряд,— закончил командир.— Непременно возьму.

Внизу показался огромный корабль.

— Что это? — спросил я.

— Противолодочный крейсер «Минск». На его борту и самолеты и вертолеты. Если удастся, советую побывать.

...Через день я был на «Минске». Вблизи корабль так грандиозно-величествен, его габариты так неправдоподобно велики, что какое-то время чувствуешь себя просто ошарашенным. Летная палуба — аэродром на плаву, ангар — десять дворцов спорта. А когда начались полеты и самолеты вертикального взлета один за другим уходили в небо, когда поднялись и вертолеты, когда объявили, что корабль атакует эскадрилья «противника», и заработали скорострельные пушки и пулеметы, зашевелились зенитные ракеты, когда начали действовать средства противолодочной защиты, а потом привели в боевое положение и главный ракетный комплекс, я понял, что рассказать об этом может только группа, представляющая все творческие союзы страны.

Ну, в самом деле, кто, кроме художника, может передать голубизну неба, синь океана, стремительное серебро самолетов и изящную громадность корабля?! Кто, кроме кинематографиста, может показать четкую динамику взлетов и посадок, изумительную натренированность летчиков и вертолетчиков, которые быстро, ловко и красиво впрыгивают в свои машины?! А рев турбин, грохот орудий, стук пулеметов, шипящий свист ракет! И по контрасту — несуетливая тишина ходовой рубки, где все и вся подчинены не только словам, но даже жестам крепкого, плечистого человека с обветренным лицом и хриплым «боцманским» голосом,— командира корабля капитана первого ранга В. П. Саможенова.

Вениамин Павлович — коренной сибиряк, о море мечтал с детства и служит морю почти четверть века. За эти годы он побывал на всех наших морях и океанах, командовал самыми разными кораблями, и все они считались лучшими на своих флотах. Теперь Вениамин Павлович — тихоокеанец. Таким огромным кораблем он еще не командовал, но ни у кого нет и тени сомнений, что кавалер ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей степени и медали «За боевые заслуги» В. П. Саможенов и его выведет в число лучших и станет «Минск», как говорят на флоте, призовым кораблем.

* * *

Когда мы встретились с командующим Краснознаменным Тихоокеанским флотом адмиралом В. В. Сидоровым, я попросил его рассказать о военно-политической обстановке в зоне Тихого океана и роли Тихоокеанского флота в ее стабилизации.

— Военно-политическая обстановка в нашей зоне очень непростая,— ответил адмирал В. В. Сидоров.— Объясняется это прежде всего гонкой вооружений и оснащением военно-морских сил США, Японии и Китая новейшими видами оружия, включая ракетное. Немалую роль в обострении обстановки играет милитаризация Японии, заявление о расширении зоны ответственности ее военно-морских сил до тысячи миль от побережья. Внушает тревогу и смыкание военных планов США, Японии и Южной Кореи. Все это происходит в непосредственной близости от наших берегов. Поэтому оставить без внимания бряцание оружием Советское правительство не может. Находясь в высокой боевой готовности и являясь средством миролюбивой политики Советского государства, наш флот и впредь будет укреплять свою боевую мощь. Главная задача Краснознаменного Тихоокеанского флота — обеспечить безопасность дальневосточных рубежей Советского Союза. И мы ее обеспечим!

Крейсер «Минск» в учебном походе ✲ В ночной полет.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

Основанный полвека назад как узкоспециализированный, литературно-критический и библиографический, журнал «Детская литература» с первых же своих номеров привлек пристальное внимание широких кругов читателей, стал популярным. Все так или иначе озабочены судьбой подрастающего поколения, всех волнует положение ребенка в современном мире, проблемы его воспитания, образования, духовного и физического развития, вопросы становления личности тех, кто идет нам на смену, чтобы продолжить дело своих отцов.

Вот почему в авторском активе журнала — многие советские и зарубежные писатели, видные ученые и общественные деятели, представители культуры и искусства, известные педагоги и работники дошкольных учреждений и библиотек, просто заинтересованные родители. На страницах журнала в разные годы выступали президент Академии педагогических наук В. Столетов и художник Ю. Васнецов, прославленный полководец В. Чуйков и народный артист СССР С. Образцов, первый космонавт Земли Ю. Гагарин и композитор-педагог Д. Кабалевский, известный литературовед С. Бонди и воспитатель-новатор В. Сухомлинский... На материале детской литературы журнал поднимает узловые проблемы современности, в обсуждении которых участвовали такие мастера слова, как М. Шолохов, Л. Леонов, А. Твардовский, Н. Тихонов, и, разумеется, детские писатели К. Чуковский, С. Маршак, А. Барто, С. Михалков и многие другие. Выступали на страницах журнала и известные зарубежные писатели и деятели культуры — Д. Родари, Д. Олдридж, Т. Хейердал, А. Линдгрен...

Давняя традиция журнала — дискуссии как теоретического характера, так и по конкретным произведениям. В основе требований журнала к произведениям для детей всегда был и остается принцип единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания юных, воспитание правдой жизни, в духе патриотизма и интернационализма, верности идеалам коммунизма. Недаром эмблема журнала — всадник, скачущий под красным знаменем. Литература для маленьких должна быть большой, постоянно подчеркивает журнал, обращая внимание писателей на особую их ответственность за формирование души ребенка: детский писатель одновременно и педагог, наставник многомиллионной юной массы, брак в этом деле недопустим.

Для того, чтобы предоставить читателям возможность полнее ознакомиться с литературой для детей в братских республиках и социалистических странах, в редакции регулярно устраиваются «круглые столы», за которые приглашаются ведущие представители литературы и искусства. В нынешнем, юбилейном году выпускаются специальные, хорошо иллюстрированные номера, целиком посвященные детской литературе каждой из союзных республик. Неоднократно подобные номера отводились и литературе для детей стран социалистического содружества.

Свой пятидесятилетний юбилей журнал встречает в творческом поиске. За заслуги в развитии многонациональной детской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании подрастающего поколения журнал «Детская литература» Указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Дружбы народов.

Иван ИСАЕВ

ПАМЯТЬ ИСТОР

интервью «огонька»

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик

— Дмитрий Сергеевич, судьбы памятников культуры в нашей стране находятся постоянно в центре внимания общественности. В Москве, Ленинграде, в других городах и селах воздвигаются монументы, обелиски, мемориалы, создаются историко-архитектурные заповедники, словом, ведется большая работа, цель которой — укреплять, поддерживать в наших людях сознание великого триединства: прошлое — настоящее — будущее. Знаменательно, что передовая статья «Правды», вышедшей в День Победы 9 мая 1982 года, называлась «Воспитание историей».

Преемственность культуры, долговечность самой жизни народов гарантированы лишь при том условии, что народ обладает хорошей памятью, если прошлое его работает вместе с настоящим для будущего.

И потому всяческое невнимание к памятникам нашей духовной и материальной культуры, а они связаны и с давним прошлым, и с революционными событиями, и с минувшей войной, настораживает.

— Согласен. Памятников истории и культуры, по официальным подсчетам, только в РСФСР более 180 тысяч. А фактически — в несколько раз больше. Потому что их выявление, описание, исследование — процесс непрерывный.

Памятники эти составляют особый мир, являются важной составной частью культурной, идеологической среды, в которой так же, как и в природной среде, живут люди.

Поэтому ясно, что проблемы сохранения природной среды и сохранения культурной среды человечества стоят рядом.

Это проблема Экологии с большой буквы.

— Кто же должен решать эти проблемы?

— Можно ответить общим определением: общество, государство. Но если вглядеться внимательнее, то сразу обнаружится четкая причинно-следственная связь.

Если памятник, будь то отдельное сооружение, или комплекс, или ландшафт, находится под опекой, неусыпным вниманием энтузиастов и специалистов-профессионалов, если местные власти относятся к нему с действительной, действенной поддержкой и вниманием, а общественность с готовностью откликается на любые нужды, связанные с жизнью и «работой» памятника, то положение можно считать нормальным.

И хотя нет критериев для оценки пользы, она, несомненно, огромна, реальна, ощутима, видима.

«Бестелесная духовная субстанция» — воздействие культурной среды на души людей становится отчетливой силой, особенно могучей во времена предельных испытаний, выпадающих на долю народа. Минувшая война, которую и сегодня помнят наши люди, очень ясно показала это.

— И вы можете, Дмитрий Сергеевич, привести примеры такой оптимальной «жизни и работы» памятника?

— Их немало. Но, пожалуй, наиболее ярким, классическим, так сказать, примером является жизнь Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в Псковской области.

Здесь мы встретим весь комплекс необходимых условий для успеха дела.

Во главе заповедника вот уже более тридцати лет стоит неистовый энтузиаст, крупнейший специалист-профессионал, как его называют, «музейный гений», Семен Степанович Гейченко.

Вместе с ним работают его ученики, соратники, сотрудники — более ста человек. Все они специалисты самого высокого класса, будь то садовый рабочий, художник-оформитель или смотрительница в музее. С полным основанием можно сказать, что заповедник является еще и университетом музейного дела.

А с другой стороны, не было бы того благотворного для памятника климата в Михайловском, если бы не самое деятельное, самое всестороннее внимание к его делам, нуждам, планам со стороны как местных властей, так и самой широкой общественности.

Первый секретарь Пушкиногорского райкома КПСС Анна Федоровна Васильева едва ли не ежедневно бывает в заповеднике, и не как посетитель, почетный гость, а как сотрудник, деятельный помощник, соратник.

Здесь используются различные формы взаимодействия работников музея с паломниками-добровольцами. Кстати, интересная тема для размышлений о подобной деятельности как форме активного отдыха.

Трудно подсчитать в рублях, в человеко-часах всю огромную пользу, которую принесли энтузиасты этой народной святыне. Не менее трудно подсчитать все то огромное духовное богатство, которым одарил Пушкин всех своих друзей. Но, подчеркну, работа энтузиастов имеет смысл и приносит пользу лишь при умелом руководстве профессионалов.

— Вы назвали цифру — 180 тысяч памятников. А сколько из них нуждается в помощи?

— Вы знаете, дело не только в помощи. Ведь памятник в запущенном состоянии, полуразрушенный, заброшенный, захламленный, на котором «красуется» ржавая вывеска с еле различимыми словами: «Охраняется государством», — такой памятник тоже работает с большой силой убеждения, внушения. Со знаком минус.

Такой памятник работает в полную силу против памяти народной. Против уважения к чести и достоинству Родины.

В нашей стране осуществляются грандиозные народнохозяйственные программы. Вошло в практику проводить «археологическое обеспечение» всех крупных градостроительных и промышленных строек. Это значит, что без санкции археологов ни одна строительная организация не имеет права начинать земляные работы.

Считаю необходимым подобную практику ввести и в отношении памятников культуры.

Так, например, прорабатываемые сейчас варианты проекта поворота наших северных рек на юг должны учитывать необходимость сохранения исторических памятников на Севере России.

Ведь Север России сохранил для нас бесценные сокровища фольклора, зодчества, памяти народной. Север России — это красивейшая полоса планеты. И за все это теперь мы должны сохранить наш Север, должны беречь его как зеницу ока.

Из этого следует, что при разработке подобных проектов в составе авторитетных комиссий и экспертных групп должны быть искусствоведы, историки, архитекторы-реставраторы, то есть специалисты по памятникам культуры самых высоких квалификаций.

Давно пора понять, что такие наши города-памятники, как Новгород, Суздаль, Ростов Великий, Устюг Великий, по своей культурной ценности для людей всего мира ни в коей мере не уступают Венеции, Флоренции, Вероне...

Да, я назвал цифру 180 тысяч взятых на учет памятников культуры. А сколько из них на самом деле охраняется, поддерживается, используется так, как надо?

Я буду большим оптимистом, если скажу, что треть. На самом деле положение гораздо хуже.

И тут, мне кажется, немалая доля вины ложится на республиканское общество охраны памятников истории и культуры — ВООПИК.

Причины такого положения, видимо, заключаются в том, что, например, ВООПИК более или менее активно действует в Москве, в Ленинграде (и то с большими оговорками), в областных центрах. А вот на периферии, то есть там, где находится добрая половина ценнейших памятников культуры, деятельность общества фактически отсутствует. Нет того социального климата органичного уважения к памятникам культуры, создание которого и является главной задачей обществ. Общества охраны памятников различных союзных республик очень слабо связаны между собой. Давно уже ясно, что необходим центральный координирующий орган, вырабатывающий общие программы, общую политику для всех республиканских обществ.

Средства массовой информации должны гораздо шире, активнее и, главное, систематичнее вести пропаганду охраны памятников культуры. Хотелось бы, в частности, чтобы на Центральном телевидении появилась специальная передача-рубрика типа «Клуба кинопутешествий», только более публицистичная, более остро ставящая проблемы. Об этом в полный голос говорилось на только что закончившемся IV съезде ВООПИК.

— Если говорить о создании благоприятного социального климата уважения к памятникам культуры, бережного к ним отношения как о главной задаче деятельности ВООПИК, то «антипримеры» можно найти совсем недалеко от Москвы.

Хотелось бы поговорить в связи с этим о пушкинском комплексе «Захарово — Вяземы».

— Тем более что это единственное под Москвой пушкинское место такого значения.

ИИ СВЯЩЕННА

Ведь в Захарове, в имении своей бабушки Марии Алексеевны Ганнибал, юный Пушкин жил с родителями в течение нескольких лет с ранней весны до поздней осени.

Не осталось ни большого дома, ни флигелей усадьбы, но есть фрагменты старинного парка, есть воспетый поэтом пруд, есть, наконец, все те топографические особенности ландшафта, которые были при Пушкине.

А рядом расположено старинное село Большие Вяземы — вотчина Бориса Годунова. Там сохранился великолепный дворец, флигели, величественный собор, красавица звонница.

Пушкин часто бывал с родителями в этом имении, принадлежавшем в то время князьям Голицыным.

Насколько мне известно, в Вяземах, в Захарове нет ни музея, ни заповедника, но люди со всей страны знают это место, посещают его, так сказать, «голосуют ногами» за создание пушкинского заповедника под Москвой.

— Дмитрий Сергеевич, если говорить реально, то вряд ли можно рассчитывать на скорое исполнение такого вполне оправданного желания — открытия пушкинского музея-заповедника под Москвой. Но вполне своевременно говорить о том, что местные власти, местное население могли бы привести в порядок эти святые для нашего народа места.

И Захарово и Вяземы находятся сегодня в плачевном состоянии. Собор в Вяземском имении реставрируется уже более тридцати лет. А между собором и звонницей «пользователь» — научно-исследовательский институт — выстроил гараж-времянку, и в результате памятник в целом приобрел жалкий, окарикатуренный облик. Не говоря уже о том, что тяжелые автомобили губят старинный парк, видевший Пушкина. Многие деревья уже высохли, а техника продолжает свое дело: выхлопными газами и колесами.

Что же касается Захарова, то там положение еще более печально.

Нынешний владелец имения — так сказать, культурный центр — Центральный Дом Советской Армии. В Захарове пионерский лагерь ЦДСА. И этот лагерь был закрыт местной санитарно-эпидемиологической станцией.

— Что ж, вот вам печальный пример равнодушного отношения «пользователей», местного населения, местных властей к памятникам, расположенным, так сказать, у себя дома. Поистине «нет пророка в своем отечестве»!

Ведь ситуация, описанная вами, весьма проста. Исполком городского Совета народных депутатов Одинцовского района имеет все права самым жестким образом, вплоть до судебной ответственности, потребовать от лиц и организаций, разместившихся на временно переданной им Советской властью в пользование территории вместе с постройками и сооружениями, соблюдения самого строгого порядка, недопущения никаких самовольных застроек типа гаражей, сараев и так далее, не говоря уж о захламлении.

Так что власть, права имеются в полном объеме. Тем более, когда речь идет о местах, о памятниках, связанных с именем Пушкина! Почему же власть не применяется? Чего для этого не хватает? Не хватает сознания того, что для всех жителей Одинцовского района Московской области, для всех депутатов городского Совета дело чести, одно из самых первоосновных дел: содержать в достойном состоянии пушкинские места. Они должны в полной мере осознать, что им выпало великое счастье, что именно на их земле есть такое место — Захарово, есть Вяземы!

Я слышал, что в подражание михайловскому Пушкинскому празднику поэзии на поле возле закрытого санэпидстанцией Захарова тоже устраивают праздники. Мне думается, что такое празднование рядом с захламленным памятником — издевательство, а не торжественный акт во славу поэта.

Знаете, я убежден, что если местные власти не сознают ценности и значения памятника, который находится на их земле, то гораздо активнее должны воздействовать на них государство, Министерства культуры РСФСР и СССР, специалисты, общественность.

И, возвращаясь к разговору о деятельности обществ охраны памятников, и в частности ВООПИК, я считаю, что на начальном этапе работы с памятниками роль общества первоосновная. Широчайшая разъяснительная, просветительская работа, борьба с чиновниками и бюрократами, если надо, борьба беспрерывная и только до победного конца — это и есть первая и основная обязанность органов ВООПИК, в данном случае в проблеме Захарово — Вяземы.

— Ну, а когда наступает второй этап, когда решение о «принятии памятника в штат» состоялось, то можно, видимо, считать, что судьба памятника обеспечена?

— Жизнь показывает, что это не так. Чрезвычайно важно на втором этапе упредить возможные ошибки, могущие возникнуть из-за игнорирования административными и хозяйственными работниками очень тонких, специфических, требующих специальных знаний проблем, связанных с реставрацией и возрождением памятников культуры. В связи с этим позвольте остановиться на одном вызывающем особое беспокойство примере.

В течение более десяти лет общественность, печать, деятели науки, литературы, искусства добивались решения вопроса о восстановлении находящейся в Московской области усадьбы великого русского поэта Александра Блока — Шахматово. Наконец, в прошлом году было принято постановление Совета Министров РСФСР о создании в Подмосковье Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока.

Казалось бы, что должны сделать в первую очередь люди, ответственные за выполнение (неформальное) прекрасного постановления правительства республики? (Я имею в виду сотрудников Управления музеев Министерства культуры РСФСР и сотрудников Управления культуры Мособлисполкома.) На мой взгляд, вопрос элементарен — назначить директора будущего заповедника и хотя бы нескольких научных сотрудников из числа тех специалистов, которые давно занимаются проблемой Шахматова, досконально изучивших жизнь поэта в усадьбе, ее историю, архитектуру, планировку и так далее. И затем уже, не откладывая, начать практическую работу по созданию заповедника: разработку его генплана, утверждение границ, охранных зон, разработку рабочих проектов восстановления усадебного дома, флигеля и иных строений, возрождение парка, приведение в порядок сада Блока и т. д.

Такое решение напрашивается само собой, ему есть добрые примеры (обратимся вновь к опыту С. С. Гейченко, поднимающего пушкинский заповедник практически с первого дня освобождения Пушкинских Гор от фашистов). А есть примеры и недобрые. Недавно ваш журнал рассказал о трагическом состоянии архитектурных памятников и природы Валаама, возникшем, в частности, и оттого, что у уникального заповедника на Валааме практически не было хозяина, облеченного, подчеркиваю, всеми необходимыми полномочиями и возможностями.

Заповеднику Блока, кажется, тоже грозит опасность остаться домом без хозяина. Ведь что же получается: кто-то, но не специалисты-блоковеды будет составлять и утверждать охранные зоны; кто-то — решать, какой же дом все-таки восстанавливать в Шахматове: ведь усадебный дом не раз перестраивался; кто-то — решать, где и какую проводить дорогу, какие вырубать, а какие сажать деревья в саду и так далее и так далее.

Пока же еще ни один специалист-блоковед (то есть человек, профессионально знающий предмет) к работе над проектом блоковского заповедника, а тем более для работы в нем официально Министерством культуры РСФСР и Управлением культуры Мособлисполкома не привлекался. Но ведь будет поздно, когда что-то построят, проложат, вырубят... Поздно будет переделывать. А ведь блоковский заповедник следует создавать по образу и подобию пушкинского, с такими же задачами и возможностями. И это — очень непростое дело.

Создавшееся положение тем более странно, что организуемый в Подмосковье музей Блока должен же быть чем-то наполнен — нужны подлинные вещи, книги, портреты, мебель, помнящие поэта, близких ему людей. И они есть. Пока есть. Их надо собирать немедленно, бережно, тщательно, настойчиво. А над этим сейчас вообще никто не думает, а то, что собрали, выявили, разыскали энтузиасты, создавшие даже картотеку блоковских реликвий, видимо, работников соответствующих управлений не интересует — вот и получается, что пока, к сожалению, судьба блоковского заповедника в руках равнодушных исполнителей.

Сейчас, когда организация блоковского заповедника только начинается, следует по-государственному, разумно подходить к делу.

А что, кроме недоумения (можно выразиться и резче), вызывает постоянное негативно-равнодушное отношение руководителей Солнечногорского района Московской области, да и немалого ранга руководителей самой области, к блоковским памятным местам? Кажется, что испытывают они не чувство гордости и действительной любви к земле поэта, а чувство навязанной извне обузы. Видимо, надо как-то поправлять и воспитывать подобных руководителей.

Следует безотлагательно также подумать и решить вопрос о восстановлении находящейся в семи километрах от Шахматова усадьбы одного из величайших русских ученых, гениального Д. И. Менделеева — Боблово. Почти сорок лет прожил здесь Менделеев, создал многие свои труды, работал над периодической системой элементов, в окрестных полях проводил сельскохозяйственные опыты, в устроенной им лаборатории — эксперименты, организовывал школы, трудился над провидческой книгой «К познанию России».

Грустно напоминать, что места, освященные бытием национального гения, заброшены, запущены. Такое беспамятство по отношению к прошлому ведет к опасному нравственному оскудению. Думается, всем нам, и Академии наук СССР в том числе, будет стыдно смотреть в глаза гостям, которые съедутся в 1984 году в нашу страну со всего мира на празднование 150-летия со дня рождения великого представителя мировой науки. Ведь должны же быть у народа святыни!

Хотелось бы напомнить еще об одном близящемся юбилее. В 1984 году исполняется 175 лет со дня рождения Н. В. Гоголя. В Москве сохранился дом Талызиной, где скончался великий писатель. Сейчас здесь городская библиотека № 2 имени Н. В. Гоголя и в нескольких комнатах расположилась небольшая, очень хорошо продуманная литературная экспозиция. Но, видимо, необходимо перевести библиотеку в соседнее здание этой усадьбы, а в доме, где умер писатель, открыть наконец музей Гоголя — первый в нашей стране. Да, поразительно, но у нас нет музея Н. В. Гоголя и очень неспешно продвигаются дела в Полтавской области, где создается гоголевский заповедник. Москва обладает и правами и возможностями для создания

мемориального музея Н. В. Гоголя, и надо приступать к его созданию. Возрождение этих памятников — дело чести двух республик: РСФСР и УССР. Ведь Гоголь — это живая связь двух братских народов — русских и украинцев!

Пора подумать и о создании музея М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, на Литейном проспекте, где прекрасно сохранилась квартира писателя. Творчество Салтыкова-Щедрина, как известно, вкривь и вкось толкуют на Западе. Музей Салтыкова-Щедрина может стать превосходным местом для широкой просветительной работы, основой которой будет освещение истинного смысла и значения великого наследия писателя.

Не могу здесь не сказать и о добром начинании, о котором мне только что стало известно. Главное управление культуры Моссовета поддержало ходатайство Московского городского отделения ВООПИК о создании литературно-мемориального музея А. Блока в Москве, в доме № 6 по улице Алексея Толстого, где он жил в 1904 г. Об этом памятнике рассказывал и ваш журнал и газета «Советская Россия». Поддерживая предложение Главного управления культуры Моссовета, Министерство культуры РСФСР решило открыть в этом доме литературно-мемориальный музей А. Блока на правах филиала Государственного литературного музея. Это — прекрасное, своевременное и принципиально важное решение. Суть проблемы в том, что А. Блок стоял на рубеже литературы двух эпох, что он связал своим творчеством великую русскую литературу XIX века с литературой социалистического общества, ведь именно с поэмы «Двенадцать» каждый школьник уже более полувека начинает изучение советской поэзии. Блок же и завершил пушкинскую эпоху русской литературы. Неразрывность, преемственность культуры олицетворяет поэзия да и сама жизнь Блока, в первые же послереволюционные дни ставшего на сторону Советской власти и отдавшего все силы строительству новой, социалистической культуры. Не так давно, к 100-летию со дня рождения поэта, в Гослитмузее была развернута прекрасная выставка материалов о его жизни и творчестве. Уже тогда писали, что эти реликвии достойны не залеживаться в фондах, а занять место в постоянной экспозиции музея Блока в Москве. Эту позицию активно поддержали и директор Гослитмузея Н. В. Шахалова, и начальник Управления музеев Министерства культуры РСФСР А. В. Бартковская, и крупные ученые, и писатели страны. Теперь есть основания надеяться, что эти благие намерения претворятся в жизнь и откроется в Москве музей поэта, которого А. М. Горький называл «волею божией поэтом и человеком бесстрашной искренности».

— Наш разговор, Дмитрий Сергеевич, принимает направление, уже более специализированное. Мы подошли к деятельности людей, непосредственно отвечающих за работу с памятниками культуры: местных и не только местных руководителей, администраторов и хозяйственников, музейных работников, реставраторов и так далее.

— Поворот беседы вполне закономерен. В конце концов отвечать за дело должны люди, которые к нему приставлены. Общественность общественностью, а ответственность персональных лиц прежде всего.

Ведь мы говорим о делах, можно сказать, кровно затрагивающих буквально каждого из нас!

Может ли оставить спокойным, например, ярославцев отношение местных властей к памятникам в старой центральной части этого города-музея?

А как могут жители Молдавии спокойно видеть использование белого камня из обнаруженных археологами изумительных античных построек на местные хозяйственные нужды?!

Об этом надо, как говорится, бить в колокола беспрерывно, для того чтобы те, кто виновен в подобных безобразиях, видели, знали, ощущали, что они находятся в зоне самого пристального внимания общества и что любое антидействие или любая бездеятельность не останутся без последствий.

Добавлю также, что оттого, что человека без соответствующей профессиональной подготовки и знаний назначат генеральным директором музея, этот человек ни музейным специалистом, ни искусствоведом не станет.

И еще: если власти, партийные и советские, на местах заняты лишь решением узкохозяйственных проблем, если они равнодушны к культуре родного края, к его истории, там, как правило, идеологическое, нравственное воспитание хромает на обе ноги. А эта сторона имеет, как известно, прямую связь с любыми формами практической деятельности.

— Одним из самых ярких примеров недопустимого отношения к величайшим памятникам нашей культуры со стороны совершенно конкретных лиц является «борьба против Грековых», которая уже много лет подряд ведется в Новгороде...

Если вы позволите, Дмитрий Сергеевич, мы напомним читателям начало этой истории.

Новгород, Новгородская область. Эти славные исторические места с первых же месяцев войны стали ареной жестоких, кровопролитных сражений. Более того, именно здесь прошла та черта, дальше которой не смогли двинуться фашисты.

А когда пришел победный час и наши, выстояв, перемолов силы врага, пошли вперед на запад, то остались на старом рубеже скорбные курганы, под которыми лежали воины «сороковых роковых», и останки шедевров — новгородских храмов XII—XIII—XIV—XV веков. Тлен, прах, пыль. И так, казалось, навсегда.

Но советские люди совершили подвиг, подняв из руин Новгород, восстановив многие его памятники, которые казались утраченными навечно.

Однако и среди подвигов бывают такие, про которые говорят: «Невозможное становится возможным!» Именно таков подвижнический труд художников-реставраторов Александра Петровича и Валентины Борисовны Грековых, продолжающийся уже почти двадцать лет.

Именно они с группами энтузиастов со всей страны, из многих городов дважды перебрали своими руками, дважды просеяли пыль и щебень, из которого состоял курган,— все, что осталось от храма Спаса-на-Ковалеве, шедевра архитектуры и фресковой живописи.

Много лет Грековы по крупинкам выбирали сотни тысяч мельчайших частиц штукатурки со следами сохранившихся остатков фресок, подобрали из этих крупинок почти сто семьдесят квадратных метров росписей, вернули из небытия несколько больших законченных живописных сюжетов.

И все годы, пока они работали на кургане, за их плечами стояла смерть. Десятки неразорвавшихся снарядов, мин извлекли из «военного слоя» саперы — постоянные сотрудники Грековых на Ковалевском холме.

Работы еще очень много, больше половины крохотных частиц не нашли пока своего места — ждут подборки. Еще только десять квадратных метров фресок окончательно смонтированы, закреплены на специальных титановых щитах.

Весь мир знает о подвиге Грековых. О них написаны статьи, очерки, репортажи. О них сняты фильмы, показаны телевизионные передачи.

Грековы — гордость нашей национальной культуры.

— «Это самая героическая, самая вдохновенная и самая нужная работа реставраторов, которую я когда-либо видел. Это работа не только большого технического мастерства, но и работа, за которой чувствуется моральная сила»,— так я писал почти пятнадцать лет тому назад о подвиге Грековых.

То же самое повторяю теперь. Только требуется внести малоприятное уточнение: подвиг продолжается, а параллельно развивается некрасивая история, которая, можно сказать, обволакивает подвиг, стремится его уничтожить.

После первых побед Грековых, когда всем стало ясно, что их терпение, труд, талант возрождают, казалось бы, погибшие шедевры, возникла идея отстроить вновь и сам храм Спаса-на-Ковалеве. И естественно, вернуть фрески на их «штатное» место.

За долгие годы подвижнического труда Грековы убедились в том, что собранные из микроскопических частиц, скрепленные специальным составом и смонтированные на титановых щитах композиции нуждаются в особо бережном хранении в помещении со строгим температурно-влажностным режимом.

Считаю необходимым еще раз напомнить про исключительную культурную и художественную ценность ковалевских фресок. Роспись была завершена за месяц до Куликовской битвы, и «военная тематика» доминирует в композициях. Гениальные древнерусские художники сумели передать всенародный дух высокого патриотизма, владевший в то время русскими людьми.

Особенное значение имеет и то, что в создании фресок вместе с русскими художниками принимали участие и сербские мастера.

За восстановление Ковалевского храма взялся новгородский архитектор Л. Е. Красноречьев. Человек одаренный, работоспособный, он известен в Новгороде своими работами, особенно в области реставрации памятников деревянного зодчества.

Однако излишняя торопливость и самоуверенность в работе на Ковалевском холме сыграли с ним злую шутку.

Применение в возводимой зимой постройке раствора с большими добавками цемента сделало здание сырым, как бы тянущим в себя влагу из окружающей местности.

Попросту говоря, при восстановлении Ковалевского храма был допущен большой брак. И каждому здравомыслящему человеку ясно, что ни о каком музейном экспонировании (а тем более драгоценных фресок) в этом сыром здании и речи быть не может.

И несмотря на это, в Новгороде уже много лет добиваются того, чтобы фрески были установлены именно в Ковалевском храме.

Странно, но «идею» о возвращении фресок в Ковалево деятельно поддерживает директор новгородского музея Л. И. Ярош, а также руководители ВО «Союзреставрация» — Всесоюзного объединения, занимающегося реставрационными работами,— В. И. Антонов и И. М. Гудков.

Очевидно, здесь мы имеем дело с административным упрямством и самыми мелкими чувствами по отношению к заслуженной широкой известности, которой пользуются А. П. и В. Б. Грековы.

Министерство культуры СССР, его научно-методический совет неоднократно разъясняли, указывали, приказывали хозяйственникам и администраторам в Москве, в Новгороде, как надо обращаться с драгоценными фресками, подчеркивали, что категорически нельзя экспериментировать с ними, пытаясь всеми правдами и неправдами водворить шедевры древнерусской живописи в сырое, неприспособленное помещение.

Но три фрагмента фресок уже помещены в Ковалевскую церковь. Грековым под любыми предлогами запрещено монтировать подобранные композиции. В результате на сегодняшний день подобрано 170 квадратных метров фресок, а смонтировано лишь десять.

Особенно печально говорить про эту историю, которая происходит в Новгороде, поскольку есть немало примеров того, как внимательно, заинтересованно, чутко реагируют и областная партийная организация и местные Советы на все проблемы археологов, реставраторов, хранителей многочисленных сокровищ Новгорода.

Убежден, что при сложившихся обстоятельствах разрешение этой проблемы может быть осуществлено лишь одним способом. Видимо, настало время для того, чтобы срочным специальным решением Министерства культуры СССР фрески, всю мастерскую, самих художников немедленно перевести в Москву.

Музей имени Андрея Рублева давно предлагает эту меру и гарантирует наилучшие условия для хранения фресок и для работы Грековых. Слишком опасными становятся безответственные действия, опасными для жизни фресок и просто для жизни Грековых, немолодых людей, которым уже не хватает сил бороться за дело, которому они отдали столько лет.

За эти и подобные действия несут ответственность не безымянные «массы», а вполне конкретные «деятели»!

Об опыте противоположного, позитивного характера могут немало интересного рассказать товарищи из Прибалтики. Там во многих местах все партийные, советские, хозяйственные руководители в обязательном порядке проходят курсы изучения истории родной республики, ее культуры, основ музейного дела. И результаты исключительно плодотворны.

Очень добрый, эталонный, я бы сказал, пример самого внимательного отношения к памятникам культуры со стороны областной партийной организации мы видим в Пензенской области. Здесь действительно происходит настоящий музейный ренессанс. Многочисленные мемориалы, музеи, памятники там и оберегаются и работают с самым высоким коэффициентом полезного действия. Постоянно открываются новые музеи и мемориалы, реставрируются и возрождаются старые усадьбы, где жили и бывали люди, оставившие славный след в истории Отечества. И отдача этой работы велика, не только, замечу, нравственная, но и хозяйственная отдача.

Хорошие примеры есть. Но сегодня остаются еще и веские основания для большого беспокойства.

Пусть как сигнал тревоги, как набат нашей совести, как призыв к немедленным спасательным операциям прозвучат имена некоторых великих памятников, взывающих о помощи и спасении:

Остров Валаам в Карельской АССР.

Могила героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби в Москве.

Склеп Деметры в Керчи.

Усадьба Д. И. Менделеева Боблово в Подмосковье.

Даниловский монастырь в Москве...

Память истории народа и все, что ее олицетворяет, священны. И это не просто высокие слова, это ориентир в практических действиях.

Беседу вел М. БАРИНОВ.

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Последняя акция Лоренца

В вузе серебро ее школьной медали потускнело. Сказалась нехватка общей культуры. Инна быстро поняла это и, помня пословицу, которую любила повторять мать: «Станешь лениться, будешь с сумой возиться»,— принялась усердно наверстывать то, что упустила из-за многолетней работы на дому. На вязальную машину она теперь и глядеть без злости не могла.

— Хватит,— заявила она Павле Игнатьевне.— От твоей работы сдохнуть можно. И бедным не будешь и богатым не станешь. Вяжи одна, мне учиться надо. Наши девчонки и в театры ходят, и книги читают, и языки изучают. Таких и распределят по хорошим местам. А я что?

Инне не хотелось быть последней.

Внешне она была очень хороша. Темные, немного печальные глаза придавали ее красивому, с тонкими, правильными чертами лицу вид строгий и сосредоточенный. «Такая внешность не должна быть обманчивой»,— сказала себе Инна. Она стала ежедневно засиживаться допоздна в институтской библиотеке. Штудировала учебники, начитывала деловито художественную литературу. Преподаватели видели ее серьезность и нередко прощали студентке Локтевой некоторые промахи или неточности в ответах. Первой Инна не стала, но и последней не была.

Редакторский факультет полиграфического института перевели на Моховую — он был реорганизован в редакторско-издательское отделение нового факультета журналистики Московского университета. Так неожиданно для себя Инна оказалась студенткой знаменитого МГУ. «Вон какая девка растет у Павлы!» — уважительно говорили соседи.

Кто-то заметил, что новая среда не столько изменяет характер, сколько закрепляет уже сложившиеся его черты. Главной чертой Инны Локтевой была скрытность, хорошо, впрочем, замаскированная внешней общительностью. Скажи кто-нибудь тогда ее однокурсникам, что среди них обитает человек с твердыми асоциальными взглядами на жизнь, они бы вспошлились: «Быть того не может». Между тем так оно и было.

Детская привычка съедать свой кусок хлеба тайком переросла в общую убежденность: никогда ни с кем и ничем не делиться, особенно мыслями. То, что происходило, свершалось в огромной стране за старыми университетскими стенами, Инну вообще не интересовало. Из всех событий студенческой жизни она выделяла, запоминала, принимала к сведению лишь те, которые в той или иной степени подкрепляли ее взгляды.

Жора Измайлов считался на факультете личностью яркой. Красивый, начитанный, компанейский парень, он очень нравился девушкам. На Инну обаяние Жоры никакого действия не оказывало, но то, что он остановил свое внимание на ней, льстило ее самолюбию. Жора был настойчив и достаточно опытен — Инна уступила. Но вовсе не из-за того, что не устояла перед соблазном, а просто потому, что решила испытать ту самую любовь, о которой столько говорят и пишут.

Кратковременная связь с Жорой не дала ей ничего, кроме чувства досады. В ней не пробудилась даже естественная чувственность. Первый неудачный опыт надолго определил холодность Инны по отношению даже к тем мужчинам, которые ей нравились.

Преддипломную практику Инна проходила в академическом «Вестнике». Назначение поначалу ей не понравилось. Инна рассчитывала попасть в центральное издательство или популярный «толстый» журнал, а тут — сухая наука, специальная терминология. Однако солидность «Вестника», уважаемые имена авторов и членов редколлегии делали Инну как бы причастной к большой науке, хотя ее роль сводилась к скромному знакомству с практикой корректорской и редакторской работы.

По распределению Инна попала в тот же «Вестник». Здесь ее уже знали как аккуратного, исполнительного молодого специалиста, а потому приняли тепло и дружелюбно.

Локтеву включили в группу по обработке и рецензированию иностранной научной периодики. Это было нелегким делом — сказывалось недостаточное знание английского языка. Пришлось самостоятельно учиться работать со словарем, всяческими пособиями. Когда заедало и словари не спасали, Инна обращалась за помощью к руководительнице группы Юлии Николаевне Ларионовой, опытному редактору, которая знала английский и весьма прилично французский. Юлия Николаевна охотно помогала Инне, но однажды решительно сказала:

— Милочка, так вы далеко не уедете. Вы умная, серьезная девушка. Наши авторы относятся к вам внимательно. Пожалуйста, не разочаровывайте их. Язык для вас — все! Хотите, я устрою вас на курсы усовершенствования? Попасть туда трудно, но, слава богу, директриса моя приятельница.

— Я бы не знала, как и благодарить вас, Юлия Николаевна.

— Не стоит благодарности, милочка. Это для дела. Не вам первой предлагаю, не идут мои дуры. У одной ребенок, другая с больной матерью возится, третья боится, что муж по вечерам загуливать начнет. Если не хочешь чего-нибудь делать, причины всегда найдутся.— После небольшой паузы Юлия Николаевна продолжала: — Если хотите, можете пользоваться моей домашней библиотекой. Я живу одна. У меня порядочно книг на английском. Это от мужа. Во время войны он работал в Штатах, занимался там приемкой разной техники. А потом он оставил меня и... большую часть своих книг.

Через неделю Инна уже занималась на курсах.

В редакции «Вестника» каждый день было много посетителей, и случайных и постоянных. Заходили и маститые ученые с мировыми именами и совсем молодые — будущие гении, как называла их вполне серьезно, без тени иронии Юлия Николаевна. Некоторые из молодых явно обращали внимание на интересную помощницу Ларионовой. Это льстило Инне, но, памятуя то, что произошло у нее с Жорой Измайловым, она вела себя сдержанно, даже строго.

Когда будущий гений, а пока что катээн (сиречь кандидат технических наук) Игорь Котельников, краснея и запинаясь, предложил как-то Инне пойти с ним в театр, Инна отказалась. Точно так же отклонила она и второе и третье приглашение.

— Впервые вижу такую упрямую девицу,— удивлялась Юлия Николаевна, которая теперь относилась к Инне не как к подчиненной, а скорее как к младшей приятельнице.

Под настроение Инна рассказала Юлии Николаевне, не вдаваясь в подробности, что в университете у нее было нечто вроде любви и что ничего хорошего из этого не вышло.

— Ну и что?— возразила ей Ларионова.— Не вижу никаких оснований для того, чтобы из-за одной неудачи заточать себя в монастырь. Лично я разобрала что к чему только со своим третьим возлюбленным...

Юлия Николаевна была женщиной умной, в житейских делах цепкой, хорошо образованной, воспитанной и внешне эффектной. Еще студенткой она без особой любви вышла замуж за майора, военного инженера. В финскую войну майор был тяжело ранен, поэтому, когда началась война Отечественная, его на фронт не пустили, но, учтя высокую квалификацию, направили в США, где он и проработал несколько лет по приемке военной техники для Красной Армии по ленд-лизу.

После возвращения в Москву он быстро понял, что жена ему изменяет. Ее связи не были тайной и для их общих знакомых. Майор, впрочем, уже ставший полковником, решил поступить как мужчина: квартиру и все, что в ней было, он оставил Юлии, взял только свои личные вещи и техническую литературу. Года через два после развода он женился вторично на вдове своего товарища, погибшего на фронте, и был с нею, по слухам, вполне счастлив.

Так довольно неожиданно для себя Юлия Николаевна стала единственной обитательницей уютной, хорошо обставленной квартиры на Гоголевском бульваре. Первое время она еще надеялась, будучи уверенной во всемогуществе своих женских чар, что бывший муж все простит и вернется. Но время шло, а он и не помышлял о возвращении. Не пожелал лишить Юлию Николаевну свободы и ее любовник, связь с которым оказалась той последней каплей, что переполнила чашу терпения мужа. Мужчины после войны стали привередливы, и выйти замуж при конкуренции подросших молодых девушек ей, со сложившейся репутацией опытной женщины, оказалось невозможно; несколько предложений, сделанных случайными знакомыми, настолько явно отдавали заинтересованностью в жилплощади, что Юлия Николаевна вынуждена была их по справедливости решительно отвергнуть.

Тогда Ларионова решила жить по принципу: «Бери от жизни то, что можешь».

Ученые, печатавшиеся в «Вестнике», оказывали Юлии Николаевне знаки внимания. Да и как не быть расположенным к интересной женщине, которая охотно переведет с листа статью в английском журнале, поможет советом, тактично подправит шероховатости в материале. Платить за это интеллигентной, красивой даме неудобно. Иное дело — подарки. Она принимала их охотно, но в то же

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—28.

время деликатно, не ставя дарителей в неловкое положение.

Людей, ей особенно приятных или нужных, она приглашала в гости, окружала той умелой интимностью, устоять против которой мог далеко не каждый. Небольшое общество, две-три пары, собиралось в ее доме довольно часто. У Юлии Николаевны был отличный американский проигрыватель с большой коллекцией пластинок и даже — редкость в тогдашней Москве — американский телевизор марки «Виктор», переделанный для приема советских передач, с непривычно большим экраном. Запасы съестного, коньяков и вин пополняли, естественно, сами гости.

Юлия Николаевна по-своему привязалась к Инне, однако по отношению к девушке у нее были и некоторые собственные планы. Дело в том, что Инна Локтева очень понравилась единственному человеку, к которому Юлия Николаевна испытывала родственные чувства,— ее двоюродному брату Михаилу Семеновичу Корицкому. В свое время именно Корицкий, когда Юлия после развода оказалась в стесненных материальных обстоятельствах, устроил ее на работу в «Вестник».

Михаил Семенович иногда заходил к сестре в редакцию, как-то мимоходом был представлен Инне, но не вызвал у нее тогда никакого интереса. Более того, барственный вид Михаила Семеновича, его подчеркнутая элегантность ей не понравились. «Типичная тыловая крыса»,— про себя приложила она к нему привычное с военного детства определение. Каково же было удивление Инны, когда она узнала от Юлии, что Михаил Семенович в начале войны со студенческой скамьи ушел добровольцем на фронт, в зимних боях под Москвой был ранен, после излечения комиссован. Работал впоследствии в научно-исследовательском институте, защитил кандидатскую диссертацию. По словам Юлии, в броне знаменитых танков Т-34 была доля труда и ее брата.

Будучи как-то приглашенной к Юлии и встретив там Корицкого, Инна взглянула на него уже другими, более заинтересованными глазами. О том, что эта встреча в квартире подруги вовсе не случайна, а заранее спланирована, она тогда и не догадывалась.

За кофе разговор зашел об искусстве. И тут обнаружилось, что металлург Корицкий знает литературу, искусство и архитектуру итальянского Возрождения куда лучше Инны, как-никак, окончившей гуманитарный факультет Московского университета.

Юлия Николаевна, чрезвычайно довольная замешательством подруги, пояснила с улыбкой:

— Не удивляйся, милочка. Ты еще не знаешь всех талантов Михаила. Он, к примеру, недурно музицирует. Его мама, моя тетя, была пианисткой. Не веришь? Миша!— обратилась она к брату.— Поиграй!

Михаил Семенович не стал отнекиваться, сел к пианино и уверенно сыграл вначале «Танец Анитры» Грига, а затем рапсодию Листа. Закончил неожиданно — виртуозной и своеобразной интерпретацией марша из «Веселых ребят».

До сих пор музыка не играла в жизни Инны решительно никакой роли. Музыкальные передачи по радио она слушала между делом, как в парикмахерской. Студенческие походы в Большой театр вкуса к музыке ей не привили, оживление вызывала только сама театральная обстановка, пышность зрелища. В консерватории — рукой подать от университета!— она была за пять лет не более трех раз. Таким образом, Корицкий оказался первым «живым» исполнителем, которого она увидела и услышала вблизи. Хорошо он играл с профессиональной точки зрения или нет, Инна определить не могла, но престиж Корицкого в ее глазах возрос еще больше.

Закрыв крышку пианино, Михаил Семенович заспешил к себе в институт: ему еще нужно было закончить подготовку к завтрашнему заседанию ученого совета. На самом же деле он, по предварительной договоренности, освобождал сестре арену для дальнейших действий.

— Вот уж не знала, что Михаил Семенович — такой интересный человек! —задумчиво произнесла Инна, когда Корицкий ушел.

— И очень неудачливый в личной жизни,— добавила Юлия.— В свое время поддался уговорам родителей и женился на дочери одного их старого друга. У них девочка шести лет. Внешне между ним и Лерой все хорошо, но она изменяет ему с каким-то артистом. Тот заваливает ее дорогими вещами, а она приносит их домой и уверяет, что достала по случаю. Михаил, конечно, все понимает, но из-за дочки не хочет разрушать семью. Да и развод сейчас, ты знаешь, практически невозможен...

Инна прониклась самым искренним сочувствием к Корицкому. Она и не подозревала, что вся история с модным тенором, любовником жены Михаила Семеновича, от начала и до конца выдумана Юлией, чтобы заранее освободить Инну от возможных угрызений совести. То есть любовники у жены ее брата действительно были, но он не разводился с нею отнюдь не из-за родительской любви к дочери или сложности тогдашней процедуры развода. У Валерии Сергеевны Корицкой было в руках гораздо более верное и действенное средство держать мужа в руках. Но Инне об этом знать не следовало.

Через две недели Инна снова встретилась с Михаилом Семеновичем в доме приятельницы. После ужина Юлия Николаевна под благовидным предлогом оставила их наедине.

Ни раньше, ни тем более теперь Инна не привыкла жалеть о своих поступках. Что сделано, то сделано. Она любила. Была любима, следовательно, счастлива. Юлия Николаевна напрасно рассказывала ей выдуманную историю о связи Валерии Сергеевны с мифическим артистом — наличие у Михаила семьи уже все равно не остановило бы Инну. Жертвовать своим счастьем из-за чьего-то семейного благополучия она не стала бы никогда.

Теперь Юлию беспокоило уже другое: сводя брата с подругой, она никак не полагала, что обоих охватит столь сильное чувство. Она намечала для них обычную связь, никого ни к чему не обязывавшую, а тут вдруг вспыхнула никак не запланированная страсть. Юлия опасалась, как бы Михаил не наделал глупостей, могущих иметь непоправимые последствия,— она-то знала, какое оружие может пустить в ход Валерия Сергеевна, если почует, что ее семейному спокойствию и материальному благополучию грозит реальная опасность. Тревога Юлии еще более усилилась, когда Инна с дрожью в голосе призналась, что ждет ребенка. Стараясь сохранить как можно более безмятежный вид, Ларионова очень натурально удивилась:

— Что значит — ждешь ребенка? Мы с тобой живем в цивилизованное время, когда детей рожают по плану, а не с бухты-барахты. Разве тебе можно сейчас иметь ребенка?

— Но что же делать? Аборты запрещены...

— Положись на меня, милочка, и не волнуйся. Михаил знает?

— Нет... Боюсь ему говорить.

— И правильно. Вовсе не обязательно посвящать мужчин во все наши женские неприятности. Если бы мой муж знал обо всех моих беременностях, то на Гоголевском сейчас был бы целый детский сад.

Высказавшись столь откровенно, Юлия, однако, умолчала, что к этому детскому саду ее бывший супруг почти никакого отношения не имел бы. Деловито закончила:

— У меня есть приятельница. Человек вполне надежный и в своем деле первоклассный специалист. Все будет сделано лучше, чем в клинике.

Осложнившиеся отношения с Инной испугали Михаила Семеновича. Особенно после того, как его связь с Инной Локтевой перестала быть секретом для сотрудниц «Вестника», которые бурно отреагировали на поведение молодой сотрудницы, ее наставницы и самого Корицкого.

Порвать с Инной он был не в состоянии, но и не хотел рисковать своей карьерой, положением растущего ученого и администратора. Вдвоем с Юлией они обсудили сложившуюся ситуацию и нашли выход из нее.

В ту пору шла реорганизация научно-технических обществ. Михаил Семенович имел к этому непосредственное отношение и был даже избран в состав правления НТО своей отрасли. При каждом почти НТО создавался журнал, и Корицкий устроил так, что Юлию Николаевну пригласили в «его» журнал на должность заместителя главного редактора, а Инну — редактором отдела. Этим ходом были убиты одновременно два зайца: обе женщины упрочили свое положение и деликатно, по просьбе НТО, оставили «Вестник».

Новая должность обязывала Инну хотя бы элементарно разбираться в вопросах металлургии. На помощь ей пришел Михаил Семенович. Он не только просвещал ее в проблемах производства чугуна, стали и сплавов, но и писал за нее, при ее, конечно, участии, небольшие обзорные статьи. Как ни странно, Инна проявила искреннюю заинтересованность в предмете. Способная ученица, она по-журналистски сноровисто схватывала суть дела, штудируя добросовестно специальные учебники и справочники.

Сам способный человек, Корицкий с восхищением наблюдал, как быстро его ученица овладевает дотоле абсолютно чуждым ей предметом. Но безмятежности и покоя в отношениях интимных между Инной и Михаилом Семеновичем уже не было. Она нервничала, раздражалась по любому поводу, несколько раз даже предлагала ему оставить ее, если уж он не в силах расстаться с семьей. Как многие слабохарактерные, в сущности, люди, Корицкий не мог решиться на определенный шаг, умолял Инну сохранять спокойствие, обещал ей, что со временем все уладится.

— Что уладится?— нервно спрашивала она.— Как?

— Пока не знаю. Но, может быть...

— Ничего не может быть! Ты обыкновенный трус! Давно уже мог бы подать на развод. Что тебя связывает с Валерией, если она изменяет тебе? Дочь? Не верю! Ты от меня что-то скрываешь!

Высказав последнюю фразу, Инна и не подозревала, как близко она подошла к истине.

Глубоко встревоженная, в дело вмешалась Юлия Николаевна. Зная прекрасно, что воздействовать на брата бесполезно, она решила серьезно переговорить с подругой и предложить ей новый, но уже достаточно хорошо продуманный план.

— Ты, милочка, к сожалению, еще плохо знаешь жизнь,— так начала она доверительный разговор с Инной.— Ну подумай сама, что в наш век важнее: любовь, почти открытая связь с женатым мужчиной или положение замужней женщины? Неужели не ясно, что связь замужней женщины с женатым мужчиной куда меньше чревата последствиями, чем те отношения, которые сложились сейчас у вас с Мишей? Ты, конечно, скажешь, что не сможешь полюбить другого, что жить с нелюбимым аморально и тому подобное. А жить с любимым, но женатым — морально?

Инна растерялась. Такого поворота она не ожидала. Между тем Юлия Николаевна продолжала энергично наступать:

— Я говорю с тобой как старшая подруга, у которой опыта в этих делах немножечко больше, чем у тебя. Прислушайся к моим словам. Ты умна, рассудительна, трудолюбива, настойчива. Добавлю, кстати, экономна и хозяйственна. К тому же красива. К этим твоим качествам нужно добавить еще одно, без которого в наше время не прожить,— расчет. Нет, не тот мелочный, обывательский расчет, который мы с тобой обе презираем, а расчет стратегический, на длительный период жизни. Лично мне, к сожалению, не удалось этого сделать — у моего мужа воля оказалась крепче моей. Но тебе, свободной от моих ошибок, нужно запрограммировать свою жизнь по крайней мере на несколько лет вперед.

— Программировать... Слово-то какое...— грустно сказала Инна.

— Так вот,— продолжала Юлия Николаевна после минутной паузы.— Тебе нужно, э-э... спланировать свою жизнь хотя бы на пять лет. Ты сейчас находишься в ложном положении. Миша тоже. В ложном и сложном. Очень.

— Что же делать?— с какой-то обреченностью в голосе спросила Инна.

— То, что делали и делают миллионы женщин,— выйти замуж. Этот очкарик Котельников — милый и добрый парень. Он в тебя давно влюблен. Стоит тебе ему улыбнуться — и он побежит за тобой на край света. Любовь у тебя есть, а положения в обществе нет. Выходи за Игоря Алексеевича, у тебя появится

и положение в обществе и ровно столько денег, чтобы не замечать их. И не мучайся угрызениями совести,— наступала Юлия Николаевна.— Ты перед Игорем Алексеевичем в долгу не останешься. Он человек талантливый, но ему нужно помочь сделать карьеру в науке. Знаешь, одна моя приятельница, выходя замуж за майора, сказала, что сделает из него генерала. И, представь себе, сделала!

Инна недоверчиво улыбнулась:

— Как же ей это удалось?

— Надо уметь. Ищи женщину, как говорят французы.— Юлия довольно рассмеялась. Она ожидала, что Инна возмутится, прекратит неприятный разговор, может быть, хлопнет дверью. Раз этого не произошло, можно было продолжать натиск.

— Да-да! И не смотри на меня такими квадратными глазами. Умная женщина может все. Котельников талантлив, но не честолюбив. Твоя воля и настойчивость заменят ему недостающие для настоящей карьеры черты характера. Нужно только, чтобы он никогда не догадался, почему ты вышла за него замуж. Но для такой умной женщины, как ты, это не проблема... Миша же молчать умеет, он тебя не подведет.

Инна слушала, не перебивая. Момент для отказа от разговора был упущен. Теперь она не только позволила себя уговаривать, но подсознательно готовила самооправдание тому, что поддается настойчивому и умному уговору. Она уже не видела ничего циничного в том плане, который предложила Юлия. Выйти замуж за нелюбимого? Зато Игорь действительно любит ее. Она может сделать его счастливым, помочь ему в жизни. Кто ее за это упрекнет?

Юлия уже почти отбросила деликатность. Она чувствовала интуитивно и видела по выражению лица Инны, что ее замысел принят, и теперь откровенно наставляла приятельницу житейской мудрости.

— Мало увлечь мужчину, его надо постоянно чем-то поражать, иначе быстро надоешь. И второй совет... Как говорит один мой приятель, дома не кради, на работе не гуляй и поддерживай хорошие отношения с профсоюзной организацией.

Инна уже улыбалась — ну и бес эта Юлия! А та продолжала с воодушевлением:

— Да-да! Последнее очень важно. Кстати, тебе не помешает немножечко больше быть на виду у нашей общественности, а то тебя в этом плане не заметно. Взялась бы ты, что ли, театральные билеты распространять. Я тебе помогу организовать это дело.

Прощаясь с подругой, Юлия Николаевна сказала в напутствие:

— Однако не будь откровенно честолюбива — это только раздражает других. Честолюбивы все люди, одни больше, другие меньше. Но надо уметь не выказывать этого... А Михаил, он никуда не денется. И помни, тем крепче он будет к тебе привязан, чем меньше ты будешь его компрометировать. В этом плане твое замужество как нельзя кстати.

...Через месяц Инна Александровна Локтева стала женой Игоря Алексеевича Котельникова.

ГЛАВА 10

Прошло два года. Котельниковы жили вполне благополучно. Даже самые любознательные соседи не нашли бы в их отношениях чего-либо заслуживающего внимания дворовой общественности. Правда, ни Инна Александровна, ни Игорь Алексеевич ни с кем в доме на Беговой близких отношений не поддерживали.

Игорь оказался именно таким мужем, каким и предсказывала Юлия Николаевна: любящим, внимательным и даже, к немалому удивлению Инны, хорошим хозяином. Во всяком случае, ей никогда не приходилось вызывать ни электрика, ни слесаря, чтобы привести в порядок подтекающий кран. Игорь прекрасно умел все делать сам. Он был настоящий эрудит и мог без подготовки дать жене консультацию по любому техническому вопросу, который возникал у нее на работе. Котельников не болел футболом, не увлекался рыбалкой, терпеть не мог преферанса и никогда не пил больше двух рюмок за праздничным столом.

Всем видам так называемого культурного досуга предпочитал чтение (в доме была прекрасная библиотека, которую Игорь собирал с детских лет). Изредка они посещали театры. В то же время Котельников вовсе не был замкнутым домоседом — охотно ходил с женой в гости и столь же охотно принимал у себя.

То, чего Инна опасалась больше всего — супружеской близости,— оказалось делом не таким уж страшным. К этим своим обязанностям она быстро привыкла относиться с полным внутренним безразличием.

Родители Игоря, преподаватели технического вуза, интеллигентные и душевные люди, видели больше, чем сын, но в его семейную жизнь вмешиваться считали себя не вправе, тем более что Инна нравилась им своей практичностью, организованностью, любовью к порядку и чистоте. Единственное, чего они желали, чтобы невестка выказывала чуть больше тепла к их сыну. Но что поделаешь, если уж такой у нее сдержанный характер!

Первая сколько-нибудь серьезная размолвка между молодыми супругами возникла на втором году совместной жизни. Игорь Алексеевич хотел ребенка. В планы Инны это никак не входило, и она ответила категорическим отказом. Всегда покладистый Игорь вдруг оказался настойчивым. Они поссорились так крупно, что, потеряв контроль над собой, Инна даже решила вернуться к матери. Павла Игнатьевна встретила это решение в штыки и обругала неразумную дочь почем зря:

— Да знаешь ли ты, что есть мужняя жена, дура? Видать, не знаешь, вертихвостка! Да где ты найдешь такого второго мужика? Все при нем: умен, учен, учтив, обходителен, непьющий. В доме добытчик, живете — ни в чем не нуждаетесь. А если разведешься, кем будешь? Разведенкой!

В понимании Павлы Игнатьевны, не лишенном, впрочем, известной житейской наблюдательности, это было даже хуже, чем вдова.

— Каждый будет думать о тебе, как хочет. Опозорить решила меня на старости лет? Так и считай: он твой муж, а ты его жена. И тебя все уважают, кланяются тебе и плохого ничего не думают. В гости пришла, в передний угол сажают. А разведенку куда посадят? К дверям, в конце стола, да еще каждый пьяный мужик за зад тебя хватать будет. Одно слово, мужняя жена — человек, разведенная — и половины не стоит.

Отдышавшись от охватившего ее гнева, Павла Игнатьевна пустила в ход самый сильный, с ее точки зрения, аргумент:

— А на меня не надейся. Уйдешь от Игоря — от меня ничего не получишь. Так и запомни.

Инна вышла из родительского дома как побитая. Юлия Николаевна повторила ей то же, что уже сказала мать, только, разумеется, в иных выражениях. Сделала лишь одно существенное добавление:

— Милочка, вовсе не нужно по этому поводу ссориться с Игорем. Он хочет ребенка, ну и пусть хочет! Это ведь и от тебя зависит. Соглашайся с ним, а сама принимай соответствующие меры.

Инна вернулась к Котельникову.

Не став отцом и после двух лет супружества, Игорь Алексеевич замкнулся в себе, стал позднее приходить домой, больше работать в библиотеке. Инну по-прежнему ни в чем не подозревал, а после того как узнал от специалистов-врачей, что отсутствие детей в первые два-три года брака дело обычное, и вовсе успокоился. А между тем зря... Потому что обозленная на всех и вся Инна начала искать отдушины на стороне и находила их без особого труда. Так в ее жизни появились на какой-то период другие мужчины. С ними было куда проще, чем с Котельниковым,— они никак не напоминали о том, чем она пожертвовала, выйдя, а точнее, уйдя замуж: о любви...

Возможно, что дальнейшая судьба Инны Александровны в точности повторила бы схему личной жизни Юлии Николаевны, если бы... Если бы не возобновилась вдруг, и совсем в новом качестве, ее связь с Михаилом Семеновичем.

В жизни Корицкого эти три года без Инны были одни из самых скверных. Расставаясь с Инной, он не представлял в полной мере, кем она успела стать для него. Теперь только с ужасом понял, что потерял из-за своего малодушия. Жена третировала его без малейшего стеснения, жила так, словно его вовсе и не было в доме.

Однажды, собрав весь свой небогатый багаж мужества, он завел речь о разводе. Валерия прервала разговор в самом начале:

— Об этом и не думай. Сам знаешь, если бы не я, гнил бы давно в сырой земельке под Малоярославцем... Что тебе нужно? Живи и работай, работай и живи. Хотя бы ради дочери.

Михаил Семенович сник. Как сникал уже много раз, когда жена — прямо или косвенно — напоминала ему, чем он ей обязан.

...Семья Корицких была благополучной. Отец — профессор технического вуза, мать — пианистка средних способностей, по причине достаточной материальной обеспеченности бросившая работу концертмейстера в театральной студии. Семен Владимирович Корицкий хотя и вышел в профессора, но за всю свою жизнь не сделал ни одной достаточно значительной научной работы. Человек ученый, но не талантливый. К тому же болезненно самолюбивый.

Выдвигался профессор Корицкий всегда за счет того, что плыл на волне очередных «разоблачений» очередной «буржуазной лжетеории». В те годы на этом можно было сделать не только профессорскую карьеру. В сороковом году профессор Корицкий умер от разрыва сердца, так тогда в быту было принято называть инфаркт миокарда. В науке он так ничего и не совершил, но успел воспитать в определенном духе сына Михаила. Корицкий-младший в отличие от старшего был наделен природой богатыми способностями.

Михаил от рождения был окружен в семье атмосферой восхищения, вседозволенности и честолюбивых надежд на громкую карьеру. И вырос — талантливый эгоист, глубоко убежденный в своей исключительности. Вообще-то осознание собственной одаренности вовсе не обязательно ведет к эгоцентризму. Спасает скромность. Мало кто из великих не знал себе настоящую цену. Но оно, это осознание, непременно должно сопровождаться пониманием того, что хотя талант дается не каждому, но предназначен для всех! Кому много дано, с того много и спросится: народная мудрость четко определила обязанности наделенного природой щедрее других перед этими другими, перед обществом. Талант должен быть великодушен, иначе он опасен. Потому что непременно породит стремление утвердить свое превосходство.

Великодушие — категория нравственная, оно не передается по наследству и не падает с небес, подобно библейской манне. Оно воспитывается. Корицкий же старший успешно привил сыну качество прямо противоположное. Правда, у Михаила доставало ума надежно прятать свои честолюбивые помыслы от однокашников сначала в школе, а затем и в Бауманском училище. Не скромность, а осторожность примиряла его с окружающими предостерегающим: «Не заносись, этого не прощают!» В школе и в институте считали Михаила способным, но незаносчивым парнем.

Устраивали ли курсовой вечер, выпускали стенгазету, сколачивали турпоход, проводили подписку на заем — на все Миша Корицкий откликался первым. Он никогда не откручивался от поездки на картошку или участия в субботнике по очистке институтского двора. Быть со всеми, чтобы быть лидером,— такой девиз выбрал он тогда для себя и придерживался его во всем.

Когда разразилась война, Корицкий рассудил, что репутация тыловика постыдна для него, и в сентябре сорок первого года вместе с десятками однокурсников добровольно записался в народное ополчение.

Увы, в действительности война не имела ничего общего с его представлением о ней. Оказалось, что на войне не только получают ордена, но и гибнут. Оказалось также, что фашистские пули не делают различия между малограмотным рязанским колхозником и блестящим московским студентом. В сражении под Москвой Корицкий получил ранение в грудь, и это окончательно излечило его от иллюзий. Война была занятием не для него.

На излечение Михаил попал в Лефортово, в Главный военный госпиталь, совсем неподалеку от Новых домов на шоссе Энтузиастов, где он жил. Здесь его навещали кое-кто из соседей, не уехавших в эвакуацию, жалели, что нет в Москве матери — она выехала из города еще в октябре, а вернуться уже не смогла. Пропуска давали только по вызову серьезных учреждений и предприятий. В квартире Корицких по Центральному проезду временно поселилась семья ленинградского ученого, вывезенная из блокированного Ленинграда.

Однажды в палату Корицкого пришла новый лечащий врач, присела на соседнюю койку к раненому тоже в грудь сержанту. Михаил лежал с закрытыми глазами, но не спал. Голос врача показался ему знакомым. Он приподнял голову...

— Миша! — уронив на одеяло стетоскоп, на него изумленно взирала молодая красивая женщина в белом халате.

— Здравствуй, Лера! — Михаил улыбнулся вымученной, неловкой улыбкой.— Что ты тут делаешь?

— Ускоренный выпуск... Ребят послали на фронт, нас — в госпитали.

Корицкому повезло. Так он думал тогда. Со своей сверстницей Лерочкой Гамаюновой, студенткой-медичкой, Михаил познакомился последней предвоенной зимой на катке парка МВО, что прямо под окнами того госпиталя, где он сейчас лежал. Тогда между ними завязалась скоропалительная связь, которая ничего не значила для Корицкого, но очень многое — для Леры. Расстались они при обстоятельствах, выставлявших его не в самом лучшем свете. Теперь он поспешил загладить свою вину... Как только понял, что Лера по-прежнему его любит.

Корицкий сделал Лере предложение. Оно было принято.

— Жаль, недолгим будет наше счастье, Лерочка. Я уже подал рапорт, чтобы сразу после госпиталя — на фронт, в свою часть. Меня там ждут.— Жених жалко улыбнулся.

Лера вытерла слезы. Ее осенило: милый Миша, он стесняется просить ее помочь ему. А он такой — всегда первый. Сразу же после свадьбы рванется к своим, на передовую. А там... наверняка я останусь вдовой. Нет, только не это.

— После такого ранения в грудь в строй ты не вернешься,— решительно заявила ему Лера.

При выписке Михаила Семеновича из госпиталя военврач Валерия Сергеевна Гамаюнова все сделала для того, чтобы любимый ею Миша остался в тылу с репутацией заслуженного фронтовика, списанного «по чистой» ввиду тяжелого ранения.

Потом была скромная свадьба.

Спустя много лет, когда Корицкий уже тяготился жизнью с нелюбимой женщиной, он сделал попытку уйти из дому. Валерия Сергеевна, которая после схлынувшей с нее наивности молодости оказалась человеком жестким, осадила его решительно. Заявила, что не остановится перед полным разоблачением «патриота» и «героя» в глазах общественности. Корицкий испугался и сдался.

Первый период связи с Инной Локтевой был для Корицкого бунтом на коленях. Не сумев расстаться с женой, он не удержал и любовницу. Она вышла замуж.

Теперь Михаилу Семеновичу ничего не оставалось, как следовать совету-приказу Валерии Сергеевны — жить и работать. Преимущественно работать. Это он умел. Корицкий с блеском защитил докторскую диссертацию по сверхмощным магнитным сплавам. Его научный руководитель Сергей Аркадьевич Осокин и другие специалисты отметили на защите не только научный успех, но и большое народнохозяйственное значение работы соискателя.

Воодушевленный Михаил Семенович под наплывом чувств рискнул сделать то, на что не отваживался почти три года: позвонить Инне, чтобы с нею первой поделиться радостью. Услышав знакомый голос, Инна поняла, что ее трехлетнему пресному существованию пришел конец...

Продолжение следует.

М. Кугач. Род. 1939. ПОСЛЕ ВОЙНЫ. 1981.

Г. Сысолятин. Род. 1936. ПОД ЯРОСЛАВЛЕМ. 1981.

ВСТРЕЧА через 52 года

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

Признаться, очень волновалась перед встречей. Шутка ли, прошло 52 года, как виделась последний раз со своей учительницей Зоей Валериановной Барковской. Даже не спалось, все думалось, узнаем ли друг друга...

А предыстория встречи такова. Читаю «Огонек» (№ 9, 1982) и вдруг вижу фотографию выпускников трудовой школы-коммуны имени К. Либкнехта, моей школы и моего выпуска 1930 года. «Может, кто узнает себя,— спрашивала З. В. Барковская в письме,— и откликнется?»

Как же не откликнуться? Все годы поддерживаю я тесную связь не только с однокашниками, но и с другими выпускниками, встречаюсь, со многими переписываюсь.

И вот теперь, спустя более полувека, встреча в редакции. Конечно, сразу узнали друг друга. Тысяча «а помнишь» — о школе, друзьях, учителях.

Судьбы всех, а нас было шестьсот выпускников, пролегли через войну. Но в первую очередь я скажу о ребятах, которые остались в моей памяти такими же молодыми, как на снимке. Вот их фамилии: Коля Чернов, Ваня Бурачковский, Витя Рыков, Коля Макаров, Коля Волков, Вася Платов, Роман Поляков. Не вернулись наши мальчишки с фронтов Великой Отечественной.

Рассматриваем с Зоей Валериановной фотографию и снова чувствуем себя молодыми, как полвека назад.

— Это Мура Савченко, рано осталась сиротой, пришла в школу с сестренкой. Университет закончила, инженер-химик... Маша Семенюк работала зоотехником. У Зиночки Кондратьевой был прекрасный голос. Стала музыковедом. Все они живут в Ташкенте. Нина Чиннова — партийный работник в Новгороде, Илюша Подлипаев и сейчас преподает в Казахстане. Хотя Вани Погорельского и нет на фотографии, но не могу о нем не вспомнить. Он гордость нашей группы, историк, профессор Ленинградского университета. Девушка с длинными косами — это я. Как и многие мои одноклассники, рано осталась без матери, а в семье нас, детей, было семеро...

В то время рядом со многими, оставленными нам «в наследство» бедами жила еще одна, быть может, самая страшная — сиротство, беспризорность. Молодому государству нужно было не только прокормить, спасти от гибели бездомных мальчишек и девчонок, но и воспитать полезных обществу людей, хозяев новой жизни.

Именно для нас, детей, оставшихся без семьи и крова, правительство Туркестанской республики весной 1918 года открыло трудовую школу-коммуну. Ее разместили в здании бывшего Кауфманского детского приюта, недалеко от Ташкента. Не было ни учебников, ни школьных программ, ни ламп, ни керосина, ни одежды, но был оптимизм и творческий поиск наших учителей. Основой воспитания, конечно же, был труд. На своих полях мы растили хлопок, делали в столярке табуретки или стегали одеяла не для отметки в дневнике, а для продажи, для коммунарской кухни, стало быть, для самих себя. Хочется сказать доброе слово о любимых учителях — В. А. Чинновой, О. Я. Хоревой, К. А. Мартьяновой, Н. П. Архангельском, Е. В. Сазоновой. И в первую очередь о директоре школы Всеволоде Федоровиче Лубенцове. У него был особый подход к нам, коммунарам. Лубенцов требовал самостоятельности. Сдать или не сдать сад в аренду за сто пудов семенной картошки, поменять или нет износившуюся одежду — решали два школьных совета, производственный и хозяйственный. Строгий на вид был Лубенцов, а в душе добрый, чуткий. С нами, девчонками, про любовь беседы устраивал, да не просто так, а за чашкой чая, выделял на эти беседы доппаек.

В марте 1923 года «Правда» объявила конкурс на лучшего учителя городских, сельских школ и школ ФЗУ. Нашему директору была присуждена вторая премия. И еще. Всеволод Федорович без защиты диссертации получил степень кандидата наук и звание доцента. Заведовал кафедрой педагогики в Ташкентском университете. Его именем названа улица в Ташкенте.

Многие ученики «догнали» учителя. Вот на фотографии второй справа в первом ряду — Насурат Муратов, ставший доцентом кафедры философии Самаркандского университета. Помню, что из ребят только он, Насурат, выбрал педагогический уклон. (После семилетки мы обучались еще два года сельскохозяйственной или педагогической специальности.)

В сельское хозяйство из девочек пошли мы с Машей Семенюк и Валей Долгушиной. Вот никак не можем Валю разыскать. А я после института 35 лет проработала в Киргизии, перебрала, кажется, все специальности: начальник семенной лаборатории, старший агроном, директор МТС.

Валя Малкова, 1930 год.

З. В. Барковская, 1942 год.

Сами понимаете, мужчины все на фронте... Помню сорок третий год. Хлеба нет, дети плачут. Приходит заместитель председателя райисполкома Исмаил Курбатович Каракетов: «Как хлеба нет? У главного агронома, который ведает всеми поставками, и нет хлеба?» Принес две буханки. Встретились мы в Москве недавно и вспоминали эти две буханки со слезами на глазах.

...Хотя давно убелили седины наши головы, но и по сей день, если встречаемся, называем себя трудовиками. Первая встреча была в 1970 году в городе нашего детства Ташкенте. Среди выпускников — лауреат Ленинской премии академик Академии наук Узбекской ССР Я. Х. Туракулов, заслуженная учительница О. А. Добровольская, народный художник Узбекистана Абдулхак Абдуллаев, доктор химических наук Т. А. Кухаренко.

Наш «старожил» Сергей Сергеевич Опекин, он с первого дня в коммуне, вспоминал:

— В школе были дети разных национальностей, но все мы как родные. Крепко дружили мы втроем, татарин Ибрагимов, узбек Усманов и я, Опекин. Бегали купаться на арык, озоровали вместе, по садам чужим лазали... Очень уж я был, как сейчас говорят, неуправляемый, трудный. Но коммуна характер мой переработала. Участвовал в ликбезе. Потом институт в Ленинграде окончил и своих детей выучил.

Было такое правило у нас, трудовиков,— научился сам, научи другого. Я хорошо знала узбекский язык и учила писать ребятишек и женщин из селения Дурмень. В «азбучные» классы приходили семнадцатилетние, поэтому учителя и ученики часто были ровесниками.

...Разговорились мы с Зоей Валериановной, и вот ведь оказалось, что очень похожи наши судьбы. Может быть, потому, что обе были комсомолками двадцатых, потому что работали в самое трудное для страны время. Ликбез, коллективизация, выселение кулаков, баев, как их здесь называли.

— Однажды семь километров гнались за мной басмачи,— рассказала Зоя Валериановна.— Осталась жива благодаря хорошей лошади и тому, что ловко держалась в седле. Лошадь не раз выручала меня в войну, когда работала агрономом в Подмосковье.

Видите, и в военное время наши трудовые дороги одинаковы. Вдовья участь стороной не обошла, мужья погибли на фронте. Вырастили детей и внуков, довольны ими. Сейчас на пенсии, но дома не сидится. Видимо, такой уж у нас беспокойный характер, «трудовицкий». Рядом с орденами и медалями за прошлые заслуги лежат у нас с Зоей Валериановной полученные совсем недавно грамоты за общественную работу, озеленение двора, за участие в обществе Красного Креста. Еще одно совпадение, которое выяснилось при встрече,— живем мы по соседству.

Спасибо «Огоньку», что помог нам встретиться. Теперь дружим домами. Последние новости — собираемся в августе в Ташкент на очередную встречу коммунаров-трудовиков.

В. МАЛКОВА

Москва.

ДВА ПОЛЕТА В КОСМОС — ДВЕ ЦЕЛИ

Недавно весь мир был свидетелем выдающегося события в деле мирного освоения космоса — совместного полета советских и французского космонавтов на корабле «Союз Т-6». В эти же дни все мы были свидетелями другого космического эксперимента — запуска в военных целях американского корабля «Колумбия».

Со стороны Советского Союза, как мы видим, последовательно проводится курс на изучение и использование космического пространства исключительно с мирными намерениями. Конкретное подтверждение тому — длительная подготовка в СССР двух французских космонавтов и участие одного из них в совместной космической экспедиции.

Программа, которую выполнял экипаж, состоящий из космонавтов двух стран с различными общественными системами, не является предметом секрета или государственной тайны. Эта программа хорошо известна французской стороне. Как отмечает президент Франции Ф. Миттеран в своей приветственной телеграмме, в результате этого полета будет получен большой объем информации, ценной для международной научной общественности, что приведет медицину и биологию, материаловедение и астрономию к новым достижениям. В свою очередь, в сообщении ТАСС подчеркивается, что успешное завершение полета международного экипажа с участием французского космонавта является важным шагом в дальнейшем плодотворном сотрудничестве Советского Союза и Франции в мирном освоении космоса в интересах обеих стран.

Таковы цели и результаты совместной советско-французской космической экспедиции. Находившийся на борту космического корабля «Союз» гражданин Франции Жан-Лу Кретьен, получивший отныне звание Героя Советского Союза, видимо, еще расскажет широкой мировой общественности о тех проблемах, которые решает наша страна, осваивая космическое пространство. Он уже заявил, что этот полет помог его стране быстрыми темпами пройти этап по сбору научных данных, на который другим странам потребовались десятилетия.

Совершенно иной подход к проблемам освоения космоса у Соединенных Штатов, которые даже создали специальное космическое командование, чтобы расширить военные операции в этой сфере. Сам этот факт говорит о том, что Пентагон сильно потеснил гражданскую космическую программу и, как сообщает американская пресса, отныне будет играть первую скрипку в милитаризации космоса.

Дело явно идет к тому, что благодаря усилиям США гонка вооружений начинает распространяться на совершенно новые области — ее спирали уже тянутся в пространства космоса. На борту американского корабля «Колумбия» впервые был размещен военный груз, характер и назначение которого Пентагон тщательно скрывает.

В Советском Союзе обращают внимание на то обстоятельство, что демонстративный шаг США в деле милитаризации космоса сделан именно в то время, когда в Нью-Йорке проходила вторая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения. Это является открытым вызовом всем странам и народам, представители которых хотят принять по-настоящему эффективные меры по ограждению человечества от ядерной катастрофы. Стремление американской администрации подчинить военным целям космическое пространство выглядит также резким контрастом по отношению к обязательству СССР не применять первым ядерное оружие. Мало того, что Вашингтон, судя по всему, не собирается брать на себя такого обязательства, он намерен наращивать эскалацию ядерной угрозы.

Как считают в СССР, реальности сегодняшнего дня требуют принципиально иного подхода к вопросам войны и мира. Время не ждет, и, пока не поздно, наша страна призывает внять голосу разума и остановить безумную гонку вооружений, для которой США хотят открыть уже и космические просторы Вселенной.

В. КАТИН

ТВ

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Разрядка. Слово, с которым ассоциируется в представлении всех людей планеты очень многое: это и обоюдное, честное сотрудничество во всех областях человеческой деятельности, это и налаживание контактов среди людей различных политических взглядов и убеждений. Это верная дорога к миру и добрососедству. Миру, которого так недостает нашей Земле, испытавшей за свою долгую историю столько катаклизмов, горя и страданий. Так что же случилось с разрядкой теперь? Кто же виноват в том, что надежды народов на сотрудничество, понимание и договоренность не оправдываются? Об этом рассказывает только что вышедший на телевизионный экран документальный фильм «Тайная война против разрядки» (автор сценария Б. Баннов, режиссер Б. Горбачев).

Еще свежо в памяти народов знаменательное событие 1975 года, когда под сводами дворца «Финляндия» в Хельсинки представители 33 европейских стран, Соединенных Штатов и Канады подписали важный документ — Заключительный акт, который открыл путь от конфронтации к безопасности и сотрудничеству. Подписавшие Заключительный акт обязались расширять контакты между людьми, туризм, спортивные связи, обмен информацией, сотрудничество и обмены в области культуры, науки, образования.

Советский Союз честно выполнял взятые на себя обязательства. Леонид Ильич Брежнев сказал, выступая в Хельсинки, что очень важно провозгласить правильные и справедливые принципы отношений между государствами, сделать их законом международной жизни, преступить который не дано никому. Тогда многим казалось, что отныне мирное развитие Европы надежно обеспечено, пойдет по восходящей линии. Однако разрядка не входила в планы тех кругов, которые сочли себя проигравшими в Хельсинки.

На экране появляется огромный лохматый русский медведь. Полный злобы и остервенения, он набрасывается на испуганного западного обывателя. Примитивная антисоветская пропаганда западных злопыхателей. Они не сложили оружия, ждали своего часа. Под заезженный аккомпанемент о «советской военной угрозе» стали охаивать те принципы, которые были выработаны в Хельсинки. Пентагон, Белый дом и Капитолий, средства массовой информации и специальные службы — все ополчились против разрядки. Да, разрядка для них стала камнем преткновения в планах массированного наступления против социализма и национально-освободительного движения.

«Московская Олимпиада! Ату ее!» — завопили средства западной информации. «Объявим бойкот», — заявила администрация Картера. «Европа не поедет в Москву», — вторит Тэтчер. Однако не так-то легко оболгать нашу страну. Тысячи спортсменов, несмотря на запрет своих правительств, приехали в Москву, и встретил их не страшный медведь, а приветливый наш олимпийский Мишка.

Но противников разрядки не смутила неудача. В ход были пущены все средства для ухудшения добрососедских отношений. И в этом особенно преуспели шпионские службы Запада. Акты диверсий, провокаций и саботажа... Можно вспомнить нападение агентов секретных служб под видом работников таможни в вашингтонском аэропорту на советский авиалайнер ИЛ-62. И снова, просматривая кадры кинохроники, возвращаемся к тем дням, возмущаемся действиями провокаторов, гордимся мужеством и непреклонностью простых советских людей. Вслед за авторами фильма мы вступаем в резиденцию советского представительства при ООН. Озлобленные террористы из Лиги защиты евреев обстреляли жилые помещения представительства. Зияют дыры от пуль в креслах, где могли сидеть советские люди, на полу, где могли играть дети.

Поощряемые бездействием властей, террористы подкладывают взрывчатку под автомобили советских дипломатов, устраивают взрывы у входа в магазин, где торгуют советскими книгами.

Огромную разоблачительную силу несет та часть фильма, где рассказывается о засылке под видом туристов в нашу страну и страны социалистического содружества шпионов и провокаторов. Любопытны кадры, снятые скрытой камерой чехословацкими разведчиками. Задание западногерманской разведки (БНД) гражданам ФРГ Ульрике Аккерман и Герхарду Кюхен четко определено: передать контрабандные деньги «человеку из подполья», сообщить номера камер хранения на вокзале, где оставлена подрывная литература, дать адреса нужных людей. Волнуются участники тайной встречи, дрожат руки, передающие преступный товар. Видимо, чувствуют неминуемость возмездия. Вот здесь они оказались правы. Преступники были пойманы с поличным.

На экране — редакции радиостанций ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа». Яд клеветы на СССР и братские страны по радиоволнам испускают эти идеологические центры диверсий. Главная цель — шпионаж и провокации против социалистических стран. Интересные факты приводит польский разведчик Чехович. В польской редакции, например, ведется картотека на 60 тысяч руководителей ПОРП и государственного аппарата Польши, промышленных предприятий, транспорта, сельского хозяйства, деятелей науки, культуры, искусства, литературы, военачальников. Здесь картотека и на командный состав милиции, служителей церкви. Собирается все: сведения о личной жизни, друзьях и недругах, чертах характера.

Враги мира и прогресса не сложили оружия. Тайно и явно подтачивают фундамент разрядки, против которой они начали борьбу сразу же после подписания хельсинкских соглашений. Документальный фильм «Тайная война против разрядки» раскрывает всю подноготную возни противников улучшения отношений между государствами и народами, показывает преступные и подлые методы, используемые разведывательными службами империалистических государств против стран социализма.

В. ДУНАЕВ

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

НЕ ОТКЛАДЫВАЯ НА ЗАВТРА

Прошедший Пленум ЦК КПСС, как подчеркнул Леонид Ильич Брежнев, по своему значению можно сравнить с мартовским, 1965 года, где была определена долгосрочная программа развития сельского хозяйства страны. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева я обратил внимание на требование «поставить в центр наших забот» неотложные задачи, выдвигаемые Продовольственной программой. Сделать уже в этом году все зависящее от нас — так ориентируют колхозников правление и общественные организации нашего колхоза «Советская Белоруссия». И еще мы подчеркиваем важнейшую установку партии: нужно сделать все возможное, чтобы огромные средства, которые вкладывает государство в развитие сельского хозяйства, быстро окупились, дали максимальную отдачу.

Могу сказать, что в нашем колхозе такая политика, курс на интенсификацию и эффективность производства проводится давно. Успех ее определяется уровнем организации дела и воспитательной работы. Вот примеры. У нас 1340 коров, от каждой надаиваем сейчас в сутки в среднем по 15 с половиной килограммов молока, а передовые фермы — по 16 с половиной килограммов. За первое полугодие получим не менее двух тысяч килограммов от коровы. Все определяют два фактора — надежные запасы высококачественных кормов и постоянные кадры животноводов. Каждая вторая доярка работает у нас от 10 до 35 лет. В социалистическом соревновании тон задают Нина Алексеевна Шкутник, Анна Николаевна Лукашевич, Мария Сильвестровна Курочко.

У нас разработана эффективная оплата результатов труда животноводов. Она зависит от конечного результата. Например, дополнительная оплата полагается, если в год надоено не менее трех тысяч килограммов молока от коровы, причем только первого сорта. В противном случае дополнительной оплаты нет. Значит, потеряно от 500 до 1500 рублей в год. Добавлю, что итоги подводят раз в декаду на ферме, ежемесячно на заседании правления вместе с партийной, профсоюзной организациями в присутствии животноводов.

Таков же принцип оплаты труда механизаторов. И тут результаты налицо. В прошлом году на площади 300 гектаров собрано по 352 центнера картофеля на минеральных почвах. Опять же во многом потому, что механизатор стал хозяином поля, а конечная продукция — основной оценкой его труда.

Из поля зрения не выпадают социальные вопросы. Только в нынешнем году в поселке Новое Рясно у нас справили новоселья 26 семей, а до конца года справят семьдесят. Пятнадцать лет работает в колхозном Дворце культуры музыкальная школа; стало обычаем принимать в колхозе известные профессиональные театральные коллективы страны. У нас выступали артисты Большого театра, хора имени Пятницкого, ансамбля песни и пляски Черноморского флота...

Мы старательно изучаем передовой опыт. Особенно такой ценный, как опыт района Абаши в Грузии. На счетах колхоза постоянно не менее трех миллионов рублей. Мы не пользуемся ссудами, в лучшие годы рентабельность отраслей не ниже 60 процентов, а государство получает от нас в виде разных платежей 600—700 тысяч рублей в год. Останавливаюсь на этом потому, что знаю: немало у нас хозяйств, которые привыкли к иждивенчеству и считают государственный карман самым подходящим для себя источником существования. А ведь миллиарды рублей, которые вкладывает государство в сельское хозяйство, кому-то надо заработать! Не всюду это, к сожалению, правильно оценивают. Каждый год в село приезжают горожане, помогают убирать урожай, но далеко не всегда и не всюду их труд хорошо организован. А сколько потерь от бестолковщины, безответственности! Грешат этим и государственные организации. Назову «Сельхозхимию». Ведь многие колхозы отказываются от ее услуг. Уж очень они «химичат» — сплошь и рядом появляются поздно, уезжают рано, работают кое-как и служат дурным примером для колхозников да вдобавок еще нередко занимаются приписками. Правильно поставлен вопрос в докладе Леонида Ильича Брежнева: оценка деятельности организаций, связанных с сельским хозяйством, должна зависеть от итогов, а не от присутствия на полях или фермах.

Коль уж настроился на критику, скажу о технике. Вот получаем мы комбайны «Нива», «Колос», «Сибиряк». И порой наши механизаторы месяц, а то и два возятся с ними, пока не доведут их «до ума». Плохие у нас зерновые сеялки, картофелесажалки. А пора бы уж научиться делать хорошие. Ведь время не ждет. Откладывать на завтра, повторяю, нельзя ничего. Слишком важна задача, слишком велика наша общая ответственность перед народом.

В. БЕДУЛЯ,
председатель колхоза «Советская Белоруссия» Брестской области, Герой Социалистического Труда

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

НАХОДКА В ЗОЛЕ

В Алма-Ате, на улице Мориса Тореза, есть дом, к судьбе которого причастны сотрудники Казахского научно-исследовательского института промышленности строительных материалов. И дело не в том, что многие из них строили этот дом и стали его жильцами. Речь идет о причастности науки. Это связано с будущим одного из крупнейших индустриальных районов республики — Экибастузского угольного бассейна. На его долю приходится десятая часть угля, добываемого в стране.

От столицы Казахстана до Экибастуза далеко, считай, полреспублики надо пересечь с юга на север. И все же дом на улице Мориса Тореза в Алма-Ате как бы отражает проблемы, связанные с формированием в Прииртышье крупного топливно-энергетического комплекса.

Уголь Экибастуза обходится дешево. Его пласты залегают весьма близко к поверхности земли, что позволяет вести их разработку открытым способом. Но вот что плохо — в экибастузском угле очень много негорючих примесей. Перевозить такой уголь невыгодно. Потому-то и было решено построить каскад мощных тепловых электростанций в Экибастузе в непосредственной близости от угольных разрезов. Казалось бы, выход найден, но как быть с золой, выбрасываемой из топок? Дымящиеся отвалы меняют окружающий степной ландшафт не в лучшую сторону. Они уже сегодня тянутся безжизненными пепельными грядами на многие километры. Что же будет дальше?

Ученые Казахстана давно задумались над этой проблемой. Исследования показали, что из золы экибастузских углей можно получать глинозем для производства алюминия, цемента, шифера. Но это — дело будущего. А вот изготовлять из угольной золы добротный, надежный кирпич можно уже сейчас. Это обстоятельство и привело нас в Алма-Ату, на улицу Мориса Тореза. Новый пятиэтажный дом № 152/4 — высокий, ладный, кирпичной кладки. С фасада дом облицован красивой плиткой. А со двора отчетливо виден сероватый, пепельного оттенка кирпич. Нетрудно догадаться, почему жильцы (преимущественно сотрудники института «НИИпромстром») называют свой дом «Золушкой». Да, этот дом, в сущности, из золы!.. Сотрудники института разработали технологию изготовления зольного кирпича. Кстати, ради эксперимента и была оставлена необлицованной одна из стен, чтобы досконально выяснить, как поведет себя зольный кирпич в разное время года — под воздействием летнего зноя, осенних дождей, зимней стужи и снегопадов.

— И представьте,— говорит заместитель директора института, кандидат технических наук Куангали Куатбаевич Куатбаев,— эксперимент оправдал самые смелые ожидания! Вот уже третий год стоит наше первое здание из зольного кирпича, и никаких трещин, никаких отслоений. В доме тепло, сухо, жильцы довольны.

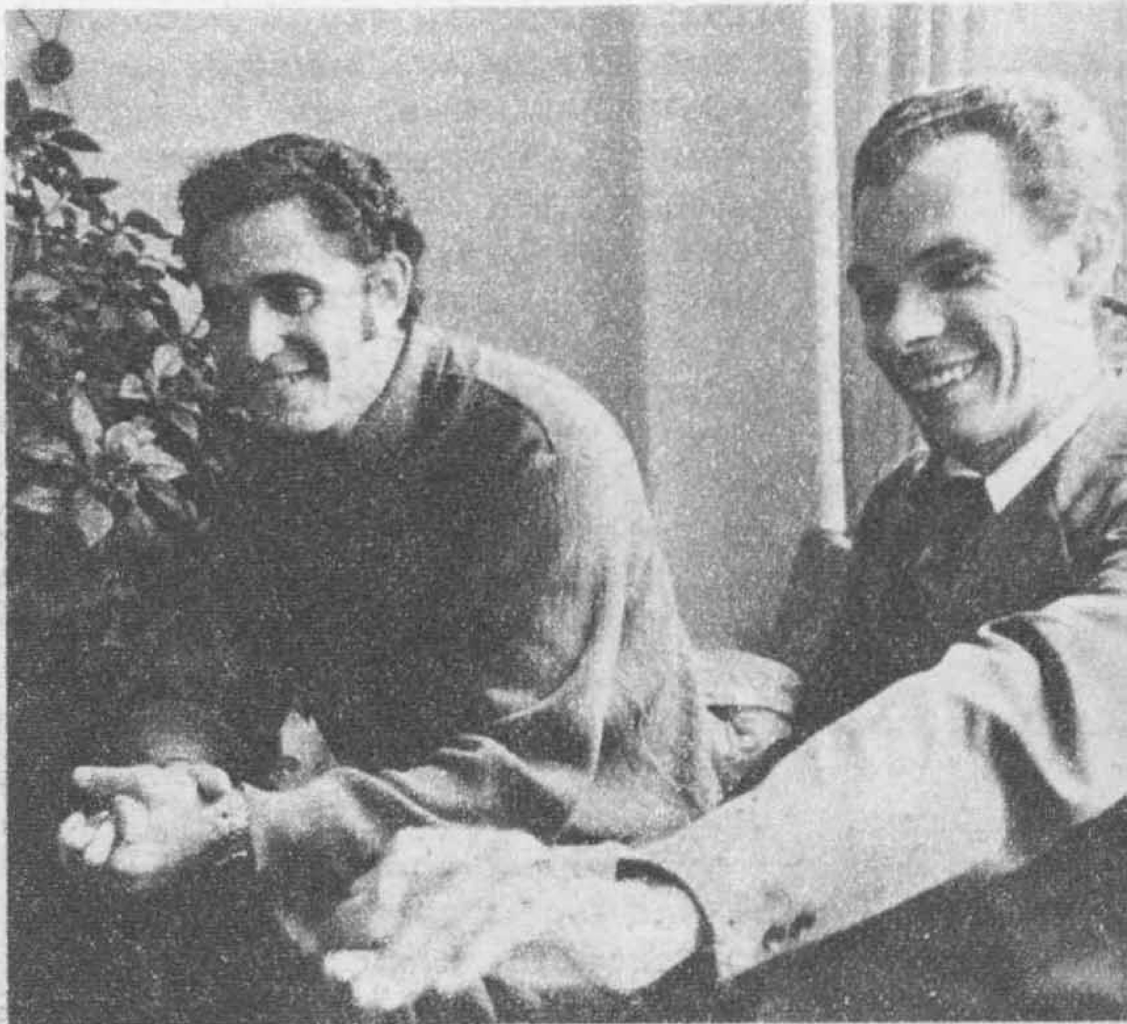
Зольный кирпич можно производить на любом существующем кирпичном заводе. Больше того, в нем содержатся несгоревшие зерна угля. Когда сырец начинают обжигать, они воспламеняются и выделяют дополнительное тепло. Таким образом, зольный кирпич имеет собственные тепловые ресурсы, на его изготовление требуется меньше топлива, повышается экономичность производства. Наконец, не всякая глина пригодна для изготовления морозостойкого кирпича. Это относится к глинам, распространенным на юге Казахстана и в Средней Азии. А вот сочетание их с угольной золой дает прочный кирпич.

Массовое использование золы для нужд народного хозяйства создаст благоприятные предпосылки для освобождения Экибастуза от горячих отвалов. Благодаря этому воздух станет чистым, не будет в нем пыли и гари. Вот какие сокровища таятся в золе.

М. ГИНДЕН

Гости «Огонька»

«Боэмия» — так называется выходящий на Кубе еженедельник, с которым «Огонек» дружит уже не один год. Недавно нашими гостями были ответственный секретарь «Боэмии» Карлос Пинейро Лоредо и фотокорреспондент Карлос Пильдайн Пратс. Вместе с корреспондентами «Огонька» кубинские журналисты побывали в Ленинграде, Киеве, совершили поездку на БАМ. «Мы собрали много интересных материалов, с которыми наши читатели познакомятся в год шестидесятилетия образования СССР»,— сказали нам кубинские коллеги.



На снимке: кубинские журналисты — гости «Огонька».

ЗНАТОКИ И «МАЛЮТКА»

К. БАРЫКИН

Какой странный покупатель! Предлагают ему блистающие эмалированными боками стиральные машины, а он обходит их стороной и спрашивает:

— «Малютка» есть?

— Откуда же?— в свою очередь, интересуется словоохотливый продавец.— В этом месяце ни одной не получали.

— Далась вам эта «Малютка»!— слышу несколько раздраженный голос, когда звоню в Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов.— Устаревшая модель, морально устаревшая.

Читаю справки, статьи, интервью, документы — похоже, все единодушны. Член коллегии Минлегпищемаша В. Лапшин так и писал: «Многопрограммные, удобные автоматические «прачки» должны полностью вытеснить из производства и быта нынешние стиральные машины». Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов И. Пудков все же допускает малогабаритную машину, но только не «Малютку». Он сообщал: «Ждановский завод «Электробытприбор» готовится выпускать миниатюрную стиральную машину «Десна», в которой за десять минут можно выстирать и прополоскать килограмм белья». И тут же: «Мне кажется, что такие машины должны найти спрос в гостиничных пунктах проката».

Но покупатель хотел бы приобрести машину домой, а не заниматься постирушкой в гостиницах. Как быть?

Чтобы внести полную ясность в вопрос о «Малютке» (чрезвычайно популярной машине), чтобы поставить ее на свое место, была проведена даже специальная экспертиза, столь обстоятельная, что мне стало совершенно ясно: теперь-то «Малютке» придет конец! Узнает покупатель, что гигиенические и антропометрические показатели самой маленькой нашей стиральной машины на полтора балла ниже, чем у перспективного образца (видимо, это «Десна»? — **К. Б.**), и тотчас откажется от «Малютки», чтобы не прослыть ретроградом, чтобы идти в ногу с временем. Читаю дальше этот протокол экспертизы и вижу, что и функциональная выразительность у известной машины хромает, гармоническая целостность композиционной структуры (цитирую заключения экспертов.— **К. Б.**) заметно отстает, да и товарный вид набрал всего 3,1 очка — это при пятибалльной-то шкале оценок!

Не машина, а закоренелый троечник! Пусть это тройки с плюсом, но кого этот плюс обманет? Может, по доброте душевной выставили эксперты эти плюсики, чтобы не обидеть производителей?

Но я не знаю с достоверностью, ведомы ли свердловчанам все эти данные. У меня такое впечатление, что им просто-напросто некогда знакомиться с официальными документами. Им хоть бы успеть ответить на все письма, в которых всего две-три строки: хотим купить «Малютку»! Упрямый покупатель не соглашается с мнением авторитетов и знатоков, за что и будет наказан, в чем мы еще убедимся.

Пишут, просят «Малютку». Пишут с БАМа и из Москвы, из затерявшегося в тайге поселка, из Молдавии и из города Жданова, где, по министерским данным, готовятся выпустить новую миниатюрную стиральную машину...

И вот ведь какая история: покупательское мнение охотно поддерживают и отражают торговые организации и служба спроса. Я знакомлюсь с годовым обзором, характеризующим потребность в стиральных машинах. Он подтверждает, что сейчас машин малогабаритных, на килограмм сухого белья, делается едва три — пять процентов от общего выпуска стиральных машин. А надо? Надо гораздо больше. Многие хотят, говорится в обзоре, «купить ставшую весьма популярной малогабаритную стиральную машину, которая в два раза дешевле активаторной стиральной с ручным отжимом машины и стирает не хуже ее». Поэтому, справедливо делают вывод авторы, «необходимо значительно увеличить производство малогабаритных (типа «Малютки») стиральных машин, спрос на которые из года в год растет».

Впрочем, чему удивляться! Машина эта, которую ныне делают в Свердловске, на Уралмашзаводе, легка, занимает очень мало места, бережлива — к белью и к электроэнергии; словно это не стиральный агрегат, а двухсотваттная электролампа.

Есть машины мощнее, производительнее, есть автоматы и полуавтоматы. Но в том-то и дело, что «Малютка» вовсе не собирается с ними соперничать, она нужна сама по себе. Эта машина, можно сказать, камерная, в чем-то даже интимная. Не все белье доверишь прачечной, да и в большую, урчащую «жерновами» машину не любую вещичку положишь. Детское белье, например, или пеленки все же лучше стирать в «Малютке».

Об этом мы и говорим, когда идем гулким, застывшим в немоте перерыва цехом завода. Он просторен, аккуратен, только выставленные по стене штабеля машин несколько нарушают гармонию. «Что же вы машины-то выдерживаете? — спрашиваю я.— Их давно ждут в магазинах».

— Покупатель ждет машину, а мы ждем двигатели для нее,— отвечают мне и показывают пустые пластмассовые гнезда для моторов.

Перерыв в цехе вовсе не обеденный, цех простаивает именно из-за того, что нет комплектующих деталей. Потому-то и не уходит продукция — нет двигателей для «Малюток». Они сиротливо стоят — десятки, сотни...

Такое случалось не раз и прежде, на заводе уже привыкли к тому, что нередко комплектующие детали приходится «выбивать», посылать за ними гонцов только что не с рюкзаками, чтобы привезти хоть двести — триста тех же, например, двигателей. Конечно, привозят, но с такими мытарствами, что иногда и сами думают: может, впрямь отказаться от «Малютки»? Очень хлопотная машина. Вот и полистирола хронически недостает. Даже фондового. Выпрашивают, пишут, настаивают, доказывают — и все же приходится иногда за пластмассой тоже посылать нарочных.

Привозят все сполна. Значит, есть сырье? Конечно, есть, просто распределено оно неразумно, идет нередко к изготовителям неходовой продукции, а для той же мини-стиральной остается мало. Сейчас свердловчане вплотную подошли к ежегодному 100-тысячному тиражу, но мощности предприятия позволяют делать значительно больше таких машин. Однако сдерживает отсутствие сырья и более чем прохладное отношение к «Малютке» со стороны головного ведомства — Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов. Сколько всех и всяческих препон и преград соорудили в этом ведомстве на пути «Малютки», усыпав ее путь на прилавок не розами, а терниями! Недавно сделали на заводе 500-тысячную «Малютку» — сейчас она в ассортиментном кабинете. «Место для миллионного экземпляра пока не готовим»,— сказали мне. Мало делают машин. Дефицитны они. А дефицит тянет за собой свой шлейф: ажиотаж, завышенную оценку качества.

Мало машин, очень мало. Но вдруг узнаю, что проблема может быть решена! Одно из предприятий Башкирии нашло и сырье и мощности и готово начать выпуск маленьких стиральных машин.

Заводчане обратились к Минлегпищемашу, но встретили, мягко говоря, непонимание. Тогда направили свои предложения торговле: помогите! Заместитель министра торговли РСФСР А. Горбачев тотчас связался с заместителем министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов В. Зайцевым: так, мол, и так, в Российской Федерации ощущается большой спрос на малогабаритные стиральные машины типа «Малютка». При потребности в триста тысяч таких аппаратов их выделяют всего 65 тысяч — 22 процента к заявке, подкрепленной устойчивым покупательским спросом. «В настоящее время,— писал один заместитель министра другому,— проработан вопрос об организации производства стиральной машины типа «Малютка» в объединении «Салаватнефтеоргсинтез»... Однако Минлегпищемаш не разрешил передать указанному объединению техническую документацию на производство стиральной машины. Учитывая необеспеченность спроса на малогабаритные стиральные машины, а также возможность организации их выпуска, Минторг РСФСР поддерживает просьбу Совмина Башкирской АССР и настоятельно просит положительно решить вопрос об организации выпуска стиральных машин «Малютка» на производственном объединении «Салаватнефтеоргсинтез».

Увидев реальный путь решения проблемы, столь же заботливо и встревоженно руководство «Росхозторга» пишет (и получает там полное понимание) в Минторг СССР с просьбой поддержать инициативу башкирцев. Тем более что и сырье есть и двигатели могут быть выпущены также на одном из машиностроительных заводов республики.

Казалось, пройдет немного времени, и «Малютки» из Башкирии начнут соперничать с «Малютками» из Свердловска — к удовольствию тех, кто хотел бы приобрести такую машину.

Но не спешите, сначала познакомьтесь с тем, что В. Зайцев написал в Минторг РСФСР. Просим извинения за пространное цитирование, оно необходимо, так как вносит ясность в позицию Минлегпищемаша, в его отношение к проблеме в целом: «Разработанный Минлегпищемашем прогноз потребности и производства в стране важнейших видов электробытовых машин и приборов по закрепленной за министерством номенклатуре на 1981—1985 годы и 1990 год предусматривает увеличение производства малогабаритных стиральных машин в 1985 году до 180 тысяч штук. Увеличение объемов производства малогабаритных стиральных машин планируется осуществить за счет наращивания выпуска производственным объединением «Уралмаш» и организации специализированного производства в донецком объединении «Электробытмаш» Минлегпищемаша. Указанные объемы производства малогабаритных стиральных машин позволят удовлетворить спрос населения на них, в связи с чем Минлегпищемаш считает нецелесообразным организацию их выпуска на производственном объединении «Салаватнефтеоргсинтез».

И вся недолга.

И неважно, что цифры не совпадают, что прогноз торговли определен в триста тысяч машин. Неважно, что свердловчане никак не могут увеличить выпуск «Малюток» по причинам, о которых мы уже писали. Неважно, что та самая машина донецкого «Электробытмаша» — это пока журавль в небе.

Похоже, башкирская машина стала той самой реальной «синицей», которая может лишить будущую минлегпищемашевскую машину покупателя. Не в этом ли вопрос, не в этом ли суть дела? Покупатель? Он подождет, какое до него дело знатокам спроса и предложения! И торговля подождет, а от наседающего покупателя пусть отбивается как хочет.

...Захожу в магазин. Стоят давно известные мастодонты — большие, энергоемкие стиральные машины. Ждут, когда же их купят. Покупают, что же сделаешь: «Малюток»-то нет. И продавец заученно отвечает: «И не знаю, когда будут...»

НЕВСКИЙ ХРУСТАЛЬ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Сначала была мечта... Она объединила трех замечательных людей: скульптора В. И. Мухину, писателя А. Н. Толстого, ученого-химика Н. Н. Качалова. Объединила общей целью — возродить в Ленинграде старинное искусство русского художественного стекла, секреты изготовления которого, по мнению зарубежных экспертов, были навсегда утрачены вместе с упразднением императорского стекольного завода.

Но остались мастера. Остались традиции, прекрасные произведения, украсившие дворцы, музеи города и пригородов. И смело заявляло о себе уже новое поколение художников, воспитанных революцией.

Этот чудесный сплав обещал многое. А начинать пришлось весьма скромно — с маленького, созданного в 1940 году по инициативе В. И. Мухиной, Н. Н. Качалова и А. Н. Толстого цеха при небольшой зеркальной фабрике, расположенной на далекой рабочей окраине за Обводным каналом. Но именно этому цеху суждено было определить и новую биографию предприятия и громкую славу его.

Уже первые работы коллектива, художественным руководителем которого в 1940—1953 годах являлась народный художник СССР В. И. Мухина, показали, что на небосклоне отечественного декоративно-прикладного искусства взошла необычайно яркая звездочка. И потому в 1949 году было принято постановление о реорганизации цеха в завод художественного стекла. Задачи перед ним ставились немалые — стать всесоюзной экспериментальной и производственной базой для выпуска образцов художественных изделий, уникальных произведений и архитектурных деталей различного назначения.

А еще через три года новичок уверенно вышел на международный рынок. Это была сенсация, объясняя которую специалисты отмечали прежде всего своеобразие русского стекла, его ярко выраженный национальный характер, редкостную одаренность мастеров.

Именно этими качествами объясняется устойчивый успех изделий завода, неизменно привлекающих внимание ценителей на выставках, ярмарках Брюсселя, Монреаля, Лейпцига и других городов почти шестидесяти стран мира. Лучшие произведения минувших лет собраны ныне в заводском музее, который по праву можно считать одной из достопримечательностей города. В книге отзывов восторженные записи на многих языках — в них слова восхищения талантом заслуженных художников РСФСР А. Аствацатурьяна, А. Остроумова, Л. Смирновой, Л. Юрген, Е. Яновской, их коллег.

— Каждый из них по-своему чувствует хрусталь, по-своему использует его столь противоречивые, казалось бы, качества, как тонкость и массивность, хрупкость и твердость, его прозрачность,— говорит заведующая музеем М. М. Дубова.— Жизнерадостны и динамичны произведения Е. Яновской, в сдержанной, мягкой манере выполнены работы Л. Смирновой, поэтично творчество Л. Юрген, обладающей точным чувством пропорций. Много талантливой выдумки в произведениях Х. Пыльд, своеобразны сюжетные решения А. Аствацатурьяна, интересны по дизайну тщательно продуманные формы изделий А. Остроумова. Одним словом, у каждого свой достаточно ярко выраженный стиль.

К этим точным характеристикам хотелось бы добавить несколько добрых слов о Екатерине Васильевне Яновской. Придя на завод в 1949 году, она быстро проявила себя не только в творческом отношении, но и сыграла заметную роль в создании безукоризненного ансамбля мастеров, принесших заслуженную славу невскому хрусталю. Как руководитель художественной лаборатории, Екатерина Васильевна заметила и по достоинству оценила возможности преподавателя таллинского художественного института Л. Юрген, ее землячки Х. Пыльд. Она же привлекла способного выпускника училища имени Мухиной А. Остроумова, прекрасного рисовальщика Ю. Бякова и других.

По-хорошему можно позавидовать и творческому долголетию Яновской: одна из последних ее работ вновь заслужила высокую оценку—серебряную медаль Академии художеств СССР.

Многими отличиями отмечены произведения заводских мастеров. И если увидел, уже не забудешь чарующую «Лесную сказку» той же Яновской — вазу из бесцветного хрусталя с алмазной гранью; кажется только что поднятой со дна океана искрящаяся «Жемчужина» А. Остроумова — переливающаяся огнями декоративная ваза, вобравшая в себя волшебные краски таинственных морских глубин; прекрасна своей строгой графикой ленинградская серия А. Аствацатурьяна — бокал «Летний сад», штоф «Петровский».

— И все-таки все наши замыслы остались бы лишь замыслами без творческого соучастия стеклодувов, шлифовщиков, граверов,— замечает главный художник завода А. Аствацатурьян.— И не случайно самыми высокими наградами отмечен труд алмазчика Соловьева, руководителя экспериментальной бригады выдувальщиков мастера-художника Ефимова, их товарищей, участвовавших в создании большинства известных наших произведений, достойно представлявших декоративно-прикладное искусство страны на самых ответственных международных смотрах.

...Говорят, что на свете существует более десяти тысяч профессий. Выдувальщик — одна из редких и, пожалуй, самых сложных, если речь идет об изделиях высокой художественной ценности.

— Основная трудность в том,— уточняет В. А. Ефимов,— что мы выдуваем предмет из живой массы. И на все операции имеем считанные секунды, ведь застывает материал очень быстро. А исправить что-либо, сами понимаете, уже нельзя, у неудавшейся вещи дорога одна — в переплавку.

Мне посчастливилось наблюдать, как виртуозно используются эти секунды. Длинной полой трубкой с резиновой грушей на конце из ярко-алого чрева печи, в которой «варится» хрустальная масса, достается небольшой солнечно-жаркий комочек. Точно отмеренная грушей порция воздуха придает ему каплевидную форму, трубка буквально перелетает в руки напарника, который молниеносно присоединяет к основанию будущего бокала еще один совсем маленький кусочек раскаленной массы и тут же с непостижимой ловкостью фокусника превращает его в изящно перетянутую в центре ножку.

Бокал готов. Собственно, пока это тот самый «гадкий утенок», которому на пути к будущему совершенству предстоит пройти немало различных операций. Сначала неторопливая, в течение нескольких часов термообработка, затем тщательная, многоступенчатая шлифовка, насечка граней, полировка... И вот он засверкал, заискрился, нежным звоном ответил на прикосновение.

Нет, не поворачивается язык назвать эту красоту «предметом ширпотреба». Хотя, если следовать строгому смыслу этого термина, так оно и есть: большая часть продукции завода предназначена для магазинов. Вчерашние выставочные экспонаты становятся доступны многим, и, право, жаль, что, покупая вазу, салатницу, кубок, мы далеко не всегда узнаем, чьей фантазией, мастерством, чьими руками созданы они. А ведь это было бы и знаком уважения к филигранной работе мастеров.

Техника, пришедшая на завод, облегчила вспомогательные операции, но мало что изменила в непосредственно творческом процессе. По-прежнему основным инструментом, скажем, выдувальщика остались столь нехитрые предметы, как трубка, катальничек, пинцеты, ножницы. Нужны годы, опыт, особый дар, чтобы управляться с ними, как недавно вышедший на пенсию Борис Алексеевич Еремин, один из немногих мастеров, виртуозно владеющий сложнейшими приемами изготовления изделий с венецианской нитью, или тот же В. А. Ефимов, чьи работы по освоению приемов горячего декорирования стекла отмечены двумя медалями ВДНХ.

Кто заменит ветеранов? Ефимов с понятной гордостью называет имена своих учеников, двух Владимиров — Виссарионова и Иванова. Обоим примерно по тридцать, но уже есть в музее работы, созданные с их участием, да и вообще почти все наиболее сложные заказы, поручаемые экспериментальной бригаде, проходят через их руки.

Вот и сейчас коллектив готовится к новому ответственному смотру. Скоро в Дюссельдорфе откроется крупная национальная выставка нашей страны, и основу экспозиции в соответствующем разделе вновь составят изделия с маркой Ленинградского завода художественного стекла...

НА ПЛОЩАДИ 17 ИЮНЯ

Есть особый смысл в том, что эта площадь, самое древнее место Риги, носит название большого исторического события: 17 июня 1940 года здесь, как и на других площадях латвийской столицы, гремели митинги, народ требовал свержения фашистской диктатуры и восстановления Советской власти...

Одна из красивейших площадей Риги знаменита и своим собором — Домским. Епископ Альберт предпринял его сооружение еще в XIII веке. Здание получилось величественным, толщина стен доходила до двух метров. Храм решено было посвятить святой Марии. В тринадцатом же веке был сооружен и громадный сумрачный зал — собраний капитула.

Неизвестными остались имена первых строителей. Может, одним из них был тот лив, чья скульптура сохранилась на консоли в северо-восточной части церкви? Долго возводился храм святой Марии — с XIII по XVIII век. К первоначальному романскому стилю прибавились почти все архитектурные стили последующих столетий. В 1547 году церковь сгорела, и до наших дней Домский собор дошел в своем позднем облике, но основной корпус уцелел.

В 1959—1962 годах собор реставрировался под руководством советских архитекторов: было восстановлено внутреннее убранство XVI века. Собор стал прекрасным концертным залом, даже за рубежом он известен своим органом. Лучшие музыканты мира выступают здесь.

Первый орган в Домском соборе установили в 1547 году. Он был обильно украшен резьбой по дереву — цветочным орнаментом, изображениями животных, а также портретами членов рижского магистрата. А нынешний орган привезли в Ригу из вюртембергской фирмы «Валкер» в восьмидесятых годах прошлого века. В нем сто двадцать семь регистров, воспроизводящих звучание всех музыкальных инструментов. Целый симфонический оркестр! Но, кроме того, есть здесь голоса ветра и моря, грома, соловья и женщины.

Сейчас латышские реставраторы снова бережно ремонтируют собор, учитывая новые исследования старины. И орган отправлен на реставрацию, на сей раз в Голландию. Однако знаменитые рижские органные концерты не прекратились: они идут пока в большом зале университета, где есть хороший орган.

Домский же собор после реставрации станет уже не только концертным залом, но и музеем средневекового искусства.

Н. ХРАБРОВА.

На снимке: Домский собор.
Фото ТАСС.

ESPAÑA 82

Лучший форвард мирового чемпионата П. Росси принимает поздравления своих товарищей Ориали и Тарделли.

Мадрид, 11 июля, стадион «Сантьяго Барнабеу», финальный матч мирового чемпионата по футболу. Итальянские футболисты торжествуют.

Телефото АП — ТАСС

УРОК ИСПАНСКОГО

Золотая пыль, поднятая бутсами двадцати четырех лучших команд мира, медленно оседает над Испанией. Все футбольные дороги ведут в Рим, но футбол обречен четыре долгих года говорить с испанским акцентом.

Испанский урок замечателен прежде всего тем, что он заставил уважать некоторые прописные истины футбола, пренебрежительно отброшенные кое-кем из тренеров, кинувшихся пересаживать на футбольное поле терминологию научно-технической революции и заносить на перфокарты для электронных вычислителей даже такие данные, как степень потения щиколотки на седьмой минуте второго тайма.

Первая истина из ряда прописных была неплохо сформулирована в песенке, бродившей в пресс-группе советских журналистов. Дело в том, что ленинградское телевидение объявило конкурс на футбольную песню, и в стихах, которые каждый день рождались на трибунах, выделенных для журналистской братии, отражалось то, что происходило на зеленом ковре стадиона.

Я словами этой песни
Подсказать тебе хочу:
Не забьешь мяча в ворота,
Если не ударишь по мячу.

Вот она, прописная истина, напрочь забытая нашими футболистами, которые числятся по штатному расписанию нападающими. В трех матчах из пяти Олег Блохин ни разу не ударил по воротам. Почему? Указания не бить по воротам наши тренеры не давали ни одному футболисту, даже Дасаеву. Однако в матче с поляками ни один из наших трех нападающих не бил по воротам.

Константин Бесков на пресс-конференции после матча специально обратил на это внимание журналистов. Но мы, конечно, видели это и сами: бил Демьяненко, бил Чивадзе, бил Балтача. Но только не те, которых поставили в команде именно для того, чтобы они били по воротам. Это по-прежнему одна из самых трудных загадок нашего футбола.

Вторая прописная истина футбола звучит так: не вымаливай штрафного. Имитация травм — прием, имеющий широкое хождение в профессиональном футболе. Он преследует чисто практические цели: потянуть время, дать небольшую передышку своей команде, сбить противника с атакующего ритма. И здесь самый яркий пример применения этого приема оставили игроки команды ФРГ.

Третья прописная истина: если хочешь добиться успеха, надо отдать борьбе все силы и бороться до последней секунды. Пример хрестоматийный. Игра Франция — ФРГ. Проигрывая со счетом 1 : 3, футболисты Западной Германии спасли матч. Они проигрывали и по пенальти, но вратарь бился до конца и сравнял шансы. Когда ошиблись французы, то от западногерманских футболистов потребовался один точный удар. Его можно было оценивать на вес серебра, металла весьма тяжелого, и пробить его было нелегко. Но они

НАШ КОММЕНТАРИЙ

В эти последние дни чемпионата команды играли без оглядки, не было спасительных вариантов, все одновременно просто и необычайно сложно: только выигравшие шагают вверх.

Сначала два полуфинала. Как-то поведут себя впечатлительные итальянцы после блистательных побед над аргентинцами и бразильцами, не исчерпан ли их запас честолюбия? Нет, оказалось, что они способны проявить полное присутствие духа. Довольно спокойно, без осложнений они выиграли у поляков 2 : 0. Тем самым открылась еще одна грань этой интересной сильной команды.

Ну, а второй полуфинал ФРГ — Франция был разыгран как подлинная драма. Двухчасовая борьба (с дополнительным временем) закончилась 3 : 3, причем французы вели в счете 3 : 1 и все же не сдержали натиска команды ФРГ на последних минутах. Серия пенальти, и каждый удар — удар судьбы. С замиранием сердца публика ожидала неминуемой развязки. Она наступила на шестом ударе: француз Босси забить не сумел, а Хрубеш не дрогнул. Обе команды провели матч превосходно, обе были достойны победы, но регламент требовал одного победителя. Сборная ФРГ — в финале. А мы надолго запомним этот патетичный матч, в котором футбол был даже больше, чем игра.

Французы, уступив, оказались нервно обессиленными, и в матче за 3—4-е места ими был выставлен фактически резервный состав. Сборная Польши выглядела хладнокровной, знающей дело и победила 3 : 2. Большое достижение польской команды, которая вначале не рассматривалась как возможный призер.

Воскресный вечер последнего уникального матча. И снова вопрос: остались ли силы у футболистов ФРГ после того необыкновенного полуфинала? Внешне они держались стойко, старались часто атаковать. Но истинные возможности команды вернее всего проверяются остротой создаваемых ею моментов, способностью наносить завершающие удары. А именно в этом, самом ценном достоинстве сборная Италии, согласившаяся даже отдать сопернику некоторый территориальный перевес, была явно сильнее, а потому и удачливее. Тщетность несколько монотонного наступления команды ФРГ итальянцы разоблачили быстрыми, резкими, предприимчивыми контратаками и добились неожиданно крупного перевеса в счете — 3 : 0. И опять блеснул Росси, забивший первый гол, свой шестой гол на чемпионате, что сделало его лучшим бомбардиром. Итог финала — 3 : 1.

Не исключено, что для кого-то появление итальянцев на пьедестале чемпиона мира покажется странным, необъяснимым сюрпризом, однако вспомним их завершающую серию: с Аргентиной — 2 : 1, с Бразилией — 3 : 2, с Польшей — 2 : 0, с ФРГ — 3 : 1. Так ярко провести концовку чемпионата под силу только команде выдающейся. Это несомненно. И потому со спокойной душой принесем наши поздравления новому чемпиону мира.

Наверное, первое, что полагается сказать вслед завершившемуся чемпионату, это то, что он полностью удался как зрелище. Матчей было много (52), а похожие (таковыми обычно являются скучные) наперечет. На протяжении месяца наряду с турнирным розыгрышем, измеряемым очками, шел конкурс футбольного искусства, одаривший нас всеми переживаниями и впечатлениями, которые только можно получить от игры. Этот конкурс завязался сразу, в нем приняли участие и те команды, которым не дано было высоко продвинуться: Алжир, Камерун, Кувейт, Гондурас, Бельгия, Югославия, Северная Ирландия... И мы получили точное представление о том, что дела в мировом футболе идут на лад, что будущее игре обеспечено.

Решительно оплошали компьютеры с их формальным «мышлением», предсказания не сбылись. Да и как им было не оплошать, если команд высокого класса на чемпионате оказалось больше, чем нашептывали старые представления и репутации. Италия, ФРГ, Польша, Франция — так выглядит четверка призеров. Но разве удивило бы кого-нибудь, если бы среди них оказались Бразилия, Аргентина, Англия? Соизмеримость игрового мастерства сделала конкуренцию острейшей, результаты многих матчей были непредсказуемы, что придавало событиям на зеленой сцене истинно драматический характер. А такие встречи, как Италия — Бразилия или ФРГ — Франция, уверен, останутся в памяти любителей футбола на долгие годы как образцы импровизационной драматургии.

В футбол играют не под копирку. Игра допускает различную трактовку, в ней едва ли не постоянно идет борьба направлений и тенденций. Есть у футбола черты, которые мы называем своеобразием. Скажем, новый чемпион мира — сборная Италии подчеркнуто доверяет своей обороне и атакует, как бы отталкиваясь от нее, словно боксер от каната ринга. У сборной Франции и сборной Бразилии ставка всецело на атакующие действия, даже с некоторым пренебрежением к защитным обязанностям. Быть может, это случайное совпадение, но обе они позволили себе иметь слабых вратарей. Сборные ФРГ, Польши, Аргентины, Англии стремились к тому, чтобы в построении командной игры не было никаких перекосов, никакой односторонности. Все эти команды имели в игре свои собственные построения, варианты, словом, то, что создает характерную манеру. Но как бы ни влияли все эти отличия, принципиально общего у них было больше. Это общее заключалось в том, что все они проявляли вкус к смелой игре атакующего плана, что в эту игру включали максимально возможное число игроков, в том числе и защитников, среди которых многие мало в чем уступают заправским форвардам.

Было время, когда мы с опасением наблюдали за сокращением числа нападающих в командах. Сейчас это уже не вызывает тревогу, в одном ряду с двумя форвардами находятся пять-шесть-семь игроков, которые умеют все, что необ-

нанесли этот удар точно, и он гарантировал им серебряные медали. Потом футболисты ФРГ говорили, что труднее всего им было дойти после матча до раздевалки: сил уже не было даже на то, чтобы радоваться победе.

Еще одна прописная истина. Побеждали те команды, игроки которых постоянно находились в движении, создавая все новые и новые варианты для продолжения атаки. Играть, прячась за спиной защитников, как это делал Шенгелия в надежде, что мяч перебросят через опекуна и можно будет убежать от соперника с мячом в зубах, в Испании оказалось затеей нерентабельной. Шенгелия так ловко прятался среди своих, что его не могли найти не только соперники, но и партнеры.

Наталкивает Испания и на такое размышление, которое многие не захотят принять за аксиому. Поэтому мы предлагаем его в порядке теоремы. Дано: в команде пять нянек, то бишь пять тренеров,— Бесков, Лобановский, Ахалкаци, Федотов, Логофет. Требуется доказать, что это лучше, чем один Константин Бесков. В Испании побеждали те команды, во главе которых стоял один тренер и проводил в жизнь свою концепцию игры, свою модель на каждый матч.

Испанский урок показал, что внутри футбола много еще мусора: нечестное судейство, откровенно грубая игра, нацеленная на прямую ликвидацию лучших футболистов, симуляция травм, апелляция к трибунам с целью повлиять на судейские решения.

Игра должна быть чистой, и футбол должен быть чистым. Вот еще один урок, который дал мировой чемпионат.

Б. КОРОЛЕВ, А. ЧЕКУОЛИС,
корреспонденты АПН —
специально для «Огонька»

Мадрид.

ходимо для ведения атакующей игры. Разумеется, это повысило требования к техничности, к тактическому мышлению футболистов. Этот чемпионат в целом дал ясно понять, что хороший игрок наших дней — игрок разносторонний, инициативный, не знающий усталости, бесстрашный, свободно владеющий мячом в любой ситуации. Надо думать, что эта тенденция получит дальнейшее развитие, что не позволит футболу оскудеть. Короче говоря, игра защитного толка, когда вперед отряжаются только двое-трое, выглядит сейчас анахронизмом.

Чемпионат мира не просто произвел прекрасное впечатление, развлек и потешил. Он наверняка дал понять любителям футбола, что же это такое — хорошая игра. Взыскательность зрителей не может не вырасти. Они наверняка будут в дальнейшем сравнивать то, что видят, с тем, что было показано в дни чемпионата, будут держать в памяти лучшие образцы. И неминуемо повысится спрос с нашей сборной, с клубов, с тренеров и мастеров. А спросить есть что. Сравнение в данном случае совершенно необходимо, ибо наш футбол его не выдержал.

Мы долго и терпеливо надеялись, что в ходе подготовки к чемпионату сборная найдет свою игру образца осени 1981 года. Потом стали надеяться, что это произойдет на чемпионате. Нет, не нашла она свою игру и хотя имела турнирное продвижение, но в конкурсе футбольного искусства участия не приняла. Выходит, не так готовилась, если даже растеряла ранее достигнутое.

Дело в конце концов не в занятом месте, тут могут сыграть роль удачные либо неудачные обстоятельства. Надежна всегда только игра, она ведет из дня сегодняшнего в завтрашний. Отсутствие игры никуда не ведет. Поэтому едва ли возможно представить сейчас, как пойдут дела у нашей сборной в чемпионате Европы, который не за горами. Мы опять, как это не раз бывало в прошлом, не знаем самого существенного — как она играет.

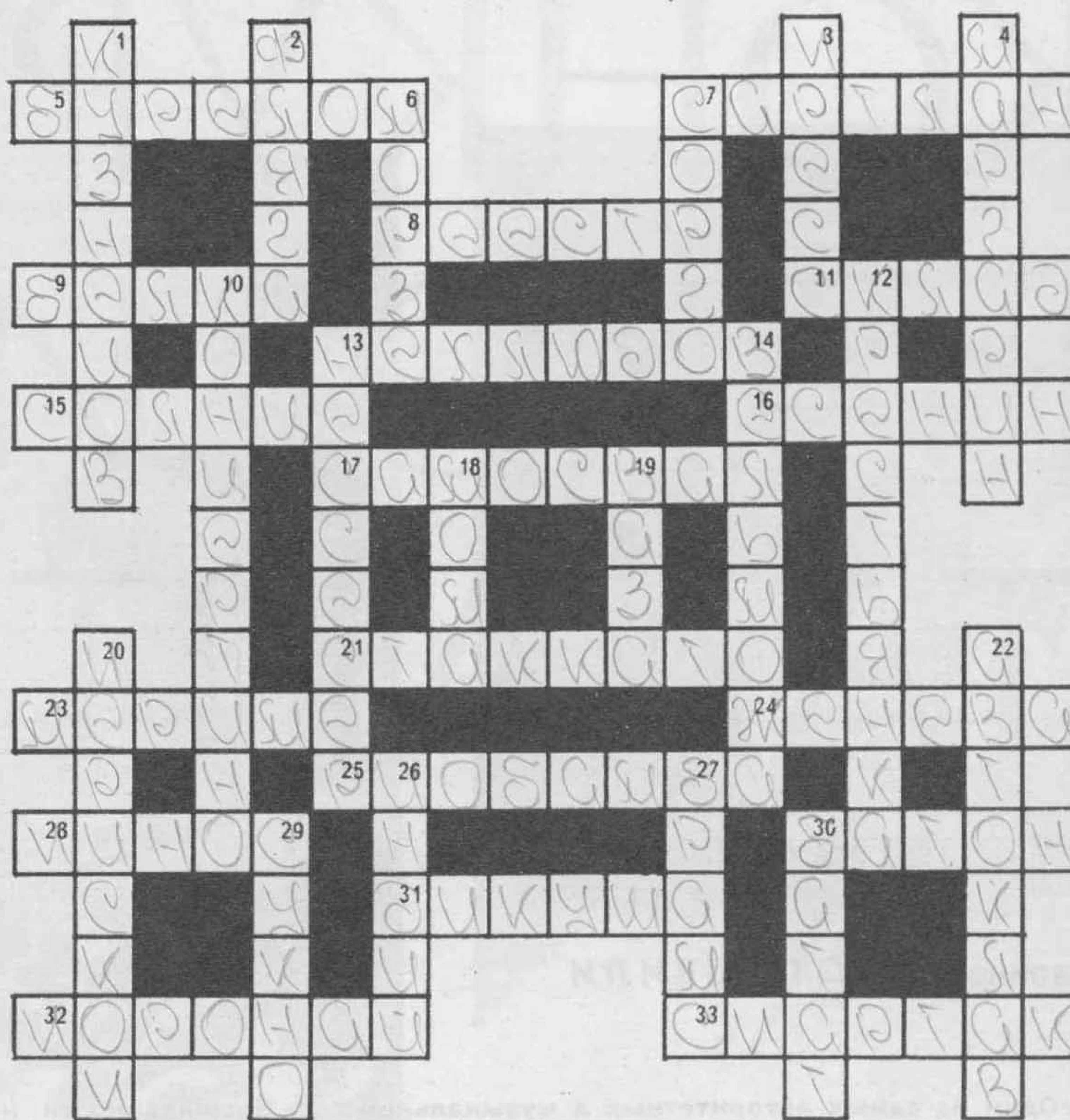
Наш футбольный комсостав (имею в виду и тренеров и всех других руководителей команд) за малым исключением подвержен влиянию мелкотравчатого практицизма, заключающегося в сборе турнирных очков, необходимых для внешнего благополучия. В этом случае сама игра всегда уходит на второй план. В клубах всех лиг такой подход к делу процветает. Может быть, он сказался и в сборной? Это не исключено. Но такой подход на уровне сборной напрочь исключает возможность ярких достижений.

Опасность тут в том, что сугубо практическое отношение к турнирным задачам не обязывает к поиску активных, оригинальных способов ведения игры, тогда достаточно и немудреных, консервативных, основанных на оборонительных излишествах, на расчетах провести как-нибудь хоть один голишко в чужие ворота да собрать максимум очков на своем поле.

После чемпионата мира, показавшего футбол во всем его блеске, мы будем обязаны вновь задуматься над тем, в силу каких причин наши мастера отстают. Одно ясно вполне: в игре как нашей сборной, так и клубов не отражены в должной мере ведущие тенденции современного футбола: активность, наступательность, разносторонность.

Л. ФИЛАТОВ

КРОССВОРД



По горизонтали: 5. Картина И. И. Шишкина. 7. Озеро в Новосибирской области. 8. Список, перечень, опись. 9. Пушной зверек. 11. Помещение для хранения материалов, товаров. 13. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Воскресение». 15. Центральное светило планетной системы. 16. Русский советский поэт. 17. Разновидность грузового автомобиля. 21. Прием извлечения звука в музыке. 23. Французский писатель XIX века. 24. Город в Швейцарии. 25. Административный центр провинции в Экуадоре. 28. Остров в Карибском море. 30. Хлеб продолговатой формы. 31. Птица семейства тетеревиных. 32. Река на Сахалине. 33. Всесоюзное спортивное общество.

По вертикали: 1. Партизан-разведчик, Герой Советского Союза. 2. Походная плоская бутылка. 3. Машина для обработки материалов давлением. 4. Пищевой продукт, жир. 6. Изобретатель электромагнитного телеграфного аппарата. 7. Злаковое растение. 10. Небольшое музыкальное произведение. 12. Советский журнал. 13. Футляр с предметами туалета. 14. Басня И. А. Крылова. 18. Приток Индигирки. 19. Сосуд для фруктов, цветов. 20. Оптический прибор. 22. Аппарат для проведения процессов при нагреве и под давлением. 26. Химический элемент, металл. 27. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 29. Шерстяная или хлопчатобумажная ткань для верхней одежды. 30. Сладкий картофель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. Тест. 3. Аким. 8. Голавль. 9. Ксилема. 12. Флейтист. 13. Сказка. 14. Ренуар. 15. Борисоглебск. 18. Рукавишников. 20. Глобус. 23. Джонка. 25. Трикотаж. 26. Предлог. 27. Абашели. 28. Жюри. 29. Банк.

По вертикали: 1. Тропик. 2. Скалозуб. 4. Колошник. 5. Мимоза. 6. Олифа. 7. Осетр. 10. Чехословакия. 11. «Мимолетности». 16. Оаху. 17. Сабо. 18. Ребиндер. 19. «Вдовушка». 21. Литраж. 22. Створ. 23. Джуба. 24. Кролик.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В совхозе «Вторая пятилетка», Воронежской области, идет заготовка кормов.
(См. в номере материал «Коси, коса!».)

Фото В. Кожевникова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Декоративная ваза. Художник Э. М. Криммер * Художники А. М. Остроумов и О. Б. Киричек в лаборатории * Туалетный набор «Солнышко». Художник Б. А. Смирнов * Декоративная ваза «Роза». Художник А. М. Остроумов * Скульптура «Бараны». Художник Е. А. Батанова * Стекольный цех Ленинградского завода художественного стекла * Часть декоративной композиции «Русь» (колокола). Художник Е. В. Яновская.
(См. в номере материал «Невский хрусталь».)

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.06.82. Подписано к печати 13.07.82. А 00658.
Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1822. Заказ № 2620.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС НАХОДИТ ТАЛАНТЫ

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Фото А. РУБАШКИНА

Один из самых авторитетных в музыкальном мире, конкурс имени П. И. Чайковского длился на этот раз целый месяц: слишком многие пожелали в нем участвовать, и за меньший срок прослушать всех конкурсантов просто было бы невозможно. Прослушать так, как слушало жюри,— внимательно, заинтересованно, давая каждому возможность исполнить свою программу полностью. Я думаю, что труднее всех пришлось на этом конкурсе именно жюри,— еще и от большой ответственности за творческую судьбу каждого участника. В иные минуты лица членов жюри переставали быть непроницаемыми и официальными (какими им быть полагается) и отражали те же чувства, которые публика выражала овацией (хотя ее убедительно просили не аплодировать)...

VII Международный конкурс имени Чайковского закончен. Казалось, что месяц для конкурса слишком долгий срок. Но он пролетел быстро, как праздник, все дни которого с утра до вечера были заполнены музыкой: пение скрипок, бархатные голоса вокалистов; Перголези, Бах, Паганини, Моцарт, Бетховен, Шопен... Вся классика — знакомые и малоизвестные произведения. Музыка современных композиторов. И конечно, Чайковский!

Многие конкурсанты лучше, ярче выглядели в современном репертуаре,— не каждый обладает тем богатством духовности, интеллекта, которого требуют сонаты Брамса, Шуберта, лирика Чайковского, не всем пианистам «давались» такие обманчиво простые его «Времена года», требующие не виртуозности, а колористического мастерства, особой наполненности, искренности в трактовке. Да и вокалисты не всегда были выразительны в исполнении романсов Чайковского. Скрипачи же «спотыкались» на блестящих каприсах Паганини, чьи головоломные каденции оказались послушны не каждому смычку.

Программа конкурса была высшей трудности. И если виолончелистов проверяли по одинаковой программе, то пианисты, скрипачи и вокалисты соревновались, позволяя всесторонне «рассмотреть» их дарование. Столь пристальный взгляд сразу выявлял неподготовленных музыкантов, и оставалось только удивляться той смелости, которая привела их на конкурс столь высокого ранга. Хотя первый тур, безжалостно отсеивая легковесных претендентов, не дал переступить квалификационный порог и одаренным музыкантам,— таким был французский пианист Франсуа Кердонкюф. С редкой задушевностью сыграл он «Баркаролу» Чайковского, и подумалось: уж не станет ли он одним из лидеров! Чуткий зрительный зал уже отметил для себя этого музыканта. Но нет, не сумел Франсуа Кердонкюф справиться с непомерным волнением, не проявил бойцовских качеств... Конкурс есть конкурс. И здесь не только техническая оснащенность, не только «божество и вдохновение» решают судьбу; нужно и умение «властвовать собой». И если бы невозмутимый, кажется, англичанин Питер Донохоу с его блистательным мастерством и собственной, подчас очень своеобразной трактовкой произведений чуть меньше волновался на первых турах, то, возможно, ему принадлежали бы и первая премия и золотая медаль, которые международное жюри конкурса пианистов решило на этот раз не присуждать никому.

Но и вторая премия, которую он разделил с советским пианистом В. Овчинниковым,— награда немалая.

У виолончелистов лидеры выделились с первого тура: бразильский музыкант Антонио Менезес и советский — Александр Рудин; оба одарены от природы и фанатично преданы своему инструменту. Но виолончель бразильца все же чуть теплее и мягче «говорила» с завороженной аудиторией, и после исполнения Менезесом си-минорного концерта Дворжака стало ясно,— вот «золотая» виолончель конкурса! Серебряным призером стал Рудин.

Неожиданности не подстерегали и скрипачей. Сергей Стадлер и Виктория Муллова разделили первую премию. Стадлер — музыкант большой культуры, блистательной, почти невероятной техники. При этом поражает и глубина его исполнения, умение погружаться в мир авторской музыки. Филигранная техника, строгий академизм В. Мулловой позволил жюри присудить ученице Л. Когана столь высокую награду...

Самым популярным на конкурсе было соревнование вокалистов. Здесь жюри совсем непросто было определить, «кто есть кто». Явный претендент на первую премию, советский певец Владимир Чернов слегка «засбоил» в третьем туре, как и югослав Горан Симич. С оркестром выступать труднее: нужна если не большая практика, то чувство ансамблевости. И вот тут-то Паата Бурчуладзе, певец из Грузии, особенно не выделявшийся в первых турах, с глубоким драматизмом спел арию царя Бориса из оперы Мусоргского "Борис Годунов" и результат — первая премия и золотая медаль. У Чернова — третья премия, у Симича — диплом... Второй премии и серебряной медали удостоен Гегам Григорян, певец из Вильнюса — редкой красоты тенор, заставляющий вспоминать имена прославленных мастеров итальянского бельканто. Слушать Григоряна — наслаждение, поет ли он романсы Чайковского или арии из его опер, Верди, Пуччини, народную армянскую песню,— свободно и легко льется волшебный голос. Зрители начали с первого тура ходить «на Григоряна».

Жюри конкурса вокалистов пришлось труднее всего: премий так мало, а полноправных претендентов так много. Кому отдать первую премию — Лидии Забилясте или Хураман Касимовой,— они почти равны по своим вокальным данным. Предпочтение отдали украинской певице Забилясте: лучше подобран репертуар. У Касимовой — вторая премия. А третью получила американская певица Долора Зариц, удивительно вдруг раскрывшаяся на третьем туре в трагической арии из оперы Дж. К. Менотти.

Я обратилась к членам жюри, известному румынскому певцу, лауреату Государственной премии, профессору Энигареску и солисту Большого театра Союза ССР В. Пьявко с просьбой поделиться впечатлениями.

— Каждый конкурс имеет свои особенности,— ответил профессор Энигареску.— Четыре года назад, например, преобладали меццо-сопрано, но мало было сопрано и теноров. Нынче больше сопрано. Хочу отметить, что хороши мужские голоса. А трудности?.. Я участвовал во многих национальных и международных конкурсах и должен отметить, что более достойного председателя жюри, чем Ирина Архипова, трудно встретить. С таким председателем конкурса вокалистов трудностей просто не могло быть.

Однако профессор Энигареску с огорчением заметил, что пресс-бюллетени конкурса иногда брали на себя функции жюри, параллельно вынося «свои» оценки и формируя тем самым общественное мнение. По мнению маэстро, нельзя это делать до объявления результатов жюри.

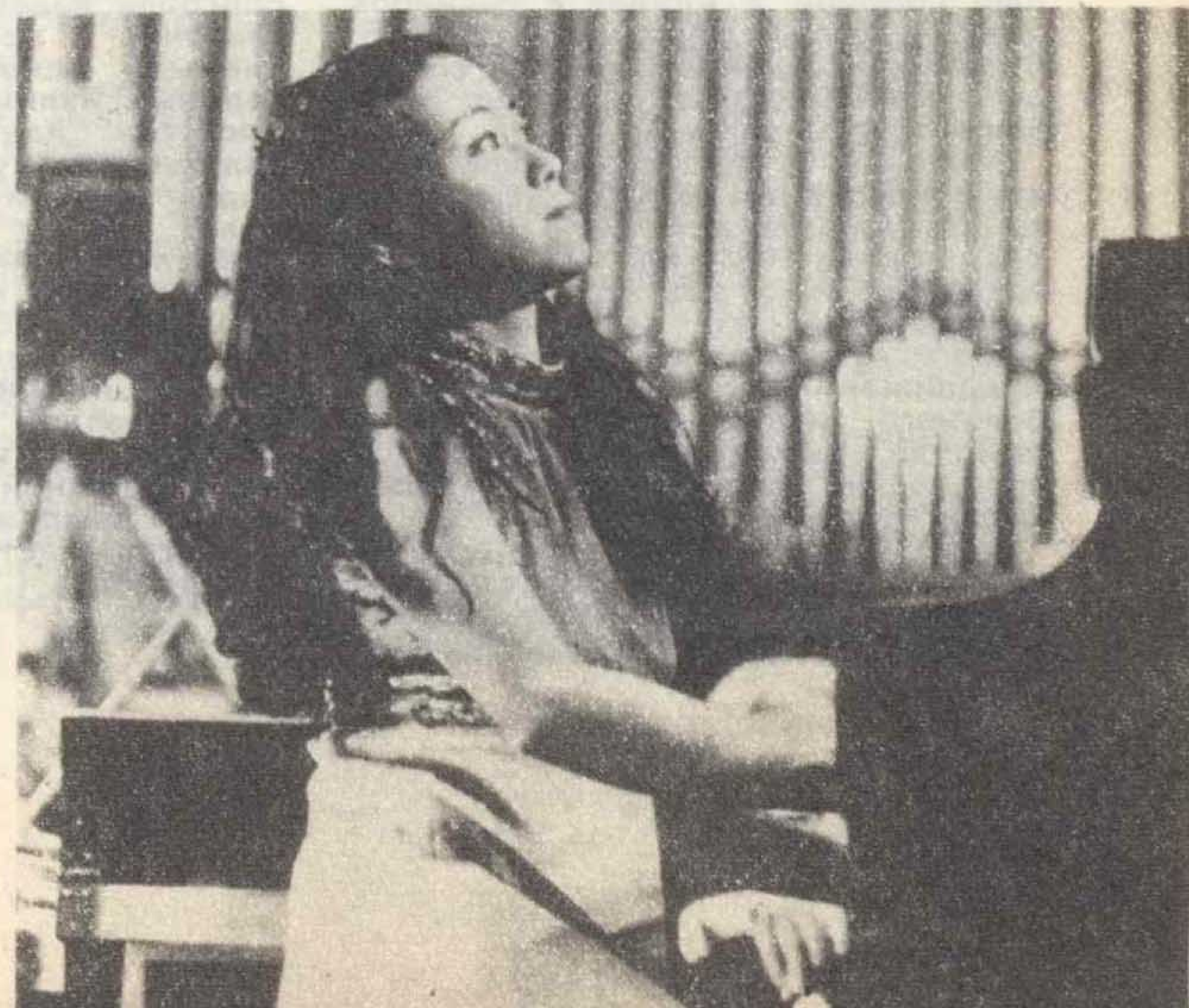
— Нынешний конкурс очень сильный,— замечает народный артист РСФСР В. Пьявко.— Отрадно то, что приехали певцы из стран, где не было развито оперное искусство: Вьетнам, Япония. И они спели прекрасно; может быть, чуть не хватало мастерства, но и Норико Кимура и Ле Зунг будут прекрасными артистами! На Западе утверждают, что опера умирает. Нет. Оперное искусство живо и будет развиваться дальше, коль есть и у нас и за рубежом такие прекрасные вокалисты.

...Победа на конкурсе, наверное, не является гарантией счастливой творческой судьбы, но это высокая школа мастерства, а значит, отличная стартовая площадка.

Торжественное закрытие конкурса.

Певица Х. Касимова (СССР) удостоена второй премии.

На сцене — пианистка из Японии М. Кояма.

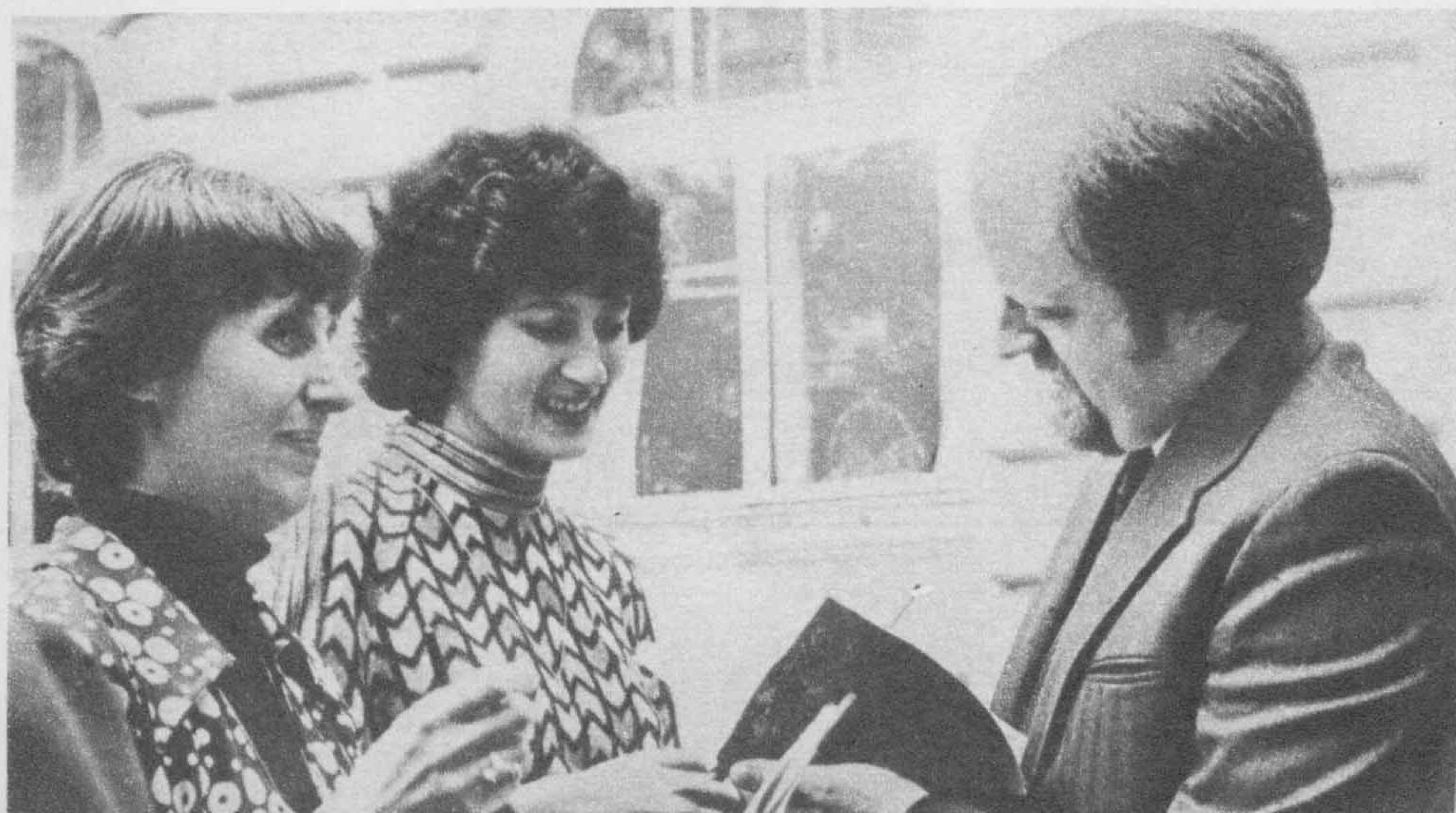


Играет В. Муллова.

Бразильский виолончелист А. Менезес узнает о присуждении ему первой премии.

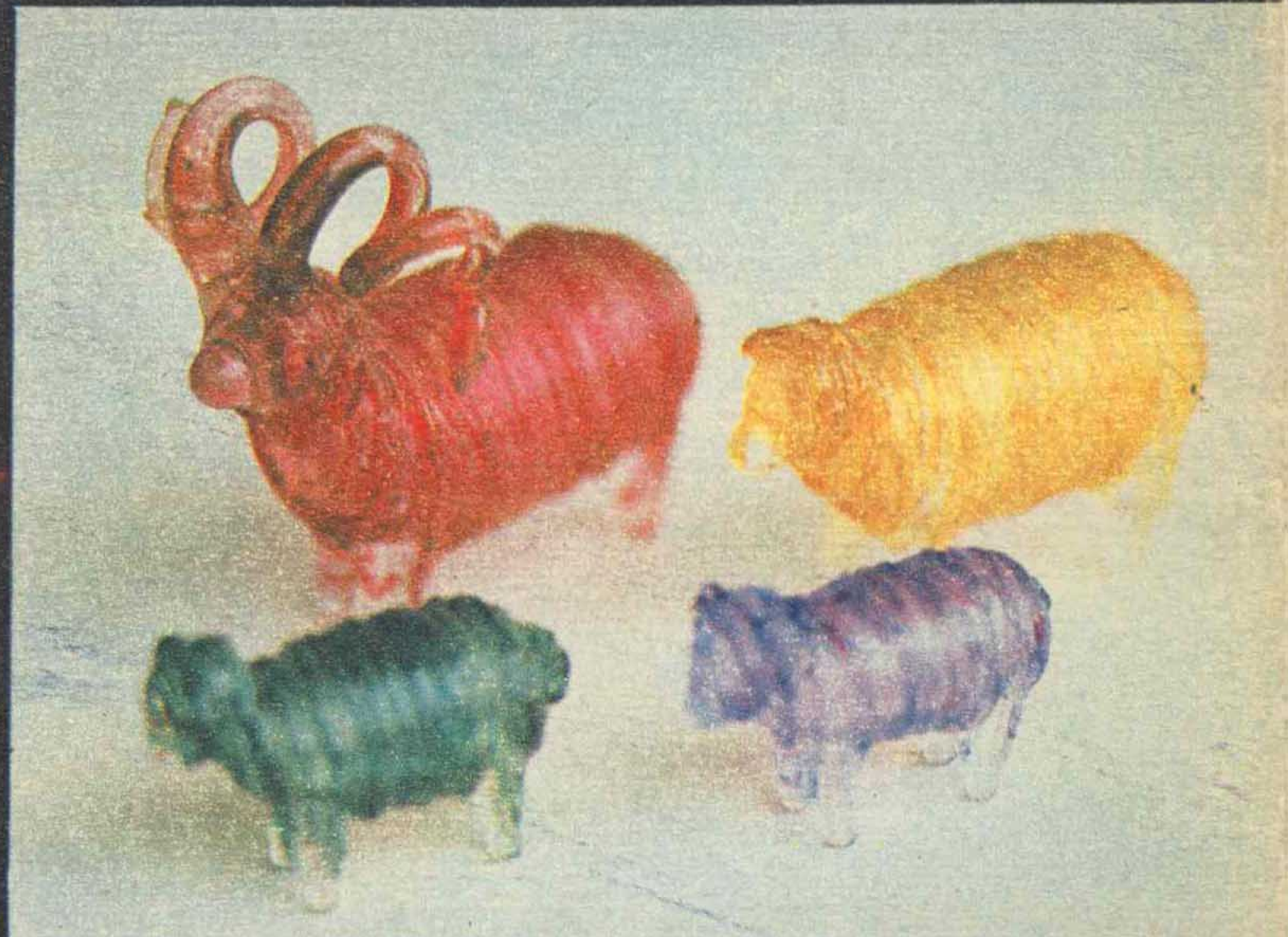
Скрипачка из США К. Мак-Дермотт и ее сестра Анна (концертмейстер) ждут решения жюри.

Английский пианист П. Донохоу дает автографы.



Диплом и специальный приз за лучшее исполнение народной песни получила Ле Зунг (Вьетнам).

ISSN 0131—0097



Цена номера 40 коп.
Индекс 70663